

Содержание

Вступление	5
Глава первая	9
Новый барин	9
Большие проблемы	11
Банкир среди военных	14
Глава вторая	16
Интересное предложение	16
Ловушка для инвестора	18
Высокие покровители	20
Кадровый резерв	21
Казус ИКЕА	24
Российский стандарт	27
Глава третья	28
Баловень судьбы	28
Облкорпорация	29
История одного девелопера	30
Заказ на трущобы	32
Амбиции в кредит	33
Нью-Подмосковье	35
Обмани меня	37
Архитекторы пирамиды	38
Как это работает	39
Глава четвертая	41
На проценте	41
Счастливая семья	43
Новая Рублевка	45
Хранительница очага	47
Большие проекты	48
Подмосковный рэкет	50
Глава пятая	53
Кукольный дом	53
Богатые жены	55
Предметы искусства	57
Зарубежные активы	59
Свадьба в Архангельском	60
Глава шестая	62
Долговой ком	62
Трудная осень	64
Первые посадки	65
Метод Пантелеева	68
Он придет и все исправит	71
Дефолт у ворот	73
Банки наносят ответный удар	75
Внезапное банкротство	77
Носов за решеткой	79
Глава седьмая	81

Рядом с Подмосковьем	81
Посланник Ротенберга	83
Тайные переговоры	85
Неожиданное предложение	87
Обманутые обманщики	90
Пришли за ОРСИ	92
Остатки прежней роскоши	94
Глава восьмая	97
Разоблачение банды	97
Главный должник России	100
Финансы после Кузнецова	102
Дурной пример	106
Все в дыму	108
В темноте	110
Падение «Сатурна»	113
Заключение	115
Иллюстрации	117

Анна Соколова

Корпорация «Подмосковье» : как разорили самую богатую область России

Вступление

Я вышла из метро «Мякинино» и стала вглядываться в темноту. Надо было понять, в какой стороне находятся владения губернатора Московской области Бориса Громова. Поздним вечером и с моей близорукостью это нелегко. Присмотревшись повнимательнее, увидела черную глыбу недостроенного бизнес-центра «Два капитана». Мой путь лежал к нему.

Уже пару лет эта стройка не подает признаков жизни. Два башенных крана стоят без дела, каркас здания аккуратно завешен серой тканью, на ней висит реклама «Квартиры в ближайшем Подмосковье от застройщика». На флагштоках у ворот ветер треплет три грязных флага – России, Московской области и застройщика, компании Strabag.

«Два капитана» должны были стать архитектурной доминантой делового района, который решил возвести на берегу Мякининской поймы губернатор Громов. Завидую столичному коллеге, он задумал построить в паре сотен метров от МКАД «Московию-Сити». Помимо офисов и торговых площадей здесь должны были разместиться несколько административных зданий, банки, выставочные залы, рестораны – настоящий подмосковный Манхэттен. Но не тут-то было.

Все, что удалось достроить – а это, по сути, только областной суд и здание администрации, – сделано на деньги областного бюджета. Частные компании умыли руки. И это вполне в подмосковном стиле.

С начала правления Громова область жила несколько не по средствам. Других вариантов не существовало: в наследство от предыдущего губернатора Селезнева остался дырявый бюджет. А избиратели ждали обещанных во время выборов новых школ, детских садов, стадионов. И они появились: десятки разного рода строений – от бобслейной трассы до горнолыжного курорта, работающего круглый год.

Позади замороженной стройки «Двух капитанов» можно увидеть главный символ правления Громова – ультрасовременное здание областной администрации из стекла и бетона. Его также называют «дом-гвоздь» или «дом-громоотвод». В левой части находится так называемая «башня губернатора», и вправду похожая на гигантский вбитый в землю гвоздь, с вертолетной площадкой наверху – ею якобы пользуется сам Громов.

Здание окружено четырехметровым решетчатым забором с «копьями» на концах. Попасть внутрь можно, только миновав три милицейских кордона. Территорию вокруг тоже постоянно патрулируют милиционеры. В общем, по части собственной безопасности губернатор Громов, некогда воевавший в Афгане, даст сто очков форы гражданскому мэру столицы – здание мэрии на Тверской, 13 выглядит куда менее неприступно.

Даже высокий забор не может скрыть запустения, царящего на площадке. Огороженная территория занимает добрую половину Мякининской поймы. За оградой видна еще одна заброшенная стройка: трехэтажный бетонный каркас непонятого назначения. Вокруг него валяется мусор, целлофановые пакеты, пустые бутылки от кефира. Как будто строители в спешке сбежали отсюда, и никому в голову не пришло за ними убрать.

Последние пару лет Громову не до эстетики. Под его руководством Московская область едва не стала первым в стране регионом-банкротом. И виной тому не столько финансовый кризис, сколько «эффективный» менеджмент его подчиненных. В их делах до сих пор до конца не может разобраться Следственный комитет.

Главным виновником случившегося принято считать бывшего министра финансов области Алексея Кузнецова. Он, бывший топ-менеджер обанкротившегося в 1998 году «Инкомбанка», создал систему дочерних компаний подмосковного правительства, позволявшую области получать дополнительные кредиты, не заботясь о том, как их потом гасить.

Аккуратный госслужащий в очках, как у Алексея Кудрина, умеющий говорить с бизнесменами на их языке, он легко уговаривал банкиров дать в долг Московской области. Его система работала как финансовая пирамида: одни кредиты шли на покрытие других, дочерние компании рапортовали о сотнях построенных школ и стадионов, многие из которых в виде проектов так и оставались на бумаге, банки им верили и снова давали денег.

В начале лета 2008 года Кузнецов внезапно исчез вместе с супругой Жанной Буллок. Она играла на подмосковном рынке недвижимости далеко не последнюю роль. Ухоженная блондинка средних лет, ценительница современного искусства, хозяйка небольшой галереи на «Винзаводе» строила коттеджи по дизайнерским проектам. По странному стечению обстоятельств ее компания «РИГрупп», до прихода Кузнецова в правительство не представленная на областном рынке, получала земли в наиболее привлекательных местах. Кстати, бизнес-центр «Два капитана» под окнами губернатора возводила тоже она. Как и торговые центры по всей области на месте старых привокзальных рынков. Она же выступала организатором выпусков подмосковных облигаций за немалый процент.

В общем, ничем не примечательная история частно-государственного партнерства на региональном уровне. Мало ли у нас успешных жен высокопоставленных мужей?

Судя по декларациям семей российских чиновников, вполне достаточно. Но уникальность четы Кузнецовых состояла в том, что их афера провалилась. Бывшего министра объявили в международный розыск, а администрация области поспешила откреститься от всех его финансовых проектов. «Мы сами не понимали, что подписывали», – утверждали в один голос местные депутаты и чиновники в доверительных беседах. Ни одного внятного официального объяснения случившегося за два года так и не последовало. Через стеклянные стены «дома-громоотвода» не просочилось ни звука.

...Возвращаясь с прогулки по владениям губернатора Громова, я все пыталась вспомнить, как начала заниматься этой историей. Оказалось, сделать это не так легко. Немного поразмыслив, поняла, что все началось с поста в ЖЖ галериста Марата Гельмана. В середине декабря 2008 года он написал (я бережно храню этот текст):

«Арестован Валерий Носов, бывший заместитель министра финансов Правительства Московской области и владелец “АРТМЕДИА ГРУП”, куда входят веб-портал OpenSpase.ru, журнал BLACKSQUARE и русская версия журнала Art+Auction... Валерий Носов проходит по одному делу с экс-министром финансов Правительства Московской области г-ном Кузнецовым и его супругой Жанной Буллок, которые летом успели покинуть Россию».

За пару месяцев до этого мои коллеги по журналу Forbes написали статью про дела Буллок и махинации с подмосковной землей, поэтому я радостно переслала им ссылку на пост Гельмана. Думала, пригодится.

После этого автор статьи Михаил Козырев, посоветовавшись с нашим начальством, сказал мне: «Инициатива наказуема. Ты нашла эту тему, ты про нее и пиши».

Честно говоря, большого желания писать об этом у меня не было: тема мутная, какие-то финансовые махинации – никогда раньше ни с чем подобным я не сталкивалась. Кроме того, статьи про областной дефолт выходили в газетах каждый день. (Как раз тогда милиционеры арестовали облигации подмосковных компаний и помогли правительству Громова избежать

расплаты по долгам областного ипотечного агентства.) Найти что-то по-настоящему новое и интересное в такой ситуации представлялось затруднительным. «Не хочу ловить рыбу в такой мутной воде», – подумала я и решила отложить заметку про Подмосковье до лучших времен.

В июне деваться стало уже некуда, сказывался дефицит интересных тем – пришлось собраться с духом и начать собирать материал по теме. Чувствовала я себя не очень уверенно. В этой истории сам черт ногу сломит. Перед тем, как встречаться с пострадавшими от махинаций банкирами, неделю читала проспекты эмиссий и отчеты кучи дочерних компаний Московской области. Их было действительно немало. «Мособлтрастинвест», «Мособлгаз», «Мострансавто», «Энергоцентр» – и еще много других зубодробительных названий, каждое из которых что-то да значит.

Мне жизненно важно было в них разобраться. Я работала в журнале относительно недавно и боялась, что меня попросту уволят, если не напишу что-нибудь эдакое. Интересная статья на злободневную тему позволила бы мне спать спокойно хотя бы пару месяцев. Статья называлась «Пирамида федерального значения» (Forbes, август 2009 г.).

Через несколько недель я легко оперировала датами эмиссий, знала, кто что строил и какой компанией руководил. Это далось нелегко. Подмосковная афера не оставляла меня ни днем, ни ночью. Просыпаясь с мыслью о своей статье, засыпала с мыслью о ней же – иногда казалось, что я живу рядом со всеми прекрасными обитателями Мякининской поймы.

Солнечным воскресным днем, устроив для себя акцию «Проведи выходные с пользой», я впервые поехала в Мякинино, чтобы увидеть «дом-громоотвод» и другие чудеса подмосковной архитектуры. Кстати говоря, побывав там осенью 2010 года во второй раз, могу сказать, что за год, прошедший после первой поездки там ничего не изменилось. Тот же одинокий гвоздь вертолетной площадки в окружении замороженных строек.

Главным моим впечатлением лета-2009 стали вовсе не здания из стекла и бетона и не многомиллиардные масштабы воровства, а люди, которые так или иначе от этого пострадали.

Кто-то потерял надежду получить долгожданное жилье, кто-то разорился. Все из-за действий подмосковных чиновников или их приближенных.

Я все время спрашивала себя, неужели все это так и останется? Неужели выживших на своих должностях чиновников подмосковного правительства не принудят все исправить?

Должна признаться, я втайне надеялась, что моя статья что-то изменит. После нее в Московской области сменится правительство, начнется открытое расследование злоупотреблений бывших чиновников. Да, это было глупо и наивно.

Ничего не изменилось. Более того, подмосковные чиновники начали банкротить свои полуживые дочерние компании, которые были всем должны. У банков не осталось надежды получить свои деньги назад, потому что в активах этих компаний значились одни недостроенные социальные объекты. А многих заявленных проектов и вовсе в природе не оказалось.

Московской области удалось удержаться на плаву и не разориться, но надо понимать, какой ценой. Ей помогли финансовые вливания Минфина – миллиардные трансферты, выделенные на латание бюджетных дыр. То есть за ошибки Громова и его команды так или иначе пришлось заплатить каждому из нас.

Московская область всегда оставалась в тени столицы. Она не настолько распиарена, о злоупотреблениях местных чиновников и их жен не рассказывают федеральные телеканалы в прайм-тайм. Но это не значит, что тут такого не бывает. Тихие воды Мякининской поймы хранят немало тайн. Просто некому достать их со дна.

Хочу попробовать. Эта книга еще одна попытка. Я, кажется, снова цепляюсь за глупую надежду на то, что все можно изменить – достаточно рассказать, как это происходит. Возможно, на этот раз все получится.

Я благодарю коллег по журналу Forbes, особенно Максима Кашулинского, Михаила Козырева и Владимира Федорина – за поддержку, а также Юлию Чайкину – за помощь при сборе материалов для этой книги.

Анна Соколова

Глава первая Как все начиналось

Новый барин

Жители Истринского района Подмосковья никогда не видели такого чуда. По разбитым деревенским улицам катилась перекрашенная в розовый цвет «Волга». Вот она остановилась возле покосившегося дома, где жила семья давно и сильно пьющих колхозников, розовая дверца открылась, и из нее вышла пара крепких парней с увесистыми чемоданами. «Дома хозяин?» – прокричал один из них через забор. В ответ слышалось невнятное бормотание. Потом калитка отворилась, и крепкие парни вошли внутрь. Через четверть часа они подъехали к следующему дому. Потом еще к одному... Так за пару недель они объездили все деревни в округе.

Машины с крепкими ребятами так быстро двигались по улицам, что колхозные старушки даже пошли в ГАИ и потребовали установить в деревне светофор. Добиться этого им не удалось, но вскоре деревенским оказалось не до светофоров. В колхозе стали происходить странные вещи. У завзятых пьяниц и бездельников появились в кармане доллары. Местные сельпо моментально сориентировались, перешли на прием валюты и стали продавать водку по 100 долларов за бутылку.

Вскоре деньги закончились, а на колхозные поля вместо комбайнов вышла строительная техника. Что же произошло?

Ответ на этот вопрос знал некто Илья Дыскин. Казалось, этот широкоплечий, плотно сбитый, лысеющий мужчина с цепким взглядом – один из «новых русских», про которых слагали анекдоты в начале 1990-х. Бизнесом он начал заниматься именно в те времена. В двадцать лет стал миллионером. Дыскин рассказывал, что разбогател благодаря продаже матрешек и прочих традиционных русских сувениров. За небольшой процент экскурсионные бюро завозили туристов в его лавку на Волхонке иногда напрямик из аэропорта. Потом он решил расширить сферу влияния и занялся захватом столичных предприятий.

Подмосковьем Дыскин заинтересовался практически случайно: приехал в 2001 году в загородный дом приятеля и подумал, что неплохо бы приобрести участок по соседству. Выяснилось, что все земли вокруг до сих пор принадлежат крестьянам. Это оказалось нетрудно исправить.

Московский рейдер Дыскин обзавелся удостоверением фермера и стал скупать земли у вольных землепашцев. Объемы сделок не впечатляли: у одного фермера можно было купить 2–3 га земли. После 2003 года бизнес Дыскина пошел в гору. Как раз тогда вступил в силу закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Он позволял покупать и продавать землю всем гражданам России, определял правила оборота земель и использования крестьянских земельных долей, условия получения земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности.

Тогда Дыскин купил подержанную «Волгу» и «Москвич», перекрасил их в розовый цвет, нанял пару крепких парней и переключился на работу с колхозами. Бизнес шел удачно: вскоре он уже владел 20 000 га земли. В те времена подмосковный колхоз можно было купить за 2–3 миллиона долларов. Каким образом? Просто договорившись с народом. Чтобы приобрести свой первый колхоз – тот самый, в Истринском районе, – Дыскину пришлось заплатить по 5000–10 000 долларов каждому колхознику. Но это не все: еще заплатить не меньше

миллиона долларов председателю колхоза и полмиллиона – главе районной администрации, чтобы не мешали вести предпринимательскую деятельность.

Случай Дыскина не был уникальным: буквально за пару лет 90% подмосковных земель сменило владельцев.

Куда смотрели областные власти?

А им, как давешним колхозникам, тоже было не до того.

Большие проблемы

Губернатором Московской области с 2000 года стал генерал Борис Громов. Именно при нем началась столь активная распродажа подмосковных земель. Возможно, он просто упустил эту проблему из виду, поскольку на первых порах ему было чем заняться.

Он пришел к власти против воли Кремля, продвигавшего на этот пост бывшего спикера Госдумы Геннадия Селезнева. Поддержку Громову оказал тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков, у которого уже в те времена начались конфликты с федеральным центром. И генералу, пользовавшемуся любовью электората, удалось победить.

Час его триумфа настал вечером 2 февраля 2000 года. Тогда в Колонном зале Дома Союзов его чествовали как победителя выборов губернатора Московской области. Пышное торжество с полуторачасовым концертом в духе советских времен организовал мэр Москвы Юрий Лужков. Выступить он пригласил своих друзей – Иосифа Кобзона и Олега Газманова.

Алла Пугачева в тот вечер на сцену не выходила, но присутствовала в зале. Там же, на почетном месте, сидел и новоиспеченный губернатор Громов. Рядом с ним находился Лужков, который изо всех сил старался, чтобы генерал не забыл, кому обязан своей победой. Впрочем, вскоре их отношения разладились, и они много лет практически не разговаривали друг с другом, но в тот вечер были дружны, как никогда.

У Громова тогда все же оставался повод для беспокойства в лице бывшего соперника Геннадия Селезнева. Тот тяжело переживал поражение, даже собирался подать в суд – мол при подсчете голосов произошла фальсификация в пользу Громова. При связях Селезнева в Кремле шансы на пересчет были высоки.

Но генерал решил вовремя нанести упреждающий удар: он стал навещать в Администрацию президента (ее здание находилось рядом со зданием областного правительства – на Старой площади). Громову как опытному переговорщику удалось наладить отношения с тогда еще исполнявшим обязанности президента Владимиром Путиным.

Думаю, генерал вовремя понял, что времена изменились и началось строительство вертикали власти, в которую губернаторы-оппозиционеры совсем не вписывались. Если раньше он мог себе позволить язвительные высказывания по поводу политики Ельцина, то новому главе государства говорил исключительно слова поддержки.

Думаю, переход от критики к абсолютной лояльности для Громова был не слишком болезненным. К власти в стране своей фирменной походкой шел бывший разведчик Владимир Путин, более близкий по духу боевому генералу, чем «гражданский» Ельцин.

Сам Путин на торжественном приеме в честь нового губернатора не присутствовал. Но тогдашний глава президентской администрации Александр Волошин, поздравляя Громова со сцены, передал просьбу Путина заглянуть к нему вечером после концерта. В Кремле Громову сделали главный подарок: пообещали дотации, кредиты, договор о разграничении полномочий и моральную поддержку.

Вероятно, именно поддержка Кремля и налаженные связи в Белом доме помогли губернатору оставаться во главе области в течение десяти лет. Когда казалось, что увольнение неизбежно, «наверху» всегда находились люди, готовые подать губернатору руку помощи.

В начале его правления это было более чем необходимо. Долги области превышали 12 млрд рублей при бюджете в 19 млрд. Кстати, бюджет на уже начавшийся 2000 год не был принят.

Но самая большая проблема – банкиры. Предшественник Громова Анатолий Тяжлов активно брал кредиты. Наиболее сложная ситуация сложилась с «Гута-банком». Область была должна ему около \$40 млн, общий долг области по всем просроченным кредитам шести банкам и оплате услуг естественных монополий в несколько раз превышал годовой бюджет.

«Область фактически была банкротом», – признавал ближайший соратник Громова Алексей Пантелеев.

В феврале представители банка пришли в здание правительства области на Старой площади и попросили Громова расплатиться. В противном случае они обещали начать процедуру банкротства региона.

«Все это неприятно напоминало эпизоды из фильмов, где показывают капитуляцию Германии, – вспоминал Громов. – У банкиров, кстати, был уже заранее подготовлен договор о полной и безоговорочной капитуляции, в котором все репарации и контрибуции, как и положено, были расписаны по пунктам».

Если бы Громов подписал этот договор, банк фактически стал бы внешним управляющим области, контролировал бы денежные потоки, большую часть забирая себе в счет оплаты долга. Но на выборах Громов обещал избирателям новые детсады, дороги, а в случае расплаты с «Гутой» денег не хватило бы. Новое руководство Подмосковья вышло из ситуации просто. Оно заявило, что их предшественники заключали договоры с банком на кабальных условиях, и отказалось платить.

После этого по просьбе банкиров служба судебных приставов блокировала счет администрации Московской области за долги в одном из расчетно-кассовых центров ЦБ.

Финансовые проблемы области грозили перерасти в политические. На одной из пресс-конференций Громов сообщил, что за три дня до выборов президента в 2000 году «Гута-банк» списал со счетов области 120 млн рублей, предназначенных для выплат бюджетникам. Недовольные врачи и учителя не проявили должной лояльности к главному кандидату Владимиру Путину. И он набрал в области всего 48% голосов. Низкие показатели грозили нарушить хрупкое перемирие, заключенное между Кремлем и новым губернатором.

Области нужно было чем-то ответить. Но чем? Первую скрипку в областном правительстве играли не финансисты, а военные, поэтому решено было ответить банкирам побоевому.

Однажды днем в центральный офис «Гута-банка», выломав входную дверь, ворвались вооруженные люди в масках. Охранники уже хотели было начать стрельбу по грабителям, но те внезапно предъявили удостоверения сотрудников МВД. Милиционеры вывели из кабинетов сотрудников банка и соседних фирм. О причинах вторжения в «Гута-банк» милиционеры согласились рассказать только его президенту Александру Петрову. Они предъявили ему постановление ГУВД Московской области о выемке документов, завизированное областной прокуратурой. В это же время аналогичные операции проходили и в областных филиалах банка.

Заинтересовавшимся журналистам сотрудники главного управления по борьбе с экономическими преступлениями объяснили, что проверяют некоторые аспекты кредитной политики «Гута-банка», в частности, правильность обслуживания кредитов Московской области.

«Ты же понимаешь, – говорил журналистам один из милиционеров на условиях анонимности, – в области новая администрация, и она хочет начать работать на чистом поле. Вот нас и попросили проверить банк».

В областной администрации тогда категорически отрицали всяческую причастность к инциденту. Но в книге Игоря Цыбульского «Борис Громов» серии ЖЗЛ, написанной пять лет спустя, Громов рассказывал, не скрывая гордости: «С “Гута-банком” наши финансисты разбирались довольно долго. Кончилось тем, что прежнее руководство не только отказалось от своих требований, но и предусмотрительно сбежало из страны. Им пришлось это сделать после того, как мы начали выяснять реальное происхождение их миллиардов».

Как Громову удалось уговорить милиционеров заняться «Гута-банком»? Возможно, дело в том, что в начале 1990-х он недолго служил заместителем министра внутренних

дел. Непростая должность в стремительно разваливающейся стране. То и дело происходили межэтнические конфликты в Карабахе, Южной Осетии. Громов как опытный командир неплохо справлялся со своими обязанностями, но проработать на новом посту ему удалось всего полгода.

Конец его карьере в милиции положил августовский путч. Громов знал, что он готовится, ему предлагали вступить в ГКЧП, но глава МВД Борис Пуго, один из заговорщиков, отговорил его. После провала путча Пуго ждал ареста. 22 августа он покончил с собой.

Громов тогда оказался под подозрением новой власти. Несколько месяцев генерала и членов его семьи допрашивали как возможных соучастников бунта, но никаких улик против него не нашли. В результате на скамье подсудимых оказался давний знакомый Громова Валентин Варенников. В 1994 году Громов свидетельствовал на суде в его пользу, и Варенникова оправдали, признав, что он лишь выполнял приказы начальства.

Как бы там ни было, губернатор сохранил некоторые связи в органах. «Громов не ушел из МВД, – говорил один из его соратников, милицейский генерал Игорь Шилов. – Он и по сей день остался одним из самых уважаемых руководителей и командиров». Эти связи, вероятно, пригодились губернатору и в 2008 году, когда надо было любыми правдами и неправдами отсрочить оплату купонов по облигациям. В нужный день милиция просто арестовала весь выпуск и решила проблемы области. Однако ненадолго.

Банкир среди военных

Военные операции всегда дают лишь временный эффект, потом приходится налаживать мирную жизнь. Так вышло и в Подмосковье: новому губернатору нужно было договариваться с банкирами.

Многие недооценивают важность хороших отношений с банками для регионов. Должно быть, первое время недооценивал ее и Громов, называя банкиров олигархами, непонятно на чем заработавшими деньги. Но банковская система для бюджета – сродни кровеносной для человека. Покуда есть дружественные банки, область может найти средства помимо жидких дотаций Минфина, взять кредиты на реализацию новых проектов. В общем, без банков никак.

Странное дело, в книге о себе Громов ни словом не обмолвился о людях, которые помогли ему вытащить область из долговой ямы и наладить отношения с банками. Маски-шоу – это действенный аргумент, но кто-то же должен строить мирный быт, обеспечивать полуразоренную область деньгами, которые все равно придется занимать.

При всей своей нелюбви к «скороспелым олигархам», а также к банкирам, которые «сосут кровь из честных тружеников», Громов нанял одного из них на работу.

Он сделал министром финансов правительства области тридцативосьмилетнего Алексея Кузнецова, бывшего вице-президента недавно обанкротившегося «Инкомбанка». Это был несколько странный выбор. Репутация этого банкира далеко не безупречна. Чтобы узнать об этом, не нужно даже пробивать его фамилию по базе спецслужб – достаточно заглянуть в газетные архивы.

Выпускник Московского финансового института Кузнецов пришел работать в «Инкомбанк» в 1990 году, через два года после создания. Это было время, когда в России только начинали создаваться финансово-промышленные корпорации, и основатель банка Владимир Виноградов являлся ничуть не менее заметной фигурой, чем создатель «Менатеп» и «ЮКОСа» Михаил Ходорковский.

Кузнецов быстро поднимался по служебной лестнице и уже в 1992 году вошел в правление банка. Вероятно, такой быстрый карьерный взлет несколько вскружил ему голову, потому что несколько лет спустя его обвинили в растрате денег.

Дело было так. В 1996 году американские акционеры «Инкомбанка» – компании Morgenthau and Latham, Oriental XL Funds и New York International Insurance Group – подали в суд, требуя выплаты дивидендов. По их данным, руководство выводило деньги в офшоры – в Англию, Швейцарию, США, на Кипр. Бенефициарами сети офшорных фирм Global Custody выступал президент банка Владимир Виноградов и топ-менеджеры, включая Кузнецова.

Истцы выяснили, что члены правления банка получили корпоративные карточки American Express, которые позволяли им тратить деньги практически без счета. Они запросили выписки по этим картам и с удивлением обнаружили, что топ-менеджеры спускали миллионы долларов на драгоценности. Думаю, их также удивило и то, что около восьми страниц отчета занимали траты на обувь и белье некой Жанны Булах. С мая по декабрь 1993 года она потратила «на булавки» 29 000 долларов. В прессе ее тогда тактично называли подругой Кузнецова. Впоследствии эта эффектная блондинка сменит фамилию на Буллок (как у звезды Голливуда) и станет женой Кузнецова, а также видным подмосковным девелопером.

По данным тех же американских инвесторов, в апреле 1996 года Кузнецов купил через возглавляемую Булах офшорную компанию Avalon Capital дом в самом престижном пригороде Нью-Йорка за 575 000 долларов.

В 1999 году имена Кузнецова и Булах всплыли в скандале с отмыванием денег через Bank of New York. Свидетели по делу рассказали, что ранее эмигрировавшая в США Жанна Булах управляла компанией Tetra Finance Establishment, которая помогала банку отмывать деньги. В нью-йоркском суде Булах заявила, что была лишь «секретарем фирмы, а Кузнецов – ее президентом».

Возможно, так было всегда: Жанна Булах – лицо компании, а за ее спиной – опытный банкир Алексей Кузнецов, направлявший ее действия. Ведь ни одного масштабного проекта, завершеного ею без протекции и помощи Кузнецова, история не знает.

Зимой 1998 года Кузнецов был уволен из банка после непродолжительной беседы с Виноградовым. Основатель «Инкомбанка» тогда как раз вернулся на работу после болезни. По слухам, причиной отставки стало то, что Кузнецов выдал кредиты своим фирмам на астрономические суммы. Но впоследствии его никто в этом не обвинял, так что, скорее всего, это просто миф – вряд ли Виноградов оставил бы потерю без последствий.

Скандал с Bank of New York рассосался сам собой, после того как «Инкомбанк» лопнул во время кризиса 1998 года. Впрочем, некоторые банкиры, с которыми общалась соавтор моей статьи Юлия Чайкина, уверены, что не последнюю роль в банкротстве сыграл именно Кузнецов. Якобы Владимир Виноградов жаловался, что воровство Кузнецова и других менеджеров привели к отзыву лицензии в 1998 году. Окончательно банк был ликвидирован в 2004 году, а в 2008-м его основатель умер от инфаркта.

После отставки Кузнецов ушел в свободное плавание: стал учредителем инвестиционной компании «РИО», в которой также работали некоторые бывшие топ-менеджеры «Инкомбанка». Компания занималась реструктуризацией долгов обанкротившихся из-за кризиса компаний. Именно такая специализация позволила Кузнецову войти в состав правительства находящегося на грани банкротства региона.

Внешне Кузнецов резко отличался от своих коллег по правительству Московской области. Он больше походил на банкира, а не чиновника. Спокойная и вежливая речь, дорогой костюм, позолоченные очки, интерес к современному искусству. Все это резко контрастировало с манерами боевых генералов и полковников, занимавших немало кабинетов на Старой площади.

По признанию самого Кузнецова, с Громовым его познакомил тогдашний вице-премьер областного правительства Михаил Бабич. В свое время он отвечал за финансирование предвыборной кампании Громова, а потом возглавил финансовый блок правительства.

Возможно, находившийся тогда на грани отчаяния губернатор просто махнул рукой и сказал: «А, берите на работу, кого хотите, лишь бы все разрешилось». В тот момент дефицит бюджета был равен половине доходов региона, люди не получали зарплату, а в кредиторах области ходило 36 банков. Поступить со всеми по сценарию «Гуты», наверно, не смог бы даже Громов.

Вместе с собой Кузнецов привел коллегу из «Инкомбанка» Валерия Носова. Тот занялся работой с банкирами. В отличие от военных, он умел с ними разговаривать на понятном им языке финансов, и вскоре дела области пошли на поправку. За счет чего?

Глава вторая Нефть Подмосковья

Интересное предложение

Чтобы привести деньги в область, нужно сделать инвесторам выгодное предложение. Оглядевшись вокруг, легко понять, что самым привлекательным активом этого региона является земля. В то время состоятельные люди активно изучали рынок подмосковной недвижимости. Во время кризиса 1998 года многие потеряли деньги на фондовом рынке и искали более надежные способы инвестиций. Участок земли неподалеку от столицы, казалось, – именно то, что нужно. Это привлекательный материальный актив, который со временем будет только расти в цене. В «нерезиновой» Москве жизнь становится все менее комфортной, люди тянутся к природе, но не хотят уезжать далеко от мегаполиса – значит, станут переселяться в загородные подмосковные резиденции. Стоит сегодня купить кусок земли, как завтра он подорожает втрое: так размышляли инвесторы.

Но чтобы прийти на этот рынок, нужно заручиться поддержкой властей, ведь по закону на полях ничего строить нельзя, а кусок пахотной земли невозможно купить просто так. Земли принадлежали колхозам. В Подмосковье их существовало около 300. Во время приватизации в начале 1990-х колхозные земли не были должным образом оформлены и оценены. Районные администрации ограничивались штамповкой постановлений о передаче сотен тысяч гектаров пахотной земли правопреемникам советских колхозов и совхозов. В них указывалось, что новые сельхозпредприятия могут использовать землю, при этом правом собственности на нее они не обладали. Соответственно, законно продавать ее не могли.

Собственниками земли стали крестьяне, но эта собственность была лишь виртуальной. Во время приватизации колхозники получили розовые бумажки – земельные пай. Мало кто догадывался, что они дают возможность получить свой кусок земли в родном районе. В 1990-х жители области были вправе распорядиться этими бумажками по своему усмотрению.

Можно было получить землю и стать фермером. Но это случалось крайне редко – и высокие бюрократические барьеры, и инертность самих деревенских жителей оказывались основными препятствиями к созданию своего хозяйства. Можно было также внести свой пай в колхоз и работать как раньше, при Союзе. Большинство сельских жителей Подмосковья так и сделали. И не столько потому, что были сторонниками коллективизма, – просто ничего не знали про приватизацию, про розовые бумажки им никто ничего толком не рассказал, они про них и думать забыли, поэтому их пай по умолчанию внесли в уставный капитал колхоза.

Границы этих колхозов были достаточно условными и легко изменялись. Процедура проста. Глава района вносил уточнения в свое постановление, согласно которому предприятие наделялось земельным участком, – и часть колхозной земли в одночасье становилась муниципальной. А эту землю уже можно продавать.

Так постепенно уголья подмосковных колхозов стали таять. Несправедливо напрямую связывать это явление с приходом команды Громова. Областные земли начали менять хозяев еще в 1990-х, но с приходом новой власти в регион дело приняло небывалые масштабы.

Массовая скупка земельных паев у подмосковных колхозников (тех самых розовых бумажек) началась в 2003 году. Сначала земли в Подмосковье покупали малоизвестные и сомнительные личности вроде вышеуказанного Дыскина. Вслед за ними пришли более серьезные инвесторы: «Промсвязьбанк», корпорация «Уралсиб» и др. По оценке главы

общественного объединения «Крестьянский фронт» Сергея Шугаева за несколько лет в области были проданы земли 90% колхозов, каждый из которых владел примерно 3000 гектарами земли. Получается, что новые владельцы обрели 810 000 гектаров. Это пятая часть всей территории Подмосковья.

Скупка земель всегда проходила одинаково. В колхоз приезжали солидные мужчины на дорогих машинах, вытаскивали из багажника чемодан наличных и говорили крестьянам: «Давайте мы купим у вас эти никому не нужные розовые бумажки, земельные паи, – все равно они ничего не стоят».

Кем были эти люди? Чаще всего, нанятыми юристами, представителями того или иного собственника. Трудно представить, чтобы глава корпорации «Уралсиб» Николай Цветков лично поехал по деревням скупать колхозные паи. Гораздо проще найти бойких парней с юридическим образованием и выделить им несколько миллионов долларов на решение вопроса.

Эти люди, в свою очередь, старались потратить средства так, чтобы полмиллиона положить к себе в карман. Обычно они скупали 200 из 1000 паев выбранного колхоза, собирали общее собрание колхозников, на котором принималось решение увеличить уставный капитал с 27 000 до миллиона рублей. Понятно, что у колхозников нет таких денег, обладатели заветных 200 паев оплачивали весь уставный капитал, гасили долги по земельному налогу и становились фактическими собственниками колхоза, потому что доля остальных участников размывалась из-за того, что они не смогли внести деньги в уставный капитал.

Насколько выплачиваемые крестьянам деньги были адекватны реальной стоимости земли? Глава «Крестьянского фронта» Шугаев вспоминает, что жителям колхоза «Ленинский луч» в Красногорском районе Подмосковья в 2003 году предлагали по 15 000 долларов за пай. Но среднерыночная стоимость сотки земли в этом районе составляла 10 000 долларов, а на каждого крестьянина приходилось по 78 соток. Значит, каждый пайщик мог бы получить по 780 000 долларов – это если бы земли скупались на прозрачном рынке.

Обиженные крестьяне попробовали было судиться, но областные суды почему-то принимали решения в пользу новых хозяев. А главы районов не реагировали на жалобы жителей. Причина была довольно банальна – они были на стороне сильного.

Жители колхоза «1 мая» в Балашихинском районе рассказывали, как сидели однажды в коридоре суда, ждали рассмотрения своего дела по поводу незаконного завладения колхозной землей. Вдруг вошел представитель их обидчика, скупившего земли. В руках у него был обычный пластиковый пакет, в котором, судя по форме, лежало несколько пачек денег. Этот человек удалился в кабинет председателя суда и вышел оттуда уже без пакета. «Во многих случаях взятки давались демонстративно и цинично, – говорит защитник крестьян Шугаев, – чтобы показать: “Смотрите, ребята, мы открыто отдаем деньги, и решение в отношении вас примут отрицательное”».

Ловушка для инвестора

Однако мало кто понимал, что под земельным рынком Подмосковья тикает мина замедленного действия. При покупке земель большую роль играли не столько деньги, сколько административный ресурс, умение договориться с председателем колхоза и главой района, что они закроют глаза на нарушения.

Напомню: купить и застроить колхозную землю легально было невозможно. Принадлежащий колхозу участок относится к землям сельхозназначения. Он мог использоваться исключительно для производства сельскохозяйственной продукции – строить на нем коттеджи незаконно. А заниматься производством мяса, молока, выращиванием пшеницы никто из инвесторов не хотел. Едва получив колхоз в собственность, они распродавали технику, забивали все поголовье скота и начинали нарезать участки под строительство. И тут-то они оказывались в положении просителей на птичьих правах.

Сменить статус участка можно двумя способами: присоединив его к землям сельских поселений через постановление губернатора области или изменив разрешенное использование с сельхозназначения на дачное строительство. Этим занимался глава района. Земельный кодекс не разрешал проводить такую операцию с колхозными землями: смена статуса могла происходить только при выделении муниципального участка. «Все плевали на Земельный кодекс», – сказал мне Шугаев из «Крестьянского фронта». Чиновники подписывали заведомо сомнительные бумаги, законность которых можно было оспорить в суде. А инвесторы начинали строить коттеджи на свой страх и риск.

Услышав об этом, я вспомнила, что в Индии власти поступают точно так же. Многие иностранцы хотят приобрести участок земли на побережье, к примеру в штате Гоа. Местные власти вроде бы ничего не имеют против. Пока наивный иностранец заключает сделку с индийским продавцом, его никто не беспокоит. А потом «внезапно» выясняется, что вблизи береговой линии строить ничего нельзя, а участок, который он купил, вообще относится к землям сельхозназначения, которые можно только пахать. Инвестору, вложившему к тому времени в проект немало денег и даже успевшему построить особняк, начинают грозить судами, а они в Индии вполне могут затянуться лет на сто и обойтись в целом состоянием. Что же делать иностранцу? Правильно – терпеть и платить всем, кто ни попросит, так как он изначально нарушил закон. Если его выгонят с участка, никто не вернет ему потраченных денег. А чиновники, подписавшие заведомо незаконные бумаги, будут ни при чем.

Как ни странно, Подмосковье находится ближе к Индии, чем кажется. Но, к сожалению, не в географическом плане. Скупщики подмосковных земель оказались ровно в том же положении. В любой момент может прийти влиятельный человек, который захочет забрать участок себе. А это не так сложно: достаточно покопаться в документах на право собственности, сосчитать, сколько законов было нарушено при их составлении, и можно писать жалобу в милицию или идти в суд. Но важно быть достаточно значимым человеком, чтобы к твоим претензиям прислушивались.

Местные крестьяне тоже пытались судиться, жаловаться в милицию и в прокуратуру, но у них редко что-то получалось.

Адвокат Сергей Шугаев заинтересовался крестьянским вопросом как раз после того, как его знакомый попросил отсудить у колхоза земельный пай его жены. После этого он понял, что дел в Подмосковье у юриста – непаханое поле. С 2005 года работники десятков подмосковных колхозов начали судиться с новыми владельцами земли. В большинстве случаев они терпели неудачу. Но народный гнев нарастал. Сначала он был направлен на богатей, скупивших землю, потом люди обратили внимание на тех, кто им это позволил. Что же отвечал губернатор на упреки в распродаже главного достояния Подмосковья?

Он говорил, что тут все очень запутанно – правительство не может ни по закону, ни физически контролировать колхозы. По его мнению, чтобы быть в курсе дела, нужно иметь в каждом колхозе своих людей, которые бы информировали областных чиновников о продаже земельных паев. Единственный рычаг давления на новых собственников – разрешение на перевод земель из сельскохозяйственного назначения в другое, которое выдавалось областными чиновниками. «Если вы купили землю, на которой выращивалась пшеница, – увещевал губернатор новых землевладельцев, – выращивайте пшеницу или картошку, разводите коров и кур, но не рассчитывайте строить коттеджи для новых русских». Судя по количеству выросших на подмосковных землях коттеджных поселков, местные власти не раз делали исключения из озвученного Громовым правила и разрешали строительство на полях. Трудно сказать, какие мотивы ими двигали.

На самом деле, это довольно характерная черта подмосковных чиновников. Часто глава области делает резонное и справедливое заявление, требует чего-то не допустить, а какое-то начинание, наоборот, поддержать. Но это вовсе не значит, что все случится именно так, как сказал Громов. Странно, что в области, где многие ключевые посты занимают военные, приказы «старшего по званию» не всегда обязательны к исполнению.

Возможно, дело в том, что губернатор рассуждал о проблемах вообще, не вдаваясь в подробности. А как только доходило до дела, становилось ясно: все не так просто. Абстрактное желание сохранить сельское хозяйство резко контрастирует с активной застройкой подмосковных земель в последнее десятилетие, а общие слова по поводу инвестиционной привлекательности региона – с большими проблемами у конкретных инвесторов, решившихся начать здесь свой бизнес.

Неясные правила игры и сомнительный статус сделок вредил не только крестьянам, но и новым владельцам земли. История Дыскина, к примеру, закончилась печально. В 2005 году ГУВД Московской области завело на него и подконтрольные ему компании более десяти уголовных дел по факту незаконного получения земли. Сам землевладелец предполагал, что за этим стоят его конкуренты – скупщики земель из корпорации «Знак», подконтрольной финансовой группе «Уралсиб». Но как бы то ни было, в 2006 году ему пришлось бросить свой подмосковный бизнес и спешно покинуть страну.

Высокие покровители

На смену подобным Дыскину авантюристам-одиночкам в Московскую область пришли крупные инвесторы. Они, в отличие от «индивидуальных предпринимателей» были вхожи в высокие кабинеты подмосковного правительства, могли встретиться и заручиться поддержкой губернатора и областных министров. Помимо группы «Уралсиб», земли в Подмосковье в то время скупали производитель соков и молока «Вимм-Билль-Данн», компания Millhouse Capital Романа Абрамовича, «дочка» «Промсвязьбанка», «Промсвязьнедвижимость» братьев Ананьевых. Совладельцы этих компаний были постоянными членами «золотой сотни» Forbes и располагали большими связями.

По некоторым данным, важным игроком на рынке подмосковной земли было созданное губернатором Громым движение ветеранов Афганистана «Боевое братство». Якобы оно помогало бизнесменам скупать крестьянские паи. В 2005 году журнал Forbes среди крупнейших землевладельцев области назвал банк «Абсолют». Подмосковные лендлорды рассказывали, что он действует в крепкой связке с членами «братства». «“Абсолют” и группа “Боевое братство” – это фактически одна компания, – писал журнал. – “Абсолют” дает деньги, “Боевое братство” работает, ведет скупку». Бывшие сотрудники компании «Регион-Р», коммерческого подразделения «Боевого братства», признавались, что благодаря им владелец «Абсолюта» Александр Светаков установил контроль над 30% всех сельскохозяйственных земель Московской области (а это более 600 000 га). Правда, в самом банке настаивали, что владеют всего лишь 20 000 га, и все сомнительные связи с «афганцами» отрицали.

Кадровый резерв

Военные вообще играли заметную роль в области. Причина проста: губернатор Подмосковья Борис Громов относился к тому типу начальников, которые повсюду берут с собой «проверенных» людей. Выбирают они их не столько по профессиональным знаниям, сколько по общей лояльности. Стоит одному такому проверенному человеку покинуть «строй» подмосковных чиновников, как на его место встает пара других – таких же проверенных. По составу областного правительства можно проследить всю биографию Громова. К примеру, в правительстве Подмосковья и приближенных к нему структурах можно было увидеть людей из Саратова, где родился и вырос будущий губернатор.

Громов был самым младшим из трех братьев в семье саратовских военного. Родился в 1943 году, в тот же год его отец умер на фронте. Воспитанием детей занимались мать, бабушка и дедушка.

В 1955 году Громов поступил в саратовское военное училище. За два года до этого его окончил старший брат будущего губернатора Алексей. Через семь лет Борис продолжил обучение в Ленинградском командном училище имени Кирова. После учебы его распределили в Калининград. Через четыре года он пошел учиться в московскую Академию имени Фрунзе. Впоследствии признавался, что сделал это поздно – через четыре года после начала службы, а не через два, как некоторые его однокашники. Стремление сделать карьеру в нем было сильно уже тогда, и засиживаться на низких должностях он явно не собирался.

После академии Громова сначала хотели направить в Мурманскую область, за полярный круг. Но внезапно планы начальства изменились, и будущий губернатор на пять лет оказался в Майкопе. Эту должность можно назвать синекурой – тихим местом для того, чтобы встретить старость на даче у моря. Но у молодого и амбициозного Громова имелись другие планы.

В Майкопе он познакомился с будущим подмосковным министром по осуществлению контрольной деятельности Виктором Шилиным.

«С 1972 года мы знакомы. И по жизни получалось так, что я всегда был его заместителем, – рассказывал Шилин в книге о Громе. – Это меня очень устраивало».

С 1998 года Шилин руководил аппаратом общественного движения «Боевое братство».

Многие члены этого движения потом становились руководителями областных структур, заседали в районных администрациях, выдающих разрешения на скупку земель. И это понятно: «Боевое братство» объединяло бывших воинов-интернационалистов, многие из которых служили под началом Громова в Афганистане.

Без сомнения, это самый славный период жизни будущего подмосковного губернатора. Его, тогда еще полковника, отправили в Афганистан в январе 1980 года. Вылетая в Кабул из Ташкента, он прихватил с собой парадный мундир на всякий случай. Мундир не пригодился. Жить пришлось во временных домиках на колесах, отапливаемых буржуйками. Через два года он приехал в Москву генерал-майором, чтобы учиться в академии Генерального штаба.

После учебы в 1987 году Громова назначили командующим 40-й армией и он вернулся в Афганистан. Теперь он руководил боевыми действиями советской армии в этой стране. Его штаб уже располагался не в теплушке на колесах, а в бывшем дворце Амина в столичном городе Кабуле, занятом советскими войсками. Там он планировал последнюю перед выводом войск операцию «Магистраль».

Она стала самой крупномасштабной за всю историю афганской войны. На прорыв блокады города Хост было брошено более 10 000 солдат, около 500 машин и 300 единиц бронетехники. Наиболее ожесточенное сражение произошло в районе высоты 3234. Там стояла девятая рота: в течение двух дней 39 человек отбили 14 атак. В итоге на высоте осталось

всего пятеро бойцов с двумя магазинами патронов на каждого. В этот момент к ним подошла подмога.

За операцию «Магистраль» Громову дали Героя Советского Союза. А про девятую роту Федор Бондарчук снял одноименный блокбастер.

После успешно проведенной операции выяснилось, что вышестоящее начальство решило вывести войска из Афганистана. Президент СССР Михаил Горбачев получил за это решение Нобелевскую премию, а самим выводом 140-тысячной советской группировки из Афганистана занялся будущий губернатор Подмосковья.

Вся выросшая за годы войны инфраструктура передавалась афганским «товарищам»: место советских солдат уже через пару лет заняли моджахеды, им достались авиабазы, склады, казармы – всего 183 военных городка.

Громов покидал эту страну на последнем БТРе, вез с собой самое ценное – обернутое в брезент знамя полка. На случай захвата моджахедами машина была заминирована, чтобы ни знамя, ни советский генерал не достались врагам. На мосту, соединяющем Афганистан с Союзом, была подготовлена трогательная встреча. Под прицелами фото- и телекамер генерала Громова встречал его пятнадцатилетний сын Максим.

Громов вернулся с войны настоящим героем, стал народным депутатом. В 1990 году он познакомился со своим, пожалуй, самым верным сослуживцем Алексеем Пантелеевым, до 2009 года работавший первым вице-премьером области.

Это произошло на военных сборах. Громов задал Пантелееву какой-то вопрос, тот ответил невпопад, но генерал его все равно почему-то запомнил. Через пару дней он прилетел в его дивизию посмотреть, как идет подготовка к приезду выводимых из Европы частей. Полк Пантелеева должны были сократить, Громов поинтересовался, как он дальше планирует строить свою карьеру и порекомендовал попытаться устроиться в Генштаб.

После краха ГКЧП Пантелеев стал правой рукой Громова. Ездил с ним по «горячим» точкам, занимался решением насущных проблем.

«Постепенно, кроме служебных, у нас возникли чисто человеческие отношения, – вспоминал Пантелеев. – Я не могу назвать это дружбой, слишком большая разница и по возрасту, и в служебном положении, но я видел, что Борис Всеволодович относится ко мне с душевной теплотой и симпатией».

Когда Громов стал замминистра обороны, Пантелеев был рядом. Отношения будущего губернатора с шефом Павлом Грачевым были напряженными. А после того, как генерал высказался против начала чеченской кампании, министр обороны и вовсе поставил вопрос о его увольнении. Но всеми любимого полководца нельзя было уволить просто так. И его перевели работать в Министерство иностранных дел. Правда, ни кабинета, ни штата, ни оклада ему не причиталось.

Тем не менее верный Пантелеев остался с ним. Он с другими помощниками Громова несколько дней держал осаду кабинета своего начальника в Минобороны, в котором, к слову, работал сам маршал Жуков. После того как громовцев все же выселили в МИД, Пантелеев работал там полгода без зарплаты, хотя мог бы продолжить самостоятельную военную карьеру.

И он был не один такой: вокруг генерала собралась группа людей, которые следовали за ним повсюду. Вот, к примеру, однофамилец Громова Василий. В начале 1990-х годов он разбирал почту будущего губернатора в Минобороны, потом ютился в небольшом кабинете в здании МИДа вместе с десятком других помощников Громова, которые решились перейти с ним в дипломатическое ведомство. Во время выборов губернатора возглавлял штаб Громова. Потом стал заместителем председателя правительства. Именно на таких людях и держится подмосковный кабинет министров.

Когда Громов решил баллотироваться в губернаторы, Алексей Пантелеев тоже остался неподалеку. Тогда главы регионов шли на выборы в паре с предполагаемыми замами. Но вторым человеком в области предполагалось сделать не верного Пантелеева, а депутата фракции «Яблоко» Михаила Меня. Это более известная политическая фигура, к тому же строгого военного генерала неплохо было бы уравновесить демократом – так можно было рассчитывать на поддержку избирателей разных политических убеждений.

Однако через два года Меня уволили и перешел работать в мэрию Москвы, а позже и сам стал губернатором Ивановской области.

В начале 2003 года газеты написали, что Меня «сожрали» «черные полковники».

«О существовании “военного лобби” в администрации Московской области говорили давно и даже оправдывали Бориса Громова, – писала “Новая газета”. – Мол, кому еще ему доверять, как не бывшим подчиненным, с которыми он прошел огонь, воду и медные трубы. Оправдывали до тех пор, пока методы работы новых чиновников не стали напоминать казарменные».

К «черным полковникам» газета причисляла заменившего Меня на посту первого заместителя председателя правительства области Алексея Пантелеева, главу аппарата областного правительства Игоря Пархоменко, его зама Бориса Жиганова, отвечавшего за кадровые вопросы, а также министра печати и информации Подмосковья Андрея Барковского.

За умение снимать людей с должностей Пантелеева и его товарищей прозвали «фотографами». Любимая фраза Пантелеева якобы звучала так: «Чтобы завтра этого человека не было в здании». Если верить газетам, все приходящие работать в подмосковное правительство проходили тщательную проверку, а в кабинетах стояли прослушивающие жучки.

Казус ИКЕА

И не только у них. Глава представительства ИКЕА Леннард Дальгрэн, построивший три магазина в Подмосковье, описал в своей книге о России встречу с одним сотрудником ФСБ. Придя к Дальгрэну в кабинет, он положил на стол какой-то прибор, который тут же запищал и замигал лампочками. «Вы знаете, что ваш кабинет прослушивают?» – спросил ФСБшник. Потом нажал какую-то кнопку на своем аппарате и сообщил: «А теперь уже нет».

Первый магазин по продаже мебели ИКЕА популярной шведской марки открылся в подмосковных Химках в 2000 году.

Казалось, областные власти готовы таких именитых инвесторов на руках носить. Местные министры и губернатор на всех заседаниях рассказывали о том, насколько благоприятен инвестиционный климат в Подмосковье по сравнению со столичным.

И действительно: построить магазин на Кутузовском проспекте в Москве ИКЕА не дали. Глава российского представительства компании Леннарт Дальгрэн связывал это с тем, что он не сумел сторговаться с женой бывшего столичного мэра Еленой Батуриной. Ее компания «Интеко», в частности, занималась производством пластиковой мебели, и ИКЕА теоретически могла размещать у них заказы на свои изделия. На одну из встреч с представителями этой компании неожиданно пришла сама Батурина. «Она вошла в комнату посреди разговора и, не представившись, заявила: если мы собираемся закупать продукцию одного из ее предприятий, то делать это предстоит на ее условиях», – писал Дальгрэн в своей книге о России. Предложенные условия показались шведам совершенно невыгодными, и они отказались от сотрудничества. Потом им намекали, что именно этот небольшой конфликт стал причиной того, что Москва оказалась для них закрыта.

Глава Подмосковья, вроде бы, не имел причин мешать ИКЕА: в те годы его супруга Фаина, по данным единого госреестра юрлиц Единого государственного реестра юридических лиц, владела косметическим салоном и никаких интересов в этом регионе иметь не могла.

Кроме того, строительство торговых центров по внешней стороне МКАДа было одной из главных надежд подмосковного правительства. Большие земельные участки рядом с Москвой могли привлечь крупных иностранных ретейлеров, которые привели бы в область так необходимые ее бюджету деньги.

Областные чиновники даже разработали специальную программу «Губернское кольцо», предполагающую застройку торговыми центрами всей внешней стороны главной кольцевой магистрали столицы. Сначала под строительство они выделили полтора десятка участков на внешнем радиусе МКАД. Помимо крупных ретейлеров вроде «Ашана», ИКЕА, «Крокуса», вдоль дороги появились небольшие строительные рынки и магазины. Из-за многочисленных съездов к торговым объектам пробки на МКАДе стали еще плотнее.

Десять лет спустя новый мэр Москвы Сергей Собянин, приехав на МКАД с неожиданным визитом, по своей привычке грустно усмехнулся и сказал: «Как такое могло получиться, что магистральная дорога превратилась в проселочную? Через каждый километр понатыканы присоединения с всевозможными ларьками, магазинчиками, заправочными станциями? Без полос торможения, с грубейшими нарушениями всех СНиПов».

По мнению нового градоначальника, причину проблем нужно было искать в действиях чиновников: «Невозможно пробить дорогу на МКАД так, чтобы никто не видел, – говорил он. – Одни согласовывали, несмотря на нарушения, другие недосмотрели, третьи не проконтролировали, четвертые взяли себе “на карман” и довольны...»

Ругать за это Громова было не в компетенции Собянина, хотя подмосковные власти приложили к застройке МКАДа немало сил.

Московские пробки подмосковного губернатора совсем не волновали. После переезда в новое здание в Мякининской пойме он летал туда на вертолете и всем советовал пользоваться этим быстрым и удобным средством транспорта.

Казалось бы, при таком подходе иностранным компаниям в Подмосковье должно быть уютно, как нигде. Но опыт ИКЕА показывает, что это не совсем так.

Свой первый магазин в Химках компания построила еще до Громова. Шведы понимали, что «новая метла по-новому метет», и со сменой власти отношение к ним может ухудшиться. Но менять свои подходы к делу не собирались. Они привыкли разговаривать с чиновниками начистоту, рассказывая обо всех проблемах, игнорируя намеки на взятки. Это сыграло с ИКЕА злую шутку.

На одном из совещаний с участием бизнесменов и подмосковных властей, где губернатор рассказывал о процветании области, а местные предприниматели желали ему дальнейших успехов, Дальгрэн без обиняков рассказал о некоторых своих проблемах и невыполненных чиновниками обещаниях. От этого Громов внезапно пришел в ярость и сказал, что коли ИКЕА здесь не нравится, то ее тут никто не держит.

С тех пор отношения с областными чиновниками резко охладели, и шведам пришлось приложить немало усилий, чтобы снова все исправить. Тем более что подчиненные губернатора почувствовали перемену его настроения и поняли, что смогут получить от размолвки начальника с крупной международной компанией свои дивиденды.

Икеевцам не повезло и с тем, что до осени 2002 года их проект на уровне областной администрации курировал вице-губернатор Михаил Мень – в это время местные чиновники им не докучали. После его внезапной отставки переоценке подверглись и давние договоренности с ИКЕА, которая уже приготовилась к строительству в Подмосковье второго магазина и дистрибуторского центра в районе Солнечногорска.

Куратором ИКЕА в области стал бывший дипломат, министр внешнеэкономических связей Подмосковья Тигран Караханов. По воспоминаниям Дальгрэна, при встречах он был крайне любезен, что не мешало ему писать кляузы на руководство ИКЕА шведскому послу. Дипломат не был уполномочен влиять на менеджмент пусть и шведской, но частной компании. Потому он передавал письма с жалобами их герою – Леннарту Дальгрэну. При встрече с Карахановым он показал ему одно из этих посланий, но тот начал утверждать, что в жизни ничего подобного не писал. Такое расхождение слова и дела было характерно не только для него.

Новый вице-губернатор Алексей Пантелеев заверял шведов, что они смогут продолжать строительство, но на стройку в Солнечногорском районе стала приходиться проверка за проверкой. Тогдашний глава района Владимир Попов с помощью милиции остановил стройку под предлогом нарушения природоохранных норм. Каждый день простоя обходился шведам в три миллиона рублей. Инвесторы пытались встретиться с районной администрацией, но те отказывались от переговоров под предлогом страшной занятости.

Когда же встреча наконец состоялась, Попов озвучил цифру: 10 млн рублей в районный бюджет. Представители шведской компании, идеология которой запрещала давать любые взятки, согласились с предложением на том условии, что деньги пойдут на поддержку пожилых людей. Услышав это, Попов разозлился и вышел из комнаты. Через несколько дней он согласился перечислить деньги старикам при условии, что сумма, отдаваемая ИКЕА, увеличится до 30 миллионов.

«Мы понимали, что полностью находимся в руках чиновников, – вспоминал Дальгрэн. – Они в любой момент могли найти причины, чтобы закрыть оба наших магазина». Через десять дней простоя шведы согласились заплатить дань главе района. Кроме того, они сменили подрядчика на рекомендованную Поповым компанию «Баума». Вскоре ИКЕА стало понятно, что с таким заказом строительная фирма не справится, им пришлось нани-

мать другие компании ей в помощь, но отказаться от услуг навязанных строителей нельзя – велик риск новой остановки проекта.

Уладив проблемы в Солнечногорске, шведы столкнулись с новыми – в Химках. Там уже несколько лет работал магазин ИКЕА, и они собирались пристроить к нему большой торговый центр МЕГА, площади которого планировалось сдавать в аренду продавцам разных товаров.

К несчастью для ИКЕА, в Химках как раз тогда сменился мэр. Город возглавил бывший афганец Владимир Стрельченко. Его заместителями стали члены «Боевого братства». И у шведов настали трудные времена. Власти досаждали бизнесменам придирками. К примеру, им не понравилось, что строители сбрасывали землю из котлована на другой участок, тоже принадлежавший ИКЕА. По мнению местной администрации, это могло привести к деформации рельсов проходящей неподалеку железной дороги, крушениям поездов, взрыву проходящего рядом газопровода. Кажется, что такими историями обычно пугают зрителей создатели голливудских блокбастеров. Но нет – претензии химкинских властей подкреплялись заключениями неких экспертных организаций.

В городе шведам чинили всевозможные препятствия: отказывались регистрировать их адрес, проводили дополнительный техосмотр 80 служебных машин. Икеевцы пытались договориться с местными властями, но безуспешно. Со стороны администрации города в переговорах участвовал тогдашний заммэра Антон Хрипко. По сведениям Дальгрена, это был довольно состоятельный человек, в свободное время торговавший недвижимостью в Лондоне и записывающий на родню побочные заработки. «Мы были уверены, что его главная цель заключалась в том, чтобы отобрать у нас землю, – писал Дальгрэн. – Мы слышали, что подобное происходило и раньше».

В поисках защиты шведы пошли было в областную администрацию, но услышали в ответ «надо соблюдать законы и не рассчитывать на специальные условия».

Впервые в своей практике икеевцы обратились к известному российскому адвокату, который не знал поражений в юридических боях. В письме к нему они изложили суть своих проблем с подмосковными властями и попросили совета. Его ответ был краток: «Заплатите им». Но давать взятки было не в правилах ИКЕА. Несмотря на отсутствие всех разрешений, которые, казалось, получить невозможно, шведы назначили открытие МЕГИ на декабрь 2004 года. Накануне мэр Химок обещал оцепить территорию и никого туда не впускать. Арендаторы не могли открыть в этот день свои магазины: местные власти не выдали им документов, разрешающих торговлю.

В итоге пришлось открывать, по сути, неработающий торговый центр. В нем все было готово к приему покупателей, но никто не имел права ничего там продавать. На странном открытии присутствовали представители многих СМИ. Про конфликт ИКЕА с руководством Химок написали практически все газеты. Журналисты намекали на нечистоплотность подмосковных чиновников, писали о тяготах, которые пришлось пережить инвесторам в регионе. Хотя, казалось бы, огромный торговый центр на территории района – золотая корова, которую надо беречь, а не пытаться зарезать.

В дело, которое уже пахло международным скандалом, пришлось вмешаться самому Громову, который дал Стрельченко указание разрешить работу МЕГИ. И вдруг все необходимые согласования были легко получены, а от претензий в нарушении закона не осталось и следа.

Российский стандарт

История ИКЕА – показательный пример того, как делаются дела в Подмосковье, да и не только здесь. Чиновник невысокого ранга, старающийся добиться каких-то своих целей, может доставить неудобным бизнесменам кучу проблем, загубив на корню хорошее начинание. При этом он будет ссылаться на законы, рассказывать об алчности коммерсантов, которые ради наживы не поступаются ничем. Но стоит измениться политической ситуации, а вышестоящему начальству дать соответствующее указание, как все претензии тают, как дым. Это и есть ручное управление регионом: без ведома первого лица тут невозможно построить даже трансформаторную будку. Впрочем, повторю: ситуация характерна не только для Подмосковья.

Вместо того чтобы действовать по закону, чиновники в лучшем случае не делают ничего и ждут указаний свыше. Именно поэтому тысячи просителей осаждают администрацию президента и пишут письма Путину. Они знают, что указание «сверху» волшебным образом решает все проблемы, а без него чиновники особо не напрягаются.

По словам Дальгрена, его попытки выйти на диалог с теми людьми, которые чинили ему препятствия, часто заканчивались на уровне секретарей приемных. Те говорили, что начальник страшно занят, не может принять и ответить. И так изо дня в день.

Наверно, это было удивительно для европейца: В его стране номер мобильного телефона мэра города висит на официальном сайте мэрии, и тот всегда готов обсудить любые возникающие проблемы.

«Никого нет на месте», – такой ответ секретарши слышал не только он. После дефолта облигаций Подмосковья, когда инвесторам непонятно было, куда бежать и к кому обращаться, областных чиновников тоже было невозможно нигде найти.

Впрочем, сначала они вели себя совсем иначе, устраивали громкие презентации амбициозных проектов, обещая процветание и благоденствие тем, кто согласится помочь им с деньгами. Как ни странно, многие в это верили и вкладывали деньги в корпорацию под названием «Московская область». Вот как это происходило...

Глава третья Строительство пирамиды

Баловень судьбы

Судьба улыбалась Дмитрию Демидову. Подумать только, ему всего двадцать семь, а он уже директор корпорации. Каждое утро он надевал рубашку модных в середине 2000-х нежно-розовых оттенков, дорогой костюм, садился в свой новый «Ferrari» и ехал на работу. За ним следовал автомобиль сопровождения марки «Porsche Cayenne».

Провожаемый удивленными взглядами местных жителей кортеж подъезжал к новому офису корпорации. Демидов входил в свой просторный кабинет, брал со стола пульт дистанционного управления и включал огромный плазменный телевизор, который весь день потом показывал канал деловых новостей РБК.

Именно такой изображается жизнь директора огромной корпорации в голливудских фильмах. Целый день бесконечные встречи с партнерами и инвесторами под негромкое бормотание телевизионных дикторов, вечером – гольф, потом – ночные клубы. Дорогой алкоголь, красивые девушки, машины, от названий которых у обычных людей просто захватывает дух.

Все же жизнь молодого топ-менеджера отличалась от волшебных киногрез. Дело в том, что работал он не в нью-йоркском небоскребе, и даже не в одном из новых офисных зданий в центре Москвы, а в подмосковном городе Одинцово. Компания, которой он руководил, называлась «Ипотечная корпорация Московской области» (ИКМО).

Облкорпорация

Корпорация была создана в 2001 году по предложению министра строительства областного правительства Александра Горностаева. Громов идею поддержал и постановил создать организацию, на 51% принадлежащую области, на 49% – ее районам, со скромным уставным капиталом 50 млн рублей. Вряд ли создатели этой компании тогда предполагали, что уже через несколько лет она будет ворочать миллиардами.

Компания создавалась «в целях удовлетворения потребностей населения Московской области в жилье с использованием механизмов ипотечного кредитования». Задача, конечно, благая. Только вот в ипотеку в начале 2000-х никто особо не верил.

Но, думаю, это не особо расстраивало создателей и руководителей ИКМО. Кстати, на первых порах ее возглавил полковник Владимир Мальцев. Стоит ли говорить, что он был земляком Громова и служил вместе с ним в Афгане? Подчиненных Мальцев набрал себе тоже из Саратова. По свидетельству работавших с ними людей, они быстро освоились, получили жилье в Подмосковье и стали думать, как распорядиться имеющимся административным ресурсом.

Сначала корпорация создала филиалы в райцентрах Подмосковья и стала привлекать жителей к созданию ипотечных кооперативов. Но вскоре эта идея была отброшена как бесперспективная: люди не верили в ипотеку, а огромные банковские ставки делали ее и правда бессмысленной. Гораздо проще наладить связи на местах. Как уже говорилось, учредителями ИКМО было несколько районов области, главы других районных администраций тоже относились к новой компании с почтением, зная, что ее повелел создать сам губернатор. Этот фактор можно использовать для построения успешного бизнеса.

На каких условиях строители обычно получают землю? Если оставить в стороне рассказы об откатах и родственных связях с чиновниками, то они просто покупают ее у города в обмен на долю в будущем доме. Как правило, подмосковные райцентры получали 14% квартир в новостройке. Потом это жилье можно было продать, пополнив районный бюджет, или раздать очередникам, укрепив любовь жителей к местной администрации.

Однако ИКМО удавалось получать участки почти даром. Доля райцентров в их домах составляла по 2%. То есть перед остальными девелоперами у них уже была десятипроцентная фора. Но оставалась одна загвоздка: у компании не имелось строителей. И денег на стройку тоже. Областное правительство внесло нужную сумму в уставный капитал корпорации и, казалось, забыло о ней.

История одного девелопера

Тогда в каждом районе корпорация стала искать людей, готовых стать заказчиками строительства на полученных ею участках. В 2003 году с ней согласился работать Владимир Россихин, предприниматель, создавший под это дело строительную компанию «Ступинская жилищная инициатива». До этого он был юристом, сопровождавшим сделки по продаже недвижимости в подмосковном Ступино. Узнав о том, что ИКМО ищет партнеров, решил рискнуть и попробовать себя в строительстве. Мальцев предложил ему самому найти деньги на стройку, а также подрядчиков, способных построить дом.

Корпорация должна была получить свою долю квартир. А пока дом находился на стадии проектирования и строительства, она как будто забыла о нем. Первый год представители ИКМО на стройплощадке даже не появлялись.

Возможно, потому, что были заняты другим: бумажной волокитой. Девелопер Россихин был немало удивлен царившими в ИКМО порядками. Там все происходило, как на советском заводе: для того чтобы бумажка попала на стол руководителю, она должна получить резолюцию юриста, бухгалтера, финансиста. «Мы согласовывали текст договора на выполнение функции заказчика с июля по декабрь 2003 года», – вспоминал он. Дом должен уже во всю строиться, а проекта еще нет.

В итоге Россихин начал строительство первого в Ступино монолитного жилого дома в августе 2004 года. А в декабре стал потихоньку продавать еще не построенные квартиры. Выставлять на продажу все площади сразу оказалось невыгодно, так как цены росли вместе с домом и рынком подмосковной недвижимости. За пару лет стоимость квадратного метра в здании выросла с 500 до 1000 долларов при себестоимости строительства в 250 долларов.

Но и корпорация развивалась. В 2005 году ИКМО получила свой первый крупный кредит в 1,44 млрд руб. Это были деньги другой дочерней компании областного правительства, «Московского областного ипотечного агентства» (МОИА), которая как раз тогда впервые разместила на рынке облигации на 1,5 млрд рублей. Большая часть денег ушла на кредит ИКМО. Оставшиеся 53 млн – гонорар организатора размещения, компании «РИГрупп-Финанс», принадлежавшей жене министра финансов Московской области Алексея Кузнецова Жанне, уже к тому времени Буллок.

На балансе ипотечной корпорации, помимо собственного недостроенного офиса, числились незавершенные объекты в Сергиевом Посаде, Одинцове, Егорьевске, Ступине, Электростали, Истре, Звенигороде, Наро-Фоминске, Щелкове и Шаховской.

Уже тогда стало понятно, что привлекать кредиты куда перспективнее, чем продавать квартиры в недостроенных домах. ИКМО попросила Россихина остановить продажи: она хотела сама профинансировать стройку, чтобы потом получить больше прибыли на готовых квартирах.

По просьбе менеджеров корпорации Россихин остановил продажу квартир, но перечисление денег все время переносилось на более поздний срок и откладывалось под благовидным предлогом. Стройка встала, дольщики начали протестовать и жаловаться во все инстанции, а подрядчики – требовать оплаты. И тут ИКМО предложила доведенному до отчаяния девелоперу продать оставшиеся в доме площади по демпинговой цене компании «Техноград». По данным Россихина, «Техноград» был учрежден сотрудниками ИКМО с заместителем Мальцева во главе.

Совершить эту добровольно-принудительную сделку не удалось. В сентябре 2006 года МОИА разместила еще один выпуск облигаций для ИКМО на 3 млрд руб. После этого Мальцевым внезапно заинтересовались компетентные органы. «На ИКМО был наезд со стороны прокуратуры, – вспоминал Россихин. – Вызывали и меня». Его спрашивали об откатах, взят-

ках и серых схемах. Девелоперу ответить было нечего, так как он с самого начала решил не играть в эти игры и отказывался обсуждать подобного рода схемы, если сотрудники ИКМО пытались завести о них речь.

Возможно, следователям удалось найти что-то на Мальцева, ведь ему пришлось уволиться... Тому пришлось уволиться со своего поста. Зимой 2007 года давнего знакомого Громова сменил молодой менеджер Дмитрий Демидов. Помимо тяги к красивой жизни у него была еще одна особенность: он был выходцем из компании «РИГрупп», принадлежавшей жене министра Кузнецова.

Заказ на трущобы

Впрочем, и после прихода Демидова методы работы ИКМО изменились не сильно: компания по-прежнему уповала на административный ресурс. Весной 2008 года она получила право построить новые дома в Сергиевом Посаде взамен ветхого жилья.

В этом подмосковном городе существует целый квартал старых домов, построенных сразу после Великой Отечественной войны. Это довольно убогие двухэтажные деревянные постройки с проваливающимися лестницами, протекающими потолками и крысами в подвале. Пару лет назад я побывала в одной из тамошних квартир. В маленькой комнатухе, где и одному негде развернуться, жили трое человек. В ванной – почерневший от плесени потолок. Жители не делают ремонт, потому что знают – бесполезно. Протекающая крыша сведет на нет все их старания. И таких домов в Сергиеве Посаде пара десятков. Думаю, прежде чем строить новые административные здания в стиле хай-тек, областным властям стоило бы позаботиться об этих людях, которые десятилетиями живут в трущобах.

Но, как это часто бывает, на первом месте оказались дворцы. До ветхого жилья в Сергиевом Посаде руки у подмосковных властей дошли очень поздно. И вот в 2008 году деньги на расселение все же были выделены. По идее, городское начальство должно было организовать конкурс на право строительства домов. Но глава города Сергей Персианов решил иначе. В апреле он собрал жителей окрестных домов в клубе «Театральный ковчег» и в присутствии местных журналистов торжественно вручил им сертификаты на новые квартиры. Вместе с ним жильцов старых домов обнадеживал замдиректора ИКМО Михаил Бескровный, который сказал, что эти несколько домов – только верхушка айсберга. Есть много других строений, которые в ближайшем будущем предстоит признать ветхими. Корпорация им тоже поможет.

«У меня было столько эмоций, столько надежд, – вспоминала жительница одного из домов Елена. – Раньше нам вообще ничего не предлагали, говорили: “Радуйтесь, что так живете”».

Но существовала одна загвоздка: конкурс на право расселения жильцов трущоб еще только предстояло провести. Чтобы отсечь лишних претендентов, администрация опубликовала сообщение о нем в газете «Сергиевские ведомости» тиражом 20 экземпляров.

В результате в конкурсе участвовали только две компании: ИКМО и некая «Газнистрой». Причем заявки поступили в одинаковых конвертах и отметками «Копия» в одних и тех же местах. Выиграла, естественно, ИКМО.

Через год тендером заинтересовалась Федеральная антимонопольная служба (ФАС). На рассмотрении дела в ФАС представители второй компании сказали, что не собирались выигрывать конкурс, просто подняли цену на один шаг аукциона и отдали заказ сопернику. В «Газнистрое» считали такую практику вполне обычной, потому что компания не раз участвовала в конкурсах разных районов Подмосковья, проходивших по такому же сценарию, и никогда не выигрывала.

Итоги конкурса отменили в 2009 году, но это было не так уж важно – ИКМО уже не собиралась ничего строить. На подготовленной к строительству поляне рядом с покосившимся деревянным домом осталась только старая бытовка, полуразвалившийся строительный забор и немного мусора. Возможно, другая компания справилась бы с этим проектом, если бы ей дали шанс.

Все-таки брать кредиты у ИКМО получалось значительно лучше, чем помогать людям.

Амбиции в кредит

Вероятно, все дело в том, что привлечением заемных средств занимался сам министр финансов области Алексей Кузнецов. Благодаря ему, у области появилось несколько «дочек» и «внучек» – компаний с трудно запоминаемыми названиями, основная задача которых – привлечение денег в подмосковную экономику.

В октябре 2000 года Громов принял предложение ряда областных министров, в том числе Кузнецова, и подписал постановление «Об обеспечении единой инвестиционной политики в Московской области». Оно предусматривало создание ОАО «Московская областная инвестиционная трастовая компания» (МОИТК, Мособлтрастинвест).

Среди целей новой организации, на 100% принадлежавшей области, были: участие в разработке и реализации инвестиционных проектов на территории области, финансовое оздоровление и реорганизация областных компаний, управление долями и долговыми обязательствами региона, привлечение инвестиций в Подмосковье, в том числе и через участие в разного рода компаниях. Некоторые из этих компаний могли специализироваться на «брокерской и дилерской деятельности на фондовом рынке, доверительном управлении активами, оценочной деятельности, аудите, депозитарной и других видах деятельности, относящихся к сфере инвестиционных услуг», говорилось в документе. Сразу видно, что его составлял человек, близкий к миру финансов.

Возможно, кроме Кузнецова, никто из руководства области толком и не понимал, чем будет заниматься компания МОИТК. Как же он убедил Громова создать такую невнятную структуру? Вероятно, министр финансов объяснил, что она жизненно необходима для развития области.

И речь тут шла вовсе не о привлечении в область инвесторов в общепринятом понимании этого слова. Дела крупных компаний типа ИКЕА, вкладывавших в подмосковную землю миллионы долларов, не были заботой МОИТК. Ее задачей было привести в область больше заемных средств.

Дело в том, что Министерство финансов России зорко следит за финансовой чистоплотностью регионов. Оно не позволяет им занимать денег больше определенного норматива, вычисляющегося исходя из доходов местного бюджета. И это понятно: если позволить регионам жить не по средствам, их руководство, которое часто совершенно не разбирается в финансах, вылетит в трубу. Ведь если какой-нибудь области будет остро не хватать денег, вероятность того, что ее руководители приедут просить их в Москву, резко возрастет.

Знакомый банкир довольно смешно мне рассказывал, как проходила подготовка к размещению на рынке долговых ценных бумаг одного из регионов средней полосы России.

«Как-то приезжал один вице-губернатор договариваться о выпуске облигаций, – смеялся банкир, – говорил он в основном матом». Своего начальника гость называл не иначе как папой. Единственная относительно цензурная фраза чиновника выглядела так: «Папа – далее длинная матерная тирада – сказал – снова длинная матерная тирада – ему все по... кроме объема и ставки».

Облигации регион, конечно, выпустил, но в процессе размещения он был целиком зависим от банков, готовивших размещение. Чиновники в этом ничего не понимали.

Министр финансов Кузнецов был сделан совершенно из другого теста. Он отлично знал подноготную долгового рынка, понимал, что запрещено, а что разрешено. Кроме того, он осознавал, как нужны области деньги, а занять она сама при этом может сущие крохи – мешает пресловутый норматив Минфина о региональных заимствованиях.

Федеральное министерство в те времена не обращало никакого внимания на дочерние компании областных правительств. Считалось, что частные структуры, пусть и со стопроцентным участием области, могут занимать деньги на свой страх и риск.

Кузнецов решил рискнуть. Тем более, что ему во что бы то ни стало нужно было достать денег. Перед выборами Громов наобещал избирателям золотые горы. Он постоянно говорил, как выведет область из кризиса, построит новые школы, детские сады, стадионы. Придя к власти, он обнаружил, что денег на это в бюджете нет и в ближайшее время не предвидится. Что ж теперь, не сдержат слово генерала?

Все старые предвыборные обещания, а также новые девелоперские фантазии Громова воплощались с помощью МОИТК. Схема проста. Компания брала на свое имя кредит в банке и за несколько лет строила объект. По многим из этих займов область даже не числилась поручителем. Часто Кузнецов пускал в ход свои связи в банковских кругах и получал деньги под честное слово. Потом построенный объект выкупала область, в бюджете которой к тому времени прописывалась необходимая сумма. МОИТК возвращала кредит банкам с процентами. Чиновники могли отрапортовать об успехах. Казалось бы, идеально.

Для реализации нужен проверенный банк. Сначала Кузнецов обратился за помощью в банк «Возрождение», имеющий давние связи с подмосковными компаниями. Но председатель правления «Возрождения» Дмитрий Орлов отверг предложение бывшего «инкомовца» Кузнецова. «Я уже тогда понял, что он жулик», – объяснял Орлов в интервью Forbes. В итоге министр остановил свой выбор на небольшом и менее щепетильном «Московском залоговом банке», который исправно проводил платежи созданных Кузнецовым компаний, пока не развалился осенью 2008 года.

Нью-Подмосковье

Чиновники шли на большой риск, но считалось, что все деньги направлены на благое дело – строительство масштабных объектов, которые не стыдно и президенту показать.

Возможности это сделать представлялись регулярно. К примеру, через пару дней после своего избрания в марте 2008 года президент Дмитрий Медведев надел черную спортивную куртку с двумя белыми полосками на груди и поехал в подмосковную деревню Парамово – открывать единственную в стране санно-бобслейную трассу. Ее габариты действительно поражают воображение: протяженность – 1600 метров, перепад высот – 112 метров, 18 виражей. Спуститься с такой горки Медведев отказался, но под вспышки фото- и телекамер подержался за специальные бобслейные сани.

Потом президент уехал, а странное сооружение, похожее на гигантский белый шланг, так и осталось посреди поля близ деревни Парамово. Подмосковные власти потратили на объект для занятий не слишком массовым видом спорта 45 млн долларов.

Он, как и здание подмосковного правительства с вертолетной площадкой, строился на заемные деньги. Строительство «дома-громоотвода» обошлось в миллиард рублей, которые МОИТК по указанию губернатора заняла у «Сбербанка». Чтобы предоставить обеспечение по кредиту, областное правительство рекомендовало администрации Чеховского района отдать банку в залог часть ее имущества. После завершения строительства заем погасили из областного бюджета.

По такой же схеме был построен Дом правосудия по соседству – на него ушло 100 млн рублей.

Еще 150 млн евро было потрачено на возведение крупнейшего в Европе конькобежного центра в подмосковной Коломне. Здание, построенное в 2006 году по проекту известного архитектора Нодара Канчели, включает в себя тренировочный и спортивный комплекс, медицинский центр, бассейн, тренажерный и игровой залы, сауны и джакузи, зимний сад, зал для конференций на 500 человек, ресторан, кафе и даже археологическую композицию.

С 2006 по 2008 год МОИТК вложила в общей сложности более 52 млрд рублей (то есть почти 2 млрд долларов) в строительство полутора сотен объектов. Это и детские сады, и школы, и стадионы, и дворцы культуры, и больницы, и даже несколько торговых центров. Казалось бы, чем плохо – немногие регионы могут похвастаться таким количеством строящихся зданий. Даже олимпийская стройка в Сочи, похоже, идет куда более скромными темпами.

Но проблема в том, что область жила не по средствам. Она просто не могла оплатить такое количество новых объектов, а потому была вынуждена набирать все больше долгов, чтобы отдать старые и сохранить темпы строительства. «Это как велосипед, – сказал мне один житель Подмосковья, – пока крутишь педали, ты едешь».

Насколько области в действительности нужны были все эти пафосные спортивные комплексы, загнавшие ее в такие долги? Быть может, они только подкармливали тщеславие ее руководителей, позволяли им хорошо выглядеть в глазах начальства?

Вскоре чиновники вошли во вкус и поняли, что ограничиваться только дворцами спорта не имеет смысла. Так в 2007 году был учрежден, например, «Энергоцентр», наполовину принадлежавший МОИТК, наполовину – «Московской областной энергетической компании». Он работал по той же схеме, что и «Мособлтрастинвест», но формально приходился областному правительству всего лишь «внучкой». Никакой формальной ответственности за его деятельность область не несла, тем не менее «Энергоцентр» занимал на рынке деньги под строительство энергоподстанций в Подмосковье. Предполагалось, что готовые объекты тоже оплатят из бюджета.

Думаете подмосковные власти стеснялись такого рода манипуляций? Нет, они ими гордились. В лояльных областному правительству газетах («Ежедневные новости. Подмосковье» и др.) выходили статьи под заголовками типа «Работа на совесть, рейтинг – на зависть». В них можно было встретить такие забавные рассуждения: «Несомненным плюсом для бюджета области является политика региональной власти по выведению части расходов за его пределы и перевод их в свободный сектор тех предприятий, которые сегодня составляют базис федеральной группы заемщиков Московской области».

Вероятно, «базисом федеральной группы заемщиков Московской области» журналисты вслед за подмосковными министрами называли компании, которые формально никакого отношения к бюджету области не имели, но активно занимали деньги у банков и размещали облигации, ссылаясь на свой особый статус.

Помимо «Энергоцентра», который строил подстанции, облигации также выпускали «Мособлгаз» (для перевода районных котельных на газ), «Мострансавто» (для обновления автопарка). Поручителем по большей части этих займов выступало МОИТК, то есть область формально никому ничего не была должна. При этом сами компании без ее поддержки мало чего стоили.

«Замечательная отчетность была у “Энергоцентра”, – не скрывая восхищения, говорил один банкир. – Непонятно, как его активы оценивать: у него семнадцать каких-то подстанций, под это дело он брал займы два миллиарда рублей. Понятно, что афера. Понятно, что почти все украли».

Обмани меня

Почему же работавшие в банках расчетливые люди, которые привыкли всегда перестраховываться, давали деньги столь ненадежным компаниям?

Инвесторы – тоже люди, им хочется верить в чудо. Для каждого нового выпуска облигаций дочерних компаний придумывалась красивая легенда. Это обычная практика: если облигации выпускает хорошая компания, создается некий обзор ее деятельности, даже не сильно приукрашенный, если компания плохая – надо придумать сказку, чтобы быстро продать ее бумаги. В банковском мире такие сказки для инвесторов придумывают аналитики банка, ответственного за размещение выпуска облигаций. Их задача – красиво преподнести ценные бумаги, чтобы у участников рынка возникло желание их приобрести.

В случае с дочерними компаниями Московской области аналитики проявляли чудеса фантазии. Мне говорили, что, несмотря на правило беспристрастности и независимости оценок, на аналитиков давили организаторы размещений – просили писать максимально позитивно. Они высказывались в своих отчетах примерно в таком духе: «Ну и что, что у облигаций нет поручителя в лице подмосковного правительства, но если компания на 100% принадлежит области, значит область никогда ее в беде не бросит и выплатит кредит в случае возникновения проблем». Звучит довольно наивно, но в это верили.

К помощи банкиров Кузнецов и его коллеги прибегали очень часто: чтобы покрывать хронический дефицит бюджета, Московская область выпускала облигации каждый год. В 2006 году для этого пришлось занять у инвесторов 12 млрд рублей, в 2007 году – 16 млрд, в 2008 – 19 млрд., ее «дочки» были должны еще около 30 млрд.

До кризиса собственный долг области составлял около 47% от доходов ее бюджета, а с учетом обязательств дочерних компаний – все 90%. «Тем не менее, кредитное качество Московской области находится на достаточно высоком уровне», – писал организатор размещения одного из займов банк «Уралсиб» летом 2008 года.

Вера в эти утверждения поддерживалась высокими кредитными рейтингами Московской области, которые находились на уровне Краснодарского края и Ленинградской области.

Некоторые сотрудники инвесткомпаний в глубине души не особо доверяли этим прогнозам, называя облигации дочерних компаний Московской области «Мособлshit». Интуиция в итоге их не подвела.

Архитекторы пирамиды

Не думаю, что Кузнецов и его соратники имели целью загнать область в долговую яму, из которой они совсем недавно ее с таким трудом вытащили. Просто это были молодые амбициозные люди, которые почувствовали неограниченную власть и потеряли ощущение реальности. Им казалось, что они смогут сохранить контроль над ситуацией, что бы ни случилось. Именно так, должно быть, чувствовали себя менеджеры обанкротившихся американских компаний типа Freddie Mac и Fannie Mae: они же ипотечные гиганты, никто не позволит им развалиться.

С другой стороны, на Кузнецова, должно быть, давили люди из окружения Громова, который уже вошел во вкус разрезания ленточек на все новых объектах. Он купался в славе и народной любви, выиграл еще одни губернаторские выборы в 2003 году, а в мае 2007 года Владимир Путин вновь назначил его главой области с формулировкой «в связи с успехами в развитии региона». Депутаты Мособлдумы тогда проголосовали за него единогласно. Он тоже не мог остановиться, встать и сказать: мы ничего не будем строить, потому что это нам не по карману. Ведь машина по собиранию долгов так хорошо работала, инвесторы с радостью ссужали деньги региону. Никто не хотел от этого отказываться.

И Кузнецов тоже не мог остановиться. По словам знакомых с ним людей, он обладал корпоративным складом ума. Ему на посту министра финансов было не особенно интересно заниматься зарплатами бюджетников, финансовым обеспечением школ и больниц. Гораздо более важными казались строительные проекты и долговые обязательства. Тем более что к ним можно привлечь жену, владеющую соответствующим бизнесом.

Кроме того, девелоперские проекты придают министру некоторый дополнительный вес и статус. Какая ему польза от того, что учителям повысили зарплату? В общем, никакой. Какой круг общения у тех, кто занимается проблемами бюджетников? Не слишком широкий, поэтому такого рода делами в министерстве финансов области занималась замминистра Татьяна Крикунова, которая работала в правительстве с 1990-х годов.

Алексей Кузнецов и его другой зам Валерий Носов проводили презентации для инвесторов, пили чай с представителями рейтинговых агентств, налаживали связи с девелоперами, убеждали банкиров дать еще один кредит Московской области. Это казалось им более важным, и, думаю, руководство их в этом поддерживало.

Почему строительство было так выгодно? Ответ очевиден: оно дает куда большие возможности для реализации своего творческого потенциала. В строительном секторе можно найти много лакомых кусков, обеспечить себе неофициальную добавку к пенсии после увольнения с госслужбы.

Как это работает

Однажды я встретила с женщиной, которая занималась подготовкой сметной документации для строительства тех самых социальных объектов, которыми так гордится подмосковное правительство. Ей пришлось, в частности, работать над проектом строительства школы в Хотьково. Вот что она мне рассказала.

В 1998 году некая компания спроектировала небольшую школу в Хотьково. Старая совсем уже дышала на ладан. Проект стоил 1,5 млн руб. До 2002 года стройка потихоньку двигалась. К тому времени первый этаж накрыли плитами, начали второй, но вдруг строительство остановилось из-за того, что на него перестали выделять деньги.

Однако школа очень нужна городу. Через некоторое время посмотреть на застывшую стройку приехал тогдашний областной министр строительства Евгений Серегин, позднее ставший мэром Лыткарина. Сразу после его визита школой заинтересовалась «Московская инвестиционная трасовая компания». Она быстро сделала новый проект. Правда, если раньше проект школы стоил 1,5 млн рублей, то МОИТК получила за это 25 млн. Инфляция? Не думаю: проект школы в Пушкино, созданный в это же время, обошелся подмосковному бюджету в 2 млн рублей.

Кроме того, проектировщики из МОИТК захотели разобрать уже построенную конструкцию, так как вместо панельного здания решили строить кирпичное. Само строительство, по их подсчетам, обошлось бы в 690 млн рублей.

«Строители были в трансе, – рассказывала мне проектировщица, – они облицовочный кирпич сняли, хотели новый утеплитель поставить, а в остальном все там нормально было, включая замечательные подвальные помещения».

Потом, вероятно, до кого-то в министерстве строительства дошло, что сносить конструкцию до основания вовсе необязательно. Инспекторы осмотрели то, что было уже построено, и решили продолжать строительство.

Компанию, которая делала проект школы в 1998 году, попросили подготовить документы на проектные работы по достройке объекта. Моей собеседнице велели быстро сделать смету. Она согласовала проект со строителями.

Через несколько дней, когда начальника не было на месте, к ней в офис приехал сотрудник одного из отделов областного минстроя. «Неприятный, скользкий тип», – вспоминала проектировщица.

Он сказал:

– МОИТК предлагает школу за 690 миллионов построить, а мы должны за 500 миллионов.

– Я сделала смету, у меня получается 350 миллионов, – ответила она.

– Нет, надо 500.

Тогда сметчица еще раз все пересчитала и увеличила расходы на стройку до 402 миллионов. Строители согласились, что за эти деньги построили бы отличную школу. Но тот «тип» из их министерства досаждал телефонными звонками, спрашивая:

– Вы отправили смету на 500 миллионов?

– Почему на 500? У меня получилось 400, – удивлялась сметчица.

– Нужно снести рядом два частных дома, территорию расширить, заложите четыре однокомнатные, четыре двухкомнатные квартиры для расселения.

Когда она снова не смогла составить смету на 500 миллионов, он позвонил опять и долго кричал на нее по телефону. «Ему нужно было, чтобы смета получилась завышенной, – объясняла она уже мне. – В этом случае строители получили бы 400 миллионов, а 100 миллионов – откат». Сметчица сказала чиновнику, что не станет закладывать откаты, потому что

ей надо будет защищать эту смету на экспертизе – она не сможет обосновать завышенные расходы, и проект не пройдет.

Когда она уже заканчивала оформлять смету, пришел главный инженер ее компании, вид у него был очень расстроенный. Он сказал:

– У нас этот заказ отбирают, снова проектировать будет трасовая компания.

«Строители, которые там работают, сказали, что эта компания взятки налево-направо раздает», – говорила мне сметчица. В то время у МОИТК уже приняли проект школы за 25 миллионов, хотя могли бы сделать его в другой компании в 10 раз дешевле. Стоимость строительства по этому плану составила 690 миллионов. Хотя моя собеседница, опытный специалист с тридцатилетним стажем работы, не могла понять, на что тут можно потратить 500 миллионов. По ее словам, на 690 миллионов можно было не только школу, но еще и детский сад построить. «Строители мне прямо сказали: министр строительства и Громов запросили по 30 миллионов», – говорила она.

Конечно, строители не могли точно знать, кто какие просил откаты. Они, как говорится, свечку не держали. Видя, что мелкие чиновники трясут деньги со всех, они, должно быть, решили, что слугам народа приходится делиться с начальством, и финансовый ручеек течет наверх, где сидят люди с высокими чинами.

Сказать, как это все происходило в действительности, не мог никто. Та же история с долговой пирамидой: степень вовлеченности в схему главного человека области – спорный вопрос. Одни люди говорили мне, что без ведома первого лица такие дела не делают. Другие – что Громов и его приближенные с военным прошлым мало разбирались в гражданских вопросах типа привлечения кредитных средств, потому и отдали все на откуп команде Кузнецова, надеясь, что тот все решит.

Собственно, министр и решал, как мог и хотел, – на протяжении восьми лет. Генерал Громов имел возможность сфотографироваться вместе с президентом на открытии нового спортивного объекта, школы или детсада, а Кузнецов – получить дополнительные бонусы. Опытный банкир понимал, что в расцветшей благодаря его стараниям области есть немало способов заработать, особенно если ты обладаешь административным ресурсом.

Конвертацией властных полномочий в денежные знаки занималась жена министра Жанна Буллок, которая за пару лет сделала такую блестящую карьеру девелопера, что ей могла бы позавидовать сама супруга Юрия Лужкова Елена Батурина. Как ей это удалось?

Глава четвертая Дела семейные

На проценте

Лунной осенней ночью к зданию напротив областного правительства на Славянской площади подъехал автомобиль. Он был ничем не примечателен – обычная иномарка средней степени износа, как и сотни других вокруг. Из нее вышел неприметный человек средних лет в потрепанном костюме. В руках – увесистая спортивная сумка.

Подойдя к окошку проходной, он сказал немного нервным тихим голосом: «В «РИГрупп-Финанс», на меня должен быть пропуск заказан». Вахтер медлительно записал его паспортные данные и впустил внутрь, через старый вращающийся турникет.

«РИГрупп» занимала второй этаж серого здания Дома металлурга с просторными кабинетами и большими окнами. Офис компании почти ничем не отличался от других: кожаные диваны и плазменный телевизор уже тогда стояли почти в каждой приемной. Только здесь на стенах вместо привычных картин «под Айвазовского» висели гигантские полотна художника Олега Целкова, много лет назад эмигрировавшего во Францию и снискавшего известность у искусствоведов по всему миру, а вместо ламп дневного света – массивные хрустальные люстры. Повсюду стояли вазы с букетами роз – видно было, что офис оформляла умелая женская рука.

Ночной гость, миновав вахтера, поднимался наверх. Это был не просто курьер или доставщик пиццы. Немногие могли бы догадаться, что именно он несет в своей увесистой спортивной сумке.

Открыв железную дверь с золоченой вывеской «RIGroup», он попал в стильный офис компании. На стенах – картины известных современных художников. Прошел в кабинет, расстегнул молнию на сумке и начал выкладывать на стол пачки денег. Принес он около 2 млн долларов наличными.

В 1990-е такие визиты были в порядке вещей у предпринимателей, не желающих платить налоги. Потом увесистые сумки стали носить чиновникам средней руки, не боявшимся брать взятки наличными в особо крупных размерах. Более влиятельные и осторожные деятели предпочитали действовать через посредников и офшоры. Что за деньги нес в «РИГрупп» ночной курьер? Взятку или черный нал?

На самом деле, и то и другое. Дело в том, что «дочка» компании жены министра Кузнецова «РИГрупп-Финанс» занималась размещением многочисленных выпусков облигаций Московской области и ее дочерних компаний.

Правда, специалистов, способных взять на себя такое ответственное дело, у Жанны Буллок не было. Так что пришлось заключить джентльменское соглашение (вероятно, по совету мужа) с несколькими финансовыми структурами, которые согласились помочь ей размещать ценные бумаги.

Поначалу это были «Тройка Диалог», «Газпромбанк», «Балтийское финансовое агентство», «Банк Москвы». В 2007 году «Тройка Диалог» и «Газпромбанк» выбыли из числа партнеров «РИГрупп-финанс» по размещению областных облигаций, а их место в так называемом рамочном соглашении с «РИГрупп-финанс» заняли ВТБ и «Уралсиб». В это же время среди соорганизаторов займов появился и «Связь-банк». Помимо помощи в агитации инвесторов и размещении облигаций эти структуры сами иногда приобретали подмосковные долги.

Сотрудники вышеперечисленных компаний всегда с неохотой рассказывали о контактах с представителями «РИГрупп», а после кризиса и вовсе стали категорически отказываться комментировать свои вложения в эти уже не особо ценные бумаги.

«Договоренности между участниками соглашения не были оформлены юридически, – на условиях анонимности рассказывал представитель одной из работавших с “РИГрупп” структур. – Все делалось исключительно по понятиям. А уже накануне конкретного аукциона компании и банки подписывали стандартные документы при размещении облигаций – фиксировали на бумаге свои статусы и обязательства по выкупу и размещению среди своих клиентов».

В эмиссионных документах известные компании значились соорганизаторами размещений. В этих же документах прописывался официальный размер комиссии, которую они получают в качестве награды за труды. Обычно она как минимум вдвое превышала среднее по рынку вознаграждение за услуги. К примеру, комиссия за размещение облигаций МОИА второй серии составляла чуть более 100 млн руб. – 3% от объема выпуска. Притом, что за размещение займа Самарской области на 8,5 млрд рублей. В 2007 году банкиры, помогавшие региону, получили около 80 млн, то есть меньше 1% от общей суммы.

Один из банкиров называл комиссию в 3% ростовщичеством. Дочерние компании Московской области явно переплачивали банкам, но это еще не все. Одним из пунктов того самого джентльменского соглашения, заключенного между «РИГрупп» и ее помощниками, был вопрос распределения этих денег. Да, комиссия, как правило, вдвое превышала обычную, и эта разница возвращалась в компанию Буллоков.

Получается, что несоразмерно большую часть полученных в долг денег область и ее «дочки» напрямую передавали компании «РИГрупп». За что? А просто она была связана с высокопоставленными людьми в подмосковном правительстве. Практикой распилов и откатов сейчас никого не удивишь. Равно как и наличием у чиновников предприимчивых родственников, которые очень удачно участвуют в конкурсах на право исполнения госзаказа.

Мне рассказывали, что одним из наиболее популярных видов «семейного» бизнеса среди родственников подмосковных глав администраций является изготовление плитки. Благодаря их стараниям, тротуары многих райцентров Московской области отделаны именно этим материалом. Министр финансов Кузнецов не занимался дорожными работами, зато у него была возможность привлечь жену к решению финансовых проблем области.

Несмотря на трудное положение региона, дефицит денег и жизнь взаимности, Подмосковье могло себе позволить платить компании Жанны Буллоков щедрую комиссию за размещение облигаций. И, видимо, это даже никого особо не удивляло. По крайней мере, за все годы, что «РИГрупп» размещала облигации, никто не возмутился размером комиссии, черным по белому написанным во всех эмиссионных документах. Напротив, от чиновников в адрес компании можно было слышать только слова благодарности. Интересно, за что...

Счастливая семья

Это придавало еще больше смелости сотрудникам компании, вдохновляя их расширять границы сотрудничества с подмосковным правительством. «РИГрупп» и «дочка» подмосковного правительства МОИТК вместе строили сеть торгово-развлекательных центров с символичным названием «Счастливая семья». Как правило, для них выбирались лучшие места в районных центрах. Часто они строились возле железнодорожных вокзалов, через которые тысячи жителей города ежедневно ездят на работу в столицу.

Но привокзальные площади не всегда свободны. К примеру, в Сергиеве Посаде возле вокзала стоял стадион «Спартак». Конечно, ему было далеко до дворцов спорта в Химках или Мытищах. Губернатор не стал бы привозить туда президента или премьера – хвастаться нечем. Обычный старый стадион с футбольным полем и скамейками вокруг. Сюда приходили поиграть мальчишки, здесь проходили матчи местных команд. В общем, ничего примечательного.

Сотрудники «РИГрупп» и МОИТК решили, что город ничего не потеряет, если на его месте построить очередную «Счастливую семью». Несмотря на то что снос спортивных объектов не особо приветствовался правительством страны, стройка началась.

Удивительное дело: подмосковные власти вкладывали миллиарды в возведение санно-бобслейных трасс и горнолыжных склонов с искусственным снегом, но не могли поддержать и защитить небольшой стадион, доступный всем. Вероятно, недостаточно масштабный проект: нет возможности развернуться.

Чувствуя свою власть и поддержку областного правительства, строители из «РИГрупп» не особо церемонились с местным населением, которому стройка была не по душе. Жители Сергиева Посада уже смирились с тем, что потеряли стадион, но им трудно было выносить шум бетономешалок и грузовиков, доносящихся со стройплощадки каждую ночь. Несмотря на запрет вести строительство в темное время суток, «РИГрупп» возводила центр круглосуточно, будто боясь чего-то не успеть. Грунт из котлована сбрасывался в соседние дворы, из-за грязи невозможно было пройти по улице.

Жители окрестных домов попробовали пожаловаться в мэрию, но местные чиновники только делали огромные глаза и говорили тихим шепотом: «Да вы знаете, кто за этой “РИГрупп” стоит?»

Отчаявшись найти правду у чиновников, активисты из Посада решили пойти в саму «РИГрупп» и попытаться убедить ее всесильную хозяйку вести себя по-людски. Они приехали в Москву, на Славянскую площадь. Как ни странно, Жанна Буллок даже согласилась их принять. Но, как и следовало ожидать, осталась глуха к их просьбам.

После встречи с Буллок, у жителей Сергиева Посада впечатлений осталось на полгода. Они пересказывали друг другу разговор, обсуждая диковинную женщину, которая их принимала. «Мы заходим в кабинет, а там сидит не то кукла, не то манекен со светлыми волосами, – вспоминали они, – мы начинаем ей говорить о наших бедах, а она в ответ тараторит что-то непонятное тихим голосом».

«Счастливую семью», естественно, построили. Вскоре такие же «семьи» появились и в других городах, к примеру, в Серпухово. Председатель местного совета депутатов Николай Дижур возмущался, что «РИГрупп» получила два участка в центре Серпухово под торговый и офисный центры без всякого конкурса.

В Сергиеве Посаде компания построила еще один торговый центр, в двух шагах от Троице-Сергиевой лавры. Раньше там работал старый открытый рынок, который очень любили местные жители за низкие цены.

Торговавшим на нем предпринимателям было некуда идти. Но «РИГрупп» предложила им стать соинвесторами строительства нового торгового комплекса. Сто пятьдесят бизнесменов заплатили по 12 000–15 000 долларов за возможность снимать площади в нем по льготным тарифам. В 2006 году, после завершения строительства, они завезли товары в новый центр и хотели было начать торговлю, но администрация комплекса внезапно повысила арендную плату. Раньше предпринимателям обещали сдавать помещения за 360 долларов за метр в год, а теперь требовали уже 540 долларов.

Торговцев вызывали в кабинет директора торгового центра по одному и заставляли подписывать договоры с новыми ставками. У тех, кто отказывался, просто опечатывали торговые точки вместе с товаром. Тем, кто хотел просто уйти и прекратить торговлю, возвращать взносы никто не собирался.

Местные бизнесмены хотели было пожаловаться в милицию и прокуратуру, но там, так же, как и в городской администрации, их сочли сумасшедшими. «Да вы знаете, с кем связываетесь? – спрашивали люди в погонах. – Вы знаете, что это правая рука Громова?»

К жалобам пострадавших предпринимателей решили прислушаться только после бегства Кузнецова и Буллок за границу. Тогда зампрокурора города сам попросил их написать заявление на «РИГрупп», чтобы у него была возможность возбудить дело по факту мошенничества.

Новая Рублевка

До середины 2008 года желания Жанны Буллок очень быстро становились законами Московской области, а ее фантазии получали реальное воплощение.

Однажды мне довелось в этом убедиться, когда в августе 2006 года я приехала на берег реки Яхрома в окрестностях деревни Сорочаны Дмитровского района. Зимой здесь работает фешенебельный горнолыжный курорт, есть небольшая горка для катания с подъемником. Летом простаивающие площади сдали организаторам музыкального фестиваля «Этнолайф». Они оформили поляны и горки в этническом стиле. Привезли откуда-то бамбуковых бревен, сделали из них японские ворота, построили воздушные сферические конструкции из железных палок, украсили их какими-то тряпочками – в общем, было на что посмотреть.

Я бродила по территории курорта, любовалась красотами, потом решила залезть на гору, чтобы осмотреть окрестности.

С горы видна не только ближайшая территория, но и более отдаленные места: ряды домиков для гостей, речка, лес, поля и чудесное озеро. Казалось, оно совсем рядом и можно легко до него добраться. Я решила предпринять вылазку, надеясь, что вода в озере теплее, чем в Яхроме.

Не тут-то было. Озеро – в стороне от дороги. Путь к нему лежал через засыпанную песком площадку, на которой работали бульдозеры. Стоило на нее зайти, как ко мне подъехали охранники на джипе и поинтересовались, что я здесь делаю. Я сказала, что хочу на озеро, но они наотрез отказались меня туда пускать. «Это частная территория, – строго сказали они. – Здесь будет коттеджный поселок, пользоваться озером имеют только собственники».

Через три года я узнала, что купаться в приглянувшемся мне водоеме имела право только Жанна Буллок. Про этот ее девелоперский проект мне рассказали смешную и грустную историю. До сих пор надеюсь, что она несколько приукрашена. Мне хочется верить, что влиятельная строительница была не столь легкомысленной особой.

Согласно этой полуполюгендарной истории, Жанна заметила участок у озера тоже с высоты сорочанского горнолыжного склона. Поскольку она могла получить в области практически любой участок земли, только махнув рукой в его сторону, поляна у озера вскоре стала очередной стройплощадкой «РИГрупп». Там, возле деревни Ильинское, предполагалось построить коттеджный поселок для очень состоятельных людей. Горы песка, которые я застала, должны были изменить ландшафт согласно эстетическим предпочтениям создателей поселка. Но они не учли одну небольшую деталь: под землей там проходил магистральный газопровод или что-то вроде этого. Проводить земляные работы надо было с ювелирной точностью. А потом в построенных домах нельзя было бы разводиться огонь, то есть состоятельные обладатели коттеджей остались бы без каминов и мангалов. Кроме того, из-за особенностей местности их погреба с элитными винами каждую весну затапливала бы вода. Понятно, что жить в таких домах мало кто захотел бы.

Обычный девелопер, начиная строительство, взвешивает все сильные и слабые стороны участка, чтобы не прогореть. Но «РИГрупп» могла себе позволить роскошь не думать о таких мелочах. Не вышел один поселок – получится другой. Благо за время своего существования компания купила или получила от местных администраций пятнадцать участков земли в подмосковных райцентрах. Ей удалось построить два поселка – «Павловская слобода» и «Поливаново».

Первый был предметом особой гордости хозяйки «РИГрупп». Он расположен на Новорижском шоссе в районе поворота на Нахабино, в нескольких десятках километров от Москвы. За обклеенным зелеными логотипами «РИГрупп» забором стояли шесть домиков для самых взыскательных жильцов.

Если в 1990-е годы дома в районе Рублевки напоминали неприступные средневековые крепости, то теперь в моде была европейская скромность и экологичный подход.

Показывая уютные дома потенциальным покупателям, сотрудники компании говорили незнакомые слова вроде «экоэстейт» и «экодевелопмент».

В домах из финского клееного бруса Жанна Буллок проводила выставки модных европейских дизайнеров, надеясь, что это привлечет покупателей.

Каждый дом в поселке стоил более 6 млн долларов. Коттеджи стояли вокруг небольшого пруда с фонтаном. В каждом из них было по пять туалетных комнат, унитазы и раковины в которых были сделаны по проекту супер-модного дизайнера Филиппа Старка. На деревянных стенах висели умиротворяющие лесные пейзажи. Под потолком – люстры со стразами Сваровски (куда уж без них).

Окна домов выходили на соседние коттеджи – спрятаться от соседей за высоким забором было невозможно, но это совсем не смущало строителей. Они надеялись, что весь поселок оптом купят представители одной корпорации, которые захотят видеть друг друга даже в минуты отдыха.

Интерьер одного из домов спроектировала сама Жанна Буллок. В нем старые часы, комод и самовар соседствовали с модными аксессуарами от дизайнеров Ральфа Сакса и Армана. Очень точная метафора жизни новой российской элиты, которая еще недавно считала, что загородный дом – это советская дача с удобствами во дворе, а теперь получила возможность оформить его «богато» – как за границей.

Хранительница очага

Должно быть, тогда Буллок мечтала стать эдаким рублевским культуртрегером, научить состоятельных людей жить красиво в ее дизайнерских поселках.

Ее стремление понятно: до того, как стать женой министра финансов области, она жила в США и зарабатывала на жизнь тем, что покупала квартиры в запущенном состоянии, условно говоря, за миллион долларов, вкладывала столько же в ремонт и декорирование и продавала уже за три миллиона. Этот вид бизнеса был довольно распространен в США до кризиса: многие мечтали заработать на росте стоимости слегка обновленных квартир. Образ ухоженной и амбициозной женщины средних лет, которая забросила свою старую профессию и стала риелтором-декоратором, даже вошел в американские фильмы и телесериалы.

В стремлении заработать на воздушном пузыре американского рынка недвижимости Жанна Буллок ничем не отличалась от сотен и тысяч таких же отчаянных домохозяек, решивших создать женский бизнес. Собственно, «RIGroup» в США расшифровывалась как «Renovation Interiors Group» (то есть всего лишь «Группа по обновлению интерьеров»). Уже потом, приехав в Россию в статусе жены министра, она стала преподносить свою компанию как международную девелоперскую инвестиционную группу «Russian Investment Group». Хотя никаких осуществленных девелоперских проектов, кроме тех самых квартир в Нью-Йорке, у нее не было.

Биография самой Жанны чем-то похожа на сущность ее американского бизнеса. В том смысле, что она всегда стремилась себя приукрасить и облагородить. На самом же деле в судьбе жены министра много неясного.

Известно, что двадцатичетырехлетняя Жанна Михайловна Булах приехала в Нью-Йорк из родного белорусского городка Кобрин в конце 1980-х или начале 1990-х. К тому времени у нее уже была дочь от первого брака Зоя и, вроде бы, диплом об окончании ленинградского филфака (хотя в архивах ни одного из питерских вузов ее фамилии так и не нашли).

Жанна утверждала, что на первых порах служила няней семерых детей одного ортодоксального еврея, жена которого находилась на лечении в психбольнице (хотя ее злопыхатели говорили, что она занималась куда менее благородным ремеслом). Потом устроилась продавщицей в магазин. А к 1992 году уже работала переводчицей в конторе адвоката Эммануила Зельцера, который вел американские дела «Инкомбанка». Однажды начальник послал ее встретить в аэропорту молодого вице-президента банка Алексея Кузнецова. Он уже был женат, но вскоре предпочел супруге молодую переводчицу. Через несколько лет у них родилась дочь Евгения.

Примечательно, что о наличии влиятельного мужа Жанна Буллок вспоминала только тогда, когда это становилось необходимо. Например, во время переговоров с девелоперами представители ее компании не скрывали, что за ними стоит именно министр Кузнецов.

Однако когда в Forbes вышла статья о том, как жена министра прибрала к рукам самые привлекательные участки подмосковной земли, в редакцию позвонила разгневанная пресс-атташе госпожи Буллок. «Откуда вы знаете, что они женаты, – кричала она в трубку, – вы что, видели их паспорта?» Действительно, паспортов Булах-Буллок и Кузнецова журналисты не видели. Происхождение этих людей вообще окутано тайной. К примеру, после бегства Кузнецова СМИ стали писать, что министр финансов Московской области является, как и его жена, гражданином США. Этот факт он опровергал в своем интервью из-за границы.

Большие проекты

«Когда ты декоратор, все время приходится идти на компромисс, – жаловалась Жанна Буллок в одном из интервью. – Силы, потраченные на декорирование, строительство, ремонт, и обустройство ста метров, – те же самые, что и на тысяче, и на десяти, и на ста тысячах метров. Поэтому лучше заниматься чем-то большим».

Успешная бизнес-вумен знала, о чем говорит. После того как ее муж (или, во всяком случае, близкий друг) вошел в состав подмосковного правительства, с отделки и перепродажи нью-йоркских апартаментов она переключилась на застройку подмосковных угодий. Благо недостатка в земельных участках не наблюдалось.

Помимо коттеджных поселков в разных районах, сети торгово-развлекательных и офисных центров, «РИГрупп» строила отели, кинотеатры, офисно-деловые комплексы и даже жилые микрорайоны в Мытищах и Клину. В докризисные времена портфель проектов группы оценивался в 1,2 млрд долларов.

Правда, достроить удалось немного. Поселки Поливаново и Павловская слобода уже были готовы, дома продавались во время кризиса другими компаниями. Но вот о завершении строительства комплекса «Два капитана» под окнами губернатора Громова пришлось забыть.

Лучше всего «РИГрупп» удавались проекты, которые осуществлялись вместе с дочерними компаниями Московской области. И дело тут не ограничивалось только торгово-развлекательными комплексами «Моя семья». МОИТК поддерживало компанию Жанны напрямую.

Больше половины выпуска облигаций «РИГрупп» первой серии выкупила областная трастовая компания, затратив около 700 млн рублей. Напомню, что МОИТК сама по себе никакой прибыли не генерировала, а жила за счет займов и кредитов, взятых под честное имя Московской области. По сути, областная «дочка» зачем-то кредитовала частную структуру.

В строительстве делового комплекса «Два капитана» интересы «РИГрупп» представляла ее дочерняя компания «СтройИнвест», которая выступала лишь заказчиком проекта. Деньги на строительство (9,6 млрд рублей) давала МОИТК.

Стройка началась в 2006 году. Предполагалось завершить ее через три года. Генподрядчиком выступала СК «Оникс», зарегистрированная в Доме металлургов на Славянской площади, где находился офис «РИГрупп». Впоследствии ее сменило ООО «Стройбизнесновация», прописанное по тому же адресу. Поскольку опыта и, вероятно, возможностей для возведения такого объекта у компаний не было, они наняли проверенного подрядчика – австрийскую компанию «Strabag», которая тогда же занималась реконструкцией гостиницы «Москва».

Сумма контракта составляла 5 млрд рублей. Однако австрийцам заплатили только половину этих денег. Выходит, что часть выделенных МОИТК средств просто бесследно растворилась в недрах «РИГрупп».

Не дождавшись оплаты долга, Strabag подала в арбитражный суд Москвы иск к «Стройбизнесновации». Судья поддержал доводы строителей и постановил выплатить им 3,2 млрд рублей, но денег опять не поступило. С 2010 года австрийцы судятся уже с областным министерством имущественных отношений в подмосковном арбитраже. Предмет спора – недостроенные башни «Двух капитанов», которые Strabag хочет забрать себе в счет оплаты долга. Если суд встанет на сторону компании, то Подмосковье лишится объекта, на который через МОИТК потратило 9 млрд рублей.

Строительством спортивных объектов, которые так любил открывать губернатор, тоже занималась дочерняя структура «РИГрупп» под названием «Спецстрой-2».

Она выступала заказчиком и генподрядчиком строительства оздоровительных комплексов в разных райцентрах, а также реконструировала два десятка районных домов культуры. По некоторым данным, компания получила за труды не менее миллиарда долларов. Кроме того, она выпустила облигации на 2 млрд рублей под поручительство МОИТК, утяжелив и без того весомую кредитную историю «дочки» подмосковного правительства.

Подмосковный рэкет

Кажется, люди из «РИГрупп» успели наследить везде, где только можно. Чтобы увидеть еще одно свидетельство их эффективной работы, мне пришлось изрядно испачкать свои любимые ботинки.

Летом 2009 года я приехала в Сергиев Посад, чтобы с местным журналистом, который согласился мне помочь, осмотреть развалины империи, созданной Кузнецовым и его помощниками.

Один из районов города называется «Островок». Это довольно тихое зеленое место с сосновым лесом, раскинувшимся на берегах Вифанских прудов. Здесь стоят выдавшие виды кирпичные дома. Не трущобы, конечно, но и далеко не новостройки. Рядом с ними, прямо на берегу пруда когда-то было небольшое футбольное поле с деревянными воротами.

Оно и привлекло внимание «Объединенной строительной группы» – семейной девелоперской компании средней руки. К этому участку основатель группы Кирилл Лаврецкий стал присматриваться очень давно. Еще в 1997 году ему стало понятно, что нужно строить именно здесь, потому что Сергиев Посад был третьим по инвестиционной привлекательности подмосковным городом после Одинцова и Мытищ. Тут жило достаточное количество состоятельных людей. Кроме того, Троице-Сергиева лавра привлекала богатых паломников, которые теоретически могли бы купить тут себе коттедж.

Но ни одного коттеджного поселка или хотя бы элитного жилого комплекса в городе не имелось. Так родилась идея архитектурного ансамбля из одиннадцати домов, как будто каскадом спускающихся к водам Вифанских прудов. На крышах можно было бы построить патио с видом на речку и лес.

Для осуществления такого проекта небольшой компании нужен был инвестор. В поисках такового Лаврецкий однажды зашел в посадский филиал ИКМО. В нем тогда еще работало старое руководство. Всем было известно, что Владимир Мальцев дружит с Громовым, у компании есть ресурс, так что проблем со стройкой и ее финансированием возникнуть не должно.

Так ИКМО стало инвестором проекта. Работать строителям было нелегко. Жители соседних домов выказывали недовольство тем, что у них под окнами начнется стройка. Они устраивали пикеты, собирали подписи в защиту Островка.

Лаврецкий лично встречался с ними, обещал построить детский сад, которым смогут пользоваться все, провести освещение, очистить пруд от промышленных отходов. Местные власти уверяли жителей, что ни одно дерево при строительстве не пострадает: уже составлен дендроплан, где посчитана каждая сосна и каждый куст. Часть леса, конечно, отгородят, но доступ к воде у людей никто не отнимет. Для них оборудуют нормальный пляж с чистой водой, где можно будет купаться, говорили чиновники.

Но «островитяне» оставались непреклонны. «Если у спонсоров деньги есть, а я вижу, есть, и немалые, – наивно рассуждал активист Иван Лещенков, – то пусть они очистят пруды, благоустроят территорию и ничего не строят, а мы им скажем спасибо».

Через три года после этого собрания я встретила с Лещенковым. Седобородый старичок с добрыми лучистыми глазами, искренний и верующий человек. Ему очень не хотелось, чтобы любимый Островок изменился. В 2007 году он с другими защитниками природы пытался остановить строительную технику, которая должна была начать рыть котлованы на футбольном поле.

Они митинговали и устраивали молебны вокруг стройплощадки, а неподалеку даже поставили деревянный крест метра два высотой.

И вот прошло два года, и этот крест, как и вся местность в округе, зарос высоченной травой. Осока и крапива выше человеческого роста. Чтобы добраться до котлована, который некогда вырыла строительная группа, мне пришлось вслед за Лещенковым пролезть в дырку в заборе, а потом долго скакать по буеракам и пробираться по непроходимым зарослям.

Наконец мы у цели. На дне котлована я увидела только остатки арматуры. Никакой строительной техники на площадке. Стройка замерла. Кажется, навсегда. «Сначала мы пытались с ними бороться, под бульдозеры ложились, а потом подумали: как Бог даст, – умиротворенно улыбаясь, говорил мой проводник. – И Бог дал: у них кончились деньги».

На самом деле, причина не совсем в этом. Чтобы узнать, что же в действительности произошло, мне нужно было встретиться с хозяином строительной группы Кириллом Лаврецким.

Его офис располагался в неприметном здании в районе станции метро «Динамо». Вроде бы там прописан какой-то благотворительный фонд.

Позвонив в дверь, я сказала суровому охраннику, к кому иду, и услышала грохот захлопнувшейся за мной железной двери. «Ну, вот и попалась», – пронеслось в голове.

Кабинет хозяина тоже выглядел внушительно: сувенирное оружие на стенах, юбилейный значок ФСБ на столе. Помню, я еще обратила внимание на плетку, которая лежала рядом с креслом начальника, на тумбочке. Искренне надеюсь, что это просто забавный подарок от партнеров, а не инструмент мотивации подчиненных.

Сам хозяин кабинета – солидный мужчина средних лет. Говорил он с некоторой неохотой, но в то же время видно было, что у него наболело.

Он поведал, что проблемы у его компании начались не в связи с кризисом, а после смены руководства ИКМО в 2007 году. Как раз тогда Мальцева сменил молодой сотрудник «РИГрупп» Дмитрий Демидов.

С «Объединенной строительной группой» он провернул ту же схему, что и некогда его предшественники с девелопером Россихиным из Ступино. На строительство Лаврецкому выдали сначала небольшой аванс, но потом стали задерживать перечисление денег. Вскоре он оказался должен поставщикам и не мог продолжать строительство. Вот тут-то и началось самое интересное.

«Нет бы они сказали, что разрывают договор, – возмущался Лаврецкий. – Ведь обещали заплатить завтра-послезавтра, осознанно загоняя нас в интимное место».

Когда стало понятно, что стройка наглухо встала, Демидов пригласил Лаврецкого на беседу, но не к себе, а в офис «РИГрупп» на Славянской площади. Там ему прозрачно намекнули, что стоит отдать объект компании Жанны Буллок за долги по-хорошему, потому что у нее есть очень влиятельные покровители в администрации области.

По словам Лаврецкого, у «РИГрупп» в то время была довольно нехорошая репутация: если тебя пригласили в Дом металлурга – понятно, что будут отжимать объект. На уговоры отдать проект он не поддался. Во что ему обошлась эта принципиальность, он рассказывать не хотел. «На любую силу есть другая сила, – уходил он от ответа. – Мы отбились, а многие не отбились. Там очень много народа пострадало».

В конце концов Лаврецкому удалось отсудить объект у ненадежных инвесторов. Пока он искал новых партнеров, котлован в Сергиевом Посаде зарастал густой травой, а перспективы завершить проект становились все более туманными.

Главным виновником такой ситуации строитель считал нечистоплотного руководителя ИКМО Дмитрия Демидова. Лаврецкий говорил о нем, не скрывая досады. «Как можно относиться к молодому человеку, который на деловые переговоры приезжает в шортах и на “Ferrari”?» – натужно усмеялся он.

У главы ИКМО Демидова действительно наблюдалась странная любовь к дорогим машинам. К директору ступинской компании он приезжал на дорогом «Лексусе». Писали,

что во время его работы на благо Московской области в его гараже стояло двадцать дорогих иномарок, в том числе «Maybach», «Ferrari», «Porsche», «Lamborghini» и «Rolls-Royce». Зачем Демидову столько средств передвижения я понять так и не смогла. Решила называть это явление «автопарк-неделька»: неприлично же серьезному человеку каждый день на одной и той же машине ездить – нужно менять.

Думаю, до такого уровня «потребительской культуры» двадцатисемилетний молодой человек дошел не сам. У него перед глазами имелись яркие примеры из числа топ-менеджеров «РИГрупп» и чиновников подмосковного правительства, которые не скрывали, что живут красиво и очень богато. Многие бизнесмены, годами зарабатывающие себе состояние, могли бы позавидовать такому размаху и роскоши.

Глава пятая Красивая жизнь

Кукольный дом

Одетая в строгий деловой костюм ухоженная блондинка неспешно идет по террасе мимо ряда складных кресел, спускается по белой мраморной лестнице, разговаривая с кем-то по телефону. «От успеха зависит материальное благосостояние, а оно позволяет купить здесь землю», – говорит Жанна Буллок о своем поместье на Рублевке.

Документальный фильм немецкого режиссера Ирене Лангеманн о жизни рублевских обитателей снимался весной, когда вместо роз на участке Жанны виднелись одни колючки. Вот жена министра просит садовника дать ей секатор и собственноручно подрезает кусты под 45 градусов, как «учат умные книжки по садоводству».

Позади нее – двухэтажный дом, типичный рублевский новодел под старину. «Башенка», крыша с покрытием под черепицу, окошки разных размеров – от шестиугольных до арочных. Между флигелем и основным зданием – переход со сплошным зеркальным остеклением. Кажется, архитекторы искренне старались исполнить пожелание заказчиков и сделать «богато».

Я не эксперт по современному искусству, ничего не понимаю в новомодных картинах – могу только, как и все, кивать с умным видом, приговаривая «да-да, впечатляет». Возможно, поэтому мне непонятно, почему, имея в своем распоряжении столько денег, столько связей с архитекторами, Жанна могла терпеть на своем земельном участке это розовое нечто. Вы не поверите, но жилище министра финансов Московской области было покрашено розовой краской и напоминало домик Барби, изготовленный на одной из китайских фабрик.

Предполагался маленький Версаль. Лужайка с пихтами перед домом повторяла очертания знаменитых французских садов. В центре стоял небольшой фонтан, к нему сходились каменные дорожки, по краям которых были посажены кусты роз.

На внушительном по размерам участке стояло несколько берез, было место для пикников с еще не покрашенными после зимы шезлонгами. От посторонних глаз обитателей жилища скрывал трехметровый кирпичный забор.

Огромные заборы вообще в традициях Рублевки. Сразу видно, что здесь живут люди, которым есть что скрывать. И эти привычки они несут с собой повсюду. Строители коттеджей для состоятельных людей в индийском штате Гоа немало удивлялись, когда их просили соорудить забор высотой в два человеческих роста. Вообще там не принято строить ограды выше метра высотой – соседи могут пожаловаться властям. Но рублевские обитатели нашли выход из этой сложной ситуации: они стали селиться в Гоа коммунарами – когда вокруг все свои, жаловаться никто не пойдет.

Думаю, пройдет еще не один десяток лет, пока состоятельным людям с Рублевки станет нечего скрывать и они, подобно английским лордам или американским нефтяным магнатам, смогут наслаждаться покоем за жиденьким деревянным заборчиком, преодолеть который сможет даже ребенок.

Пока же это – странное место, где в своих неприступных жилищах прячутся от реальности успешные бизнесмены и чиновники. А рядом течет совсем другая жизнь. За высокими заборами можно встретить настоящих бомжей, которые побираются на элитных помойках. К такому контрасту все привыкли, и он никого вроде бы не смущает.

По крайней мере Жанна Буллок в том фильме не уставала нахваливать свое жилище. «Как-то случайно мы нашли это место, – ворковала она. – Стали пускать корни, развиваться, поскольку репутация Рублевки высока. Это было пристанище всех наших генсеков. Это безопасное место, охраняемое милицией, а с другой стороны, ничего не бывает просто так – мы нашли друг друга». Имеется в виду, вероятно, что «нашли друг друга» Жанна с Рублевкой...

Внутреннее убранство дома, розового снаружи и мраморного внутри, тоже поражало роскошью и излишеством. В холле вдоль белоснежной лестницы с коваными перилами висел десяток картин в широких золоченых рамках. Вот, цокая каблуками по белому мраморному полу, Жанна спускается вниз, проходит мимо белых колонн и люстр с канделябрами и садится завтракать в одно из таких же белых плетеных кресел. Рядом на диване лежит меховое манто, возле ног трется голубой британский кот. Позади нее – уютный зимний сад с небольшими деревцами.

За чашкой утреннего кофе Жанна говорит домработнице, что собирается отметить свой день рождения в Париже. Поскольку ее дочь Евгения тоже едет, то прислуге придется отправиться вместе с ними. Домработница не верит своему счастью: она еще никогда не была в Париже. Но для жены областного министра финансов эта поездка, похоже, – обычная рутина. Тем более, что по некоторым данным у нее в столице Франции квартира, купленная ею через ряд офшоров за 12 млн долларов.

За несколько лет в Подмосковье она уже привыкла к новому качеству жизни, роскоши, дорогим нарядам, знакомым, пользующимся известностью. Кажется, что именно так и устроена жизнь. Все люди вокруг живут именно так, ни в чем себе не отказывая.

Думаете, она брала пример с коллег Кузнецова по банковскому бизнесу? Не только и не столько. Подмосковные чиновники тоже весьма обеспеченные люди, у которых можно поучиться красивой жизни.

Богатые жены

Если верить декларациям о доходах ключевых областных министров, обнародованных в 2010 году, у каждого из них – земельный участок с домом, а также квартира, но это довольно скромный минимальный набор жизненных благ. У некоторых сотрудников областного правительства имущества куда больше.

У заместителя председателя правительства и министра транспорта Подмосковья Петра Кацыва, к примеру, два участка земли по гектару, два дома, две квартиры и гараж. У его супруги, которая, по некоторым данным, руководит муниципальным лицеем № 11 в Химках, – еще один участок, квартира, в также два дома площадью 330 и 1043 квадратных метра. За год она, скромный директор лицея, заработала 83 млн рублей, а ее муж – всего 2 миллиона. Примерно такой же была и официальная зарплата губернатора Громова.

К сожалению, декларации чиновники составляют так, что невозможно понять, что за дом такой на его имя записан. Может, всего лишь летний чайный домик, как у Лужкова в Калужской области. Там у бывшего мэра Москвы было сосредоточено все его имущество: деревянный дом, баня, пасека на 50 ульев, автомобильный прицеп для них собственной разработки да старый «ГАЗ» в гараже. Выглядит скромно и без изысков.

Имущество жены министра Кацыва явно более презентабельно: трудно представить себе деревянную дачу площадью за тысячу квадратных метров. Это может быть такой же «дворец Барби», в котором когда-то жила Жанна Буллок.

В собственности супруги губернатора Громова Фаины – тоже немаленький жилой дом площадью почти 700 квадратных метра и участок земли размером около гектара. Правда, официальные доходы ее намного скромнее – менее 200 000 рублей в год. В отличие от Жанны Буллок или Елены Батуриной, Фаина Громова никогда не была успешной бизнес-вумен при муже-чиновнике. В конце 1990-х Громова числилась среди совладельцев фирмы «Альфа Нефто-Сервис» – дочерней структуры компании «Нефто-Сервис», владевшей сетью подмосковных автозаправок. В 1997 году она, по данным единого госреестра юрлиц, открыла косметический салон «Виктория» на паях с Наной Анджапаридзе-Геловани. Но уже в 2004 году фирма была ликвидирована. С тех пор ни в каких бизнес-проектах семья губернатора замечена не была. Разве что в 2006 году депутат Госдумы от Одинцовского района Виктор Алкснис просил провести расследование по факту передачи правительством Московской области 46,55 га земли в подмосковном поселке Барвиха родственникам Фаины Громовой, но результатов этой проверки нет до сих пор.

«Понятно, когда вице-губернатор Московской области господин Пантелеев получает участок площадью семьдесят три сотки в Барвихе, – иронизировал депутат на заседании Думы, – поскольку, по Райкину, что охраняешь, то и имеешь. Но непонятно, какое отношение к этому имеет свекровь по первому браку Фаины Александровны Громовой, жены губернатора Московской области Громова, которая получила в собственность там же, в Барвихе, участок площадью 46,55 гектаров». По каким-то неизвестным причинам губернатор не стал оспаривать это утверждение в суде и требовать компенсацию за ущерб своей репутации.

По данным депутата, после оформления прав собственности участки были проданы за «миллионы долларов». Он просил думские комитеты по бюджету и по безопасности запросить у налоговой данные об этих сделках, но его никто не услышал.

Подмосковные небожители старались делать так, чтобы об их состоянии знало как можно меньше людей. Не знаю, какие мотивы двигали Жанной Буллок, когда она пустила в свой особняк и офис съемочную группу немецкого документального фильма про Рублевку, но вскоре она одумалась и поняла, что этого делать не стоило. У любого жителя любой

страны, который увидел бы этот фильм, мог возникнуть закономерный вопрос: за чей счет банкет?

По некоторым данным, сотрудники «РИГрупп» сделали все возможное, чтобы фильм с Жанной Буллок никогда не увидели бы по крайней мере в России.

На связь с продюсером фильма Вольфгангом Бергманном якобы вышел директор ООО «РИГрупп» Александр Есин, который предложил продать ему права на прокат этого фильма за 50 000 евро.

После этой сделки фильм можно было показывать только с его разрешения, которое оказалось очень непросто получить. По крайней мере, прокатная и фестивальная судьба картины не сложилась.

Предметы искусства

Вообще, Буллок, Кузнецов и их товарищи были известными меценатами в мире искусства. Должно быть, для них это оказалось и данью моде, и способом наладить неформальные отношения с бизнесменами, которые тоже не чужды прекрасному.

Кроме того, любой человек, получив богатство, вскоре задумывается о том, что хорошо бы на эти деньги поднять свой социальный статус. Если раньше для этого нужно было посещать балы и знать правила хорошего тона, то теперь желательно ходить на аукционы и покупать предметы искусства.

За несколько лет, пока Алексей Кузнецов управлял финансами Подмосковья, его супруга стала настоящим экспертом на российском рынке современного искусства. В своих интервью она любила рассуждать о том, как новые богатые люди начинают доминировать на аукционах, их вкусы отличаются от тех, кто собирал шедевры годами, из-за чего картины современных художников стоят все дороже.

«Кроме того, современное искусство и то, что его окружает, модно само по себе, – говорила Жанна в интервью Forbes. – Это такая социальная вещь: ты в тусовке, тебя всюду приглашают, о тебе упоминают».

Благодаря такой расчетливой любви к искусству Жанне Буллок удалось прославиться как филантропу и ценителю прекрасного. Для этого пришлось немало потрудиться.

Ее компания арендовала площади в культурном центре «Винзавод» и стала проводить в галерее «RIGroup» всевозможные выставки и перформансы.

Кроме того, она устраивала выставки российского современного искусства в Майами в рамках ярмарки «Art Basel Miami Beach».

Это подразделение известной базельской ярмарки, отличающееся тем, что здесь галереи представляют свой товар прямо на пляже. Среди покупателей частенько можно встретить звезд Голливуда. На открытии выступают рок-идолы вроде Ленни Кравица или Игги Попа.

Работы российских молодых художников не пользовались тогда особой популярностью на Западе. Тамашние коллекционеры предпочитали либо проверенные русские имена, либо китайскую или индийскую экзотику.

Жанна Буллок поставила себе амбициозную задачу популяризировать российское искусство в Майами.

Несколько лет она вывозила туда работы наших художников. К тому времени Жанна уже успела прослушать курс лекций по современному искусству в институте при лондонском аукционном доме «Sotheby's». А в 2007 году она вошла в попечительский совет Фонда Соломона Гуггенхайма, открывшего несколько музеев по всему миру.

Русские выставки Жанны Буллок проходили в том же месте, где фестиваль дизайна. В этом районе Майами собиралась самая гламурная публика: звезды присматривали себе новые вечерние наряды на церемонию Оскара, а заодно знакомились и с русским искусством, а также с меценатом Буллок, которая его и привезла. Неплохая пиар-акция для женщины, которую американская пресса до этого знала только по скандалу с «Bank of New York».

На вернисаж Жанны в Майами заходил и ныне покойный американский актер и режиссер Деннис Хоппер. Дело в том, что за полгода до этого «РИГрупп» спонсировала ретроспективу его фотографий в России. Выставка прославленного артиста, сыгравшего около двухсот ролей, в том числе в фильмах Фрэнсиса Форда Копполы, Вима Вендерса и Дэвида Линча, организованная совместно с фондом Гуггенхайма и Эрмитажем, должна была поднять Жанну Буллок на недостижимую высоту. Даже подруга Романа Абрамовича Дарья

Жукова, открывшая в 2008 году выставочный центр «Гараж» в Москве, не могла похвастаться такой представительной компанией.

Свой поселок Павловская слобода Буллок тоже превратила в выставочную площадку. К оформлению домов она привлекла самых модных европейских дизайнеров интерьеров – братьев Кампана, Нину Кэмпбелл и Арне Куинза. Мероприятие под названием «Russian Design Show» было призвано помочь продажам коттеджей.

Кроме того, Буллок поддерживала российских деятелей искусства. Она входила в попечительский совет премии Кандинского.

Вместе с Жанной искусством увлекался и ее муж. Возможно, именно он заразил ее тягой к прекрасному. Он занимался коллекционированием более двадцати лет. В его собрании насчитывалось свыше 4000 раритетов, включая редкие книги и картины.

Заместитель министра финансов Валерий Носов тоже не отставал. Его «Артмедиа Групп» владела несколькими специализированными журналами, а также порталом Openspace, который следил за жизнью российской и мировой художественной богемы. Пока Носов числился на госслужбе этим проектом занималась его жена Ирина. Однако он сам был частым гостем на всевозможных бьеннале и выставках. В 2007 году его компания организовала в Москве предпоказ российских лотов, которые собирался продать лондонский аукционный дом «Sotheby's».

Зарубежные активы

Филантропия и коллекционирование предметов искусства стали модным трендом среди состоятельных россиян, равно как и посещение дорогих горнолыжных курортов. Не желая ни в чем уступать олигархам, а также надеясь заработать на знакомстве с некоторыми из них, в 2007 году компания Жанны Буллок купила две гостиницы в Куршевеле.

«Alpes Hotel Du Pralong» и «Crystal» могли обойтись ей примерно в 50 млн евро. В первой пятьдесят два номера, во второй – на один меньше. Предполагалось, что это только начало, и скоро у «РИГрупп» появится целая сеть из тридцати отелей на фешенебельных курортах.

Четырехзвездочный «Pralong» планировалось несколько перестроить: добавить двенадцать апартаментов и четыре двухуровневых пентхауса для продажи страстным поклонникам Куршевеля. Стоимость ремонта оценивалась еще в 27 млн долларов.

Но это для бизнеса, а для души Жанна Буллок приобрела несколько домов в Сан-Тропе, Лондоне и Нью-Йорке. Каждый из них обошелся ей в несколько десятков миллионов долларов.

Кроме того, в 2007 году на одну из ее офшорных компаний была зарегистрирована пятидесятиметровая яхта. Раньше она называлась скромно – «Teddy», но Жанна решила дать ей более звучное имя – «Tzarina», то есть царица. На яхте, сошедшей с голландской верфи «Amels» десять лет назад, шесть кают для команды и шесть для гостей. Последние новая хозяйка тоже решила оформить «богато».

По ее заказу дизайнер Майкл Льюис из итальянской студии «Alhadeff» превратил каюты яхты в нечто футуристическое.

Для оформления интерьеров дизайнеры выбрали серые и голубые тона. Благодаря их стараниям, вместо привычных люстр на потолке появились световые пятна, похожие на капли воды, а в кают-компани – причудливо изогнутые стулья и столы. Судя по эскизам, изнутри яхта должна была стать похожа на космический корабль будущего.

Эта яхта стоила 15 млн долларов. Позже компания ОРСИ, которая занималась долгами «РИГрупп», заявила, что эти деньги были выведены из Ипотечной корпорации Московской области, которая как раз тогда размещала облигации.

Свадьба в Архангельском

Из каких источников семья Кузнецова-Буллок оплачивала свадьбу старшей дочери Жанны, неизвестно. Говорят, что свадебная вечеринка обошлась родителям невесты в 5 млн долларов.

И действительно, свадьба Зои Буллок и Тоусона Реммеля, сына американского сенатора Хармонда Реммеля, который возглавляет нью-йоркскую банковскую группу «Prud Cashman», была обставлена помпезно – в лучших традициях американского кино.

Накануне церемонии, которая состоялась 28 июня 2008 года в усадьбе Архангельское под Москвой, будущие супруги провели репетицию в ресторане отеля «Националь» напротив Кремля. Несмотря на технический характер мероприятия, все были одеты в вечерние платья и костюмы. Пока жених и невеста репетировали свадебный танец, Жанна Буллок стояла у окна рядом со своим мужем Алексеем Кузнецовым и о чем-то тихо беседовала с ним.

Возможно, они говорили о том, что над группой подконтрольных им компаний сгущаются тучи и вскоре разразится настоящая буря, которая от их империи камня на камне не оставит.

Но нельзя же из-за опасений отменять церемонию свадьбы дочери, которую Жанна так тщательно планировала. Одних только цветов из Англии заказали десятки тысяч. Три фуры с растительностью немало удивили российских таможенников, но ведь без них нельзя.

Тема цветов стала основной для церемонии. Вот невеста в шикарном дизайнерском платье выходит из белого роллс-ройса, Алексей Кузнецов берет приемную дочь под руку и ведет по усыпанной цветками ромашек дорожке к зданию музея-усадьбы.

Все как в финале трогательных голливудских фильмов. Шлейф платья невесты несет маленькая девочка в розовом атласном платье. В зале их встречают еще десяток детей с цветами в корзинах, которые посыпают путь невесты лепестками.

В окружении сотен букетов на глазах пораженных роскошью гостей счастливые молодожены танцуют, а потом начинают принимать поздравления и раздавать подарки. По западной традиции, в тот вечер именно молодожены одаривали гостей небольшими памятными сувенирами.

Среди двухсот пятидесяти приглашенных на свадьбу было немало известных персонажей. Знающая толк в светских премудростях Жанна рассадил их на время приема так, чтобы, с одной стороны, никто не скучал, а с другой – не чувствовал себя ущемленным или обиженным недостаточно статусной компанией. Все столы на банкете также носили названия цветов. За столом «Ромашка» сидел министр финансов Кузнецов с Жанной Буллок, сенатор от Подмосковья Игорь Брынцалов, депутат Мособлдумы Вадим Андронов, губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин – все с супругами.

За стол «Василек» посадили тогдашнего директора МОИТК Владислава Телепнева, руководителей «дочек» «РИГрупп» компаний «Росвеб» и «Росвеб-Офис» Андрея Варфоломеева и Артема Васильева с супругами. За столом «Нарцисс» среди прочих оказались директор Московского дома фотографии Ольга Свиблова, которая делала с Буллок несколько арт-проектов, и министр внешнеэкономических связей Подмосковья Тигран Караханов, описанный в книге главы российского представительства ИКЕА Леннарта Дальгрена, а также директор «РИГрупп» Александр Есин. За столом «Незабудка» можно было обнаружить вице-президента Банка Москвы Дмитрия Акулинина и бывшего директора МТС Василия Сидорова.

На вечеринку также пригласили главу Серпухово Павла Жданова, который помогал Жанне Буллок строить бизнес-центр «Плаза». Здесь же был директор ИКМО Дмитрий Демидов и верный соратник Кузнецова Валерий Носов. «Культурный фон» на мероприятии созда-

вали дизайнер Игорь Чапурин, художник Сергей Бугаев по прозвищу Африка, а также некто Майкл Льюис (думаю, это все же был оформлявший яхту Жанны дизайнер, а не известный писатель и автор книг о финансовых махинациях на Уолл-стрит, хотя ему бы тут было на что посмотреть).

Примечательно, что среди приглашенных на свадьбу было не так много чиновников из подмосковной администрации. Даже не знаю, в чем тут дело. Быть может, отношения со многими из них у Кузнецова и Буллок были исключительно рабочие, а то и вовсе напряженно-враждебными. А может, родители невесты не сочли их достаточно гламурными для такого мероприятия.

Во время ужина гостей развлекали музыканты, изысканные блюда сменяли друг друга. Счастье новобрачных и их родителей, казалось, ничто не сможет омрачить.

Но не тут-то было. Через месяц администрация Московской области сообщила, что министр финансов Кузнецов попросил освободить его от занимаемой должности «по семейным обстоятельствам». Вскоре стало понятно, что он уехал за границу, чтобы избежать возможного ареста по подозрению в финансовых махинациях и мошенничестве. В отношении менеджеров «РИГрупп», некогда недостижимых для правосудия, тоже завели уголовные дела.

Сотрудники компании еще несколько месяцев продолжали делать вид, что все хорошо, но чем больше проходило времени, тем яснее становился масштаб надвигающейся катастрофы – тем более, что с 2007 года бушует финансовый кризис. Это чувствовал Кузнецов, но остальные чиновники как будто предпочитали не замечать непомерного долга региона.

Министр финансов успел сбежать в самый ответственный момент, а разобраться с тем, что он натворил, оказалось некому. Казалось, области не спастись от банкротства. Для губернатора Громова это стало бы позорным концом его долгой карьеры.

Глава шестая Крушение надежд

Долговой ком

Кузнецов и Буллок исчезли из страны так же внезапно, как и появились. Казалось, вот только что отгремела пышная свадьба Зои Буллок, еще не все гости успели прийти в себя, сотрудники усадьбы Архангельское выбросили еще не все завядшие цветы, а о министре финансов уже ничего не слышно.

Шаткое положение региона беспокоило инвесторов и раньше. Особенно нервничали те, кто купил себе долговых ценных бумаг подмосковных «дочек». Им было очевидно, что долговой кризис, начавшийся за океаном более полугода назад, вот-вот докатится и до России. Начнется настоящая буря, в которой смогут выжить лишь сильнейшие. А Московскую область отнести к таковым нельзя. Напротив, она полностью зависит от своих кредиторов.

И вот в середине лета среди банкиров поползли слухи, что главный архитектор подмосковной долговой пирамиды Алексей Кузнецов сбежал за границу.

О его отставке «по семейным обстоятельствам» стало известно за несколько дней до аукциона по размещению восьмого выпуска облигаций Московской области. Регион планировал занять еще 19 млрд рублей.

«Банкиры, подписавшиеся на выкуп этих бумаг, сразу поняли, что ситуация в области критическая, раз министр ушел всего за несколько дней до аукциона, – рассказывал представитель одного из банков, входивших в список со-организаторов того выпуска. – В шоке были и в самой «РИГрупп», даже для них отставка Кузнецова стала неожиданной. Все звонили друг другу и пытались убедить себя, что слух про Кузнецова всего лишь слух».

После отставки найти покупателей на долги Подмосковья стало очень нелегко – среди банкиров не нашлось желающих рискнуть парой миллионов долларов. Тем более, что риск правда велик: областное министерство финансов оказалось обезглавленным. В отсутствие главного банкира области его обязанности первое время выполнял его заместитель Валерий Носов. Но мог ли он гарантировать покупателям подмосковных ценных бумаг, что оставшиеся у власти генералы и полковники не поступят с кредиторами, как некогда с «Гута-банком»?

Многие кредиторы отказались покупать облигации. Чтобы хоть как-то сбить их с рук, эмитенту, то есть подмосковному правительству, пришлось пойти на дополнительную премию по доходности.

«Рыночная ситуация и так уже была непростая в июне 2008 года, – вспоминал руководитель департамента по операциям с долговыми инструментами «Уралсиб Кэпитал» Борис Гинзбург, – а слухи об уходе Кузнецова только прибавили негатива». Организатор размещения «РИГрупп» усугубила ситуацию, решив продать бумаги двумя траншами: 10 млрд рублей. В середине июня и оставшиеся 9 млрд рублей в начале августа. «В результате второй транш бумаг обошелся области на 1,5% дороже, чем бумаги, размещенные в июне», – говорил Гинзбург.

Но это только цветочки. В дочерних компаниях Московской области уже начались проблемы. Директор ИКМО Дмитрий Демидов больше не излучал уверенность, как раньше. Казалось, даже дорогие машины не способны вернуть ему былой лоск.

Расплачиваться с подрядчиками, ведущими строительство домов, становилось все труднее. ИКМО задерживала платежи на месяц или два. Темпы строительства амбициоз-

ных проектов, а также обычных жилых домов, заселения в которые ждали сотни дольщиков, резко упали.

Причина в том, что ИКМО должна была ежеквартально выплачивать купоны держателям облигаций.

«Когда подходило 25-е число, Демидов носился как угорелый, чтобы набрать эту сумму и выплатить, – рассказывали мне строители. – Из-за этого он задерживал платежи генподрядчикам».

Стоит отметить, что часть размещенных облигаций подмосковных «дочек» выкупала сама «РИГрупп», чтобы потом использовать их для межбанковских сделок РЕПО. Она продавала их другим банкам с обязательством выкупить обратно через день. На стремительно падающем рынке такие операции стали довольно рискованными.

Говорят, что часть полученных от размещения облигаций денег Демидов размещал на фондовом рынке. До начала кризиса это позволяло выручить дополнительные деньги, но когда акции стали падать, это поставило под угрозу существование корпорации.

Теперь, когда приходил срок платить кредиторам, он отчаянно искал деньги, где только можно. Задерживал зарплаты сотрудникам, не платил строителям.

Найдя деньги, гасил первоочередные долги – за электичество, за телефон, расплачивался с самыми приближенными подрядчиками. Однако долговой ком нарастал. Он уже не мог управлять этими финансовыми потоками.

Как раз тогда, в середине 2008 года, сотрудникам компаний, которые занимались подсчетами кредитных рейтингов Московской области и ее «дочек», впервые стал звонить Валерий Носов. Раньше он, как и все чиновники, общался с ними через приемную, изредка приглашал на чай и устраивал презентации будущих проектов. Теперь все изменилось: он звонил людям из рейтинговых агентств на мобильный и рассказывал, что ситуация под контролем. Да, долг области большой, но он справится. Это знак, что дела идут совсем плохо.

Впрочем, вскоре и он ушел в отставку, оставив областных чиновников разбираться с миллиардными долгами, а сам занялся проектами в области современного искусства.

Трудная осень

Начиналась осень 2008 года, а вместе с ней и кризис российской экономики. Первый удар пришелся на банковскую систему, а также на самую закредитованную строительную отрасль.

Подмосковная пирамида получила удар с двух сторон: дочерние компании областного правительства не справлялись с огромной долговой нагрузкой, а «Московский залоговый банк» (МЗБ), через который шло большинство операций подмосковных финансистов, стремительно шел ко дну. МЗБ, как и «РИГрупп», являлся активным участником рынка операций РЕПО, занимался другими рискованными операциями. Доверия к банку с каждым днем становилось все меньше – люди стали снимать деньги со своих счетов. Чтобы как-то справиться с ситуацией, банк даже ввел беспрецедентную двадцатипроцентную комиссию за досрочное снятие денег с депозитов для физических лиц. Тем не менее убытки от потерь на фондовом рынке банк покрыть не смог: по некоторым данным, «дыра» в его балансе составляла 12 млрд рублей.

Из-за того что банк не мог расплачиваться со своими вкладчиками, в нем «зависло» около 8 млрд рублей. Бюджетных денег московской области, а также 1,5 млрд рублей «внушки» по имени «Энергоцентр». Эти деньги могли бы пойти на выплату долгов кредиторам. Но, похоже, «достать» их из банка оказалось уже невозможно.

В то время государственное «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ) активно помогало оказавшимся в трудной ситуации банкам. Чиновникам было понятно, что тонущие финансовые структуры способны потянуть за собой всю российскую экономику.

В ноябре к АСВ обратились представители залогового банка и попросили о помощи. Сотрудники агентства сели изучать их балансы, но уже через час стало понятно, что сделка слишком невыгодна. Отказываясь спасать МЗБ, чиновники рисковали немногим. По сути, это был карманный банк Московской области. У него не имелось крупных проектов в других регионах, важных клиентов и вкладчиков – только несколько дочерних компаний Подмосковья, которые и без того запутались в долгах и скоро пойдут ко дну. А в том, что это произойдет, тогда уже мало кто сомневался.

Оставшись без руководителей, марионеточные директора дочерних компаний, не знали, куда бежать от кредиторов. Вскоре этими людьми заинтересовались и компетентные органы.

Первые посадки

Формальный повод к началу расследования милиции дал сам директор ИКМО Дмитрий Демидов. В сентябре он, вероятно, испугавшись проблем и ответственности, написал заявление на главу компании «РИГрупп-Финанс» Людмилу Бездель.

Почему именно на нее? Людям, близким к «РИГрупп», известно, что она являлась просто бухгалтером с правом подписи, свадебным генералом, а реальные решения в компании принимал ее управляющий директор Михаил Васильев. Он вел переговоры с контрагентами и инвесторами, принимал стратегические решения и воплощал замыслы Кузнецова и Буллока. Сам он об этом периоде своей жизни говорить отказывался, оправдывая это тем, что ничего уже не помнит о той деятельности.

Он и Бездель давно знали, что дела в «РИГрупп-Финанс» идут очень плохо. Уже в декабре 2007 года они за один день уволили семьдесят из ста работников компании. «Правда, расстались с нами достойно – выплатили положенные при сокращении два оклада», – вспоминала одна из сотрудниц. Компания продолжала существовать, помогая размещать облигационные займы Московской области.

Но этим она не ограничивалась. В июне 2008 года Бездель заключила с директором ИКМО Демидовым договор оказания агентских услуг по продаже корпорации ООО «Лэрэн». Этой компании принадлежали права на строительство жилого комплекса в подмосковном Клину. Компанию оценили в один миллиард рублей. Громадная сумма для такого рода проектов, но это еще не все. Прав аренды на участок под застройку у «Лэрэна» не было. Все, что имела компания, – это инвестконтракт на строительство от 2002 года.

Обычно подобного рода документы руководители районов, городов и областей подписывают пачками. Часто это всего лишь протокол о намерениях: компания обязуется построить здесь завод, а тут – детский сад. При этом основной пакет документов, включая право на землю и согласования проекта, делается позже, если делается вообще.

Зимой 2010 года новый мэр столицы Сергей Собянин искренне удивлялся, откуда в Москве так много инвестконтрактов, работы по которым за несколько лет не сдвинулись с мертвой точки. Он обещал пересмотреть их, возможно, часть из них продлевать вообще нецелесообразно.

То есть в собственности продаваемой за миллиард компании были лишь туманные обещания. Почему же ИКМО проявила такую щедрость? В этом деле есть важная деталь: «Лэрэн» был прописан в том же здании на Славянской площади, что и «РИГрупп». Судя по всему, эта покупка – завуалированная форма спонсирования почти что из областного бюджета компании, подконтрольной жене министра финансов.

Лишившись былых покровителей, Демидов понял, что этой сделкой может подписать самому себе приговор, а потому решил превентивно пожаловаться на Бездель в милицию. В своем заявлении он написал, что руководитель «РИГрупп-Финанс» обманула его, заявив, что сможет добиться права аренды на земельный участок под застройку. Но мало того, что она не выполнила обещание, так еще и перевела указанную в договоре сумму сделки, миллиард рублей, на сторонние банковские счета. Казалось бы, Демидов снял с себя всю ответственность за эту операцию.

Но тут произошло неожиданное. Следователи, внимательно изучив материалы, увидели странность сделки, ее явно завышенную стоимость. Они заподозрили в мошенничестве не только Бездель, но и самого Демидова. В СИЗО отправились оба.

Думаю, никто из молодых специалистов «РИГрупп» и дочерних компаний Московской области такого не ожидал. Да, они совершали неоднозначные сделки и подписывали странные бумаги, но ведь решения принимали не они. Сидя в новой дорожной иномарке, Демидов,

казалось, мог быть уверен, что его хата с краю. На вершине пирамиды находился явно не он. В случае чего, легко можно было сказать, что это было всего лишь исполнение воли Кузнецова.

Но от бывшего начальника давно уже нет вестей, а кто-то ведь должен ответить за все. Козлами отпущения были назначены марионеточные директора компаний, которые надеялись потихоньку уйти в тень, когда в воздухе запахнет жареным. Они просто не успели сбегать. Понадеялись, что их не тронут.

Но кого, если не их? Вряд ли губернатор Громов дал бы в обиду кого-то из своих друзей-министров, входивших в советы директоров дочерних компаний Московской области. Это люди, прошедшие с губернатором огонь и воду, а о том, кто такой двадцатисемилетний Дмитрий Демидов, Громов, наверное, и знать не знал.

Вскоре после бегства министра финансов и его супруги проблемы начались и у «РИГрупп». Министерство природных ресурсов поручило Росприроднадзору проверить, насколько законно она получала участки под строительство и не нарушала ли на них природоохранное законодательство. Тогда же компанией Жанны Буллок заинтересовалось МВД и другие правоохранительные органы.

В конце лета 2008 года заместитель прокурора Сергиева Посада попросил местного предпринимателя Юлию Белякину написать жалобу на одну из «дочек» «РИГрупп». Еще недавно бизнесменов, выгнанных из нового торгового комплекса, убеждали не конфликтовать с построившей его женой министра финансов. И вдруг все изменилось: прокуратура, казалось, искала повод, чтобы завести на нее еще одно уголовное дело.

Круг подозреваемых месяц за месяцем все расширялся, равно как и число компетентных органов, занятых изучением ситуации. В конце 2008 года к расследованию махинаций в Подмосковье подключился уже Следственный комитет при Прокуратуре России.

Он возбудил уголовное дело в отношении ровесника Демидова Владислава Телепнева, экс-директора МОИТК. Его также обвиняли в мошенничестве. По версии следствия, он в течение нескольких лет воровал деньги из областного бюджета.

Источники в правоохранительных органах говорили, что Телепнев делал это в 2006–2008 годах совместно с «неустановленными лицами». «Мошенники искусственно создавали “задолженности” Мособлправительства по ЖКХ перед различными структурами Подмосковья, – говорили правоохранители. – На погашение таких “долгов” выделялись колоссальные средства из бюджета. Объем хищений еще даже не подсчитан, но это будет очень крупная сумма».

Позже следователи выяснили, что около 600 млн рублей, выделенных из областного бюджета на нужды ЖКХ Пушкинского района, были выведены через фирмы-однодневки в офшоры. Аналогичные схемы работали примерно в десятке районов: Шатурском, Клинском, Коломенском, Ногинском, Чеховском, Химкинском и др. Общая сумма выведенных средств, по данным следствия, составила более 3 млрд рублей.

Деньги якобы выводились одинаково. Муниципальные унитарные предприятия в сфере ЖКХ декларировали фиктивную задолженность областного бюджета за якобы оказанные услуги. Право требования по этим долгам уступали фирмам-однодневкам, зарегистрированным при помощи паспортов бездомных, алкоголиков и заключенных. Потом бюджет отдавал фирмам-однодневкам несуществующие долги, которые уходили в офшоры.

МОИТК в этом случае проверяла акты выполненных работ и рапортовала, что все нормально. МОИТК с Телепневым во главе подписывала акты выполненных МУПами работ по ремонту жилых домов и котельных. Делала она это потому, что вообще занималась строительством и реконструкцией областных объектов. После этого счета за ремонт, которого, по версии следствия, не было, предлагалось оплатить из бюджета. За это Владислав Телепнев в конце 2008 года и отправился в СИЗО.

По словам его адвокатов, первоначально ему инкриминировали, что он путем фабрикации актов сверки выдумал несуществующие задолженности между предприятиями ЖКХ и МУПами. Однако после выяснилось, что долги были реальными, но деньги выводились из областного бюджета незаконно.

Телепнев, сидя в СИЗО, свою вину отрицал и отказывался давать показания против самого себя. Его защитники настаивали, что он действовал по поручению подмосковного правительства и Минфина, «выполняя социально значимые задачи в интересах области».

И снова парадокс: вместе с Телепневым не привлекли ни одного чиновника. Кузнецов скрылся за границей, и обвинения ему никто предъявлять не спешил. Но у Московской области есть, к примеру, еще и главное контрольное управление, которое почему-то не обратило внимания на подозрительные операции. Впрочем, им руководил давний соратник губернатора Виктор Шилин – его вряд ли стоило беспокоить.

По некоторым данным, в схеме привлечения средств на нужды ЖКХ были задействованы и банки. К примеру, следствие обратило внимание на банк ВТБ24, который финансировал подмосковных коммунальщиков под гарантии областного правительства. Были подозрения, что эти сделки были фиктивными, и деньги вообще не покидали банка, а все расчеты происходили только на бумаге. Банк кредитовал предприятия ЖКХ, а потом получал деньги из бюджета.

Возможно, некоторый свет на эту историю мог бы пролить глава управления по работе с крупными клиентами ВТБ Олег Жуковский.

В декабре 2007 года его припорошенное снегом тело было найдено возле собственного дома в элитном и строго охраняемом поселке Лесная Опушка Одинцовского района Подмосковья. Банкир лежал на дне пустого бассейна во дворе своего особняка со связанными руками и ногами. Расследование идет. Есть три версии – сердечный приступ, утопление, самоубийство. В доме следователи нашли якобы предсмертную записку. В ней Жуковский прощался с близкими и коллегами, писал, что «очень устал от жизни» и просит в своей смерти никого не винить.

«За двадцать лет работы в розыске я впервые сталкиваюсь с таким экзотическим способом самоубийства, – говорил один из оперативников репортерам газеты “Коммерсантъ”. – Связать себе руки без посторонней помощи задача не простая, он же не фокусник Гарри Гудини».

Некоторые свидетели по делу Телепнева якобы говорили следователям о том, что Жуковский находился в курсе странных схем с кредитами подмосковных компаний ЖКХ. Правда, в самом банке заявляли, что ничего необычного в тех кредитах не было – банк исторически работал с разными регионами и предоставлял МУПам кредиты под гарантии местного правительства. Раскрыть убийство банкира не удалось до сих пор, равно как и завершить расследование по делу Телепнева.

Дело Демидова и Бездель, которым занималось ГУВД по Московской области, тоже повисло в воздухе. Впрочем, это неудивительно.

Метод Пантелеева

Зима в 2008 году началась поздно. 15 декабря осень все еще не желала ей уступить: снега практически не было, над «домом-громоотводом» в Мякининской пойме второй месяц висели тяжелые тучи – погода стояла нелетная. Но, несмотря на ненастье, у членов подмосковного правительства в тот день было приподнятое настроение. Подумать только, все получилось, как в старые добрые времена – банкиры остались с носом.

Именно в этот день Московская область должна была исполнить оферту перед кредиторами и выкупить у них третий выпуск облигаций «Московского областного ипотечного агентства» (МОИА) на 5 млрд рублей.

Естественно, денег у области в обрез, и отдавать их на оплату ошибок беглого министра финансов не хотелось.

Тогда, вероятно, решено было действовать по давно проверенному сценарию – через силовиков. Пока банкиры ждали своих денег, судья Одинцовского районного суда арестовала все три выпуска облигаций МОИА на общую сумму 9,5 млрд рублей, запретив любые сделки с ними, в том числе и выкуп по оферте.

Сделала она это по представлению следователей ГУВД по Московской области. Расследуя дело Демидова и Бездель, они обнаружили, что директор компании «РИГрупп-Финанс», выступавшей андеррайтером трех выпусков облигаций МОИА на 9,5 млрд рублей, украла все эти деньги. Но не одна, а «совместно с неустановленными лицами, аффилированными группой компаний РИГ». Якобы она ввела в заблуждение членов подмосковного правительства и депутатов Мособлдумы, которые решили предоставить оферту по выкупу части этих облигаций.

Арестовав бумаги, милиционеры и суд помогли областным чиновникам не платить по долгам. Почему они так поступили? Причина могла быть в том, что Громов, некогда работавший замминистра внутренних дел, сумел сохранить старые связи в органах. Задействовав эти связи, ему на время удалось избежать расплаты. Ведь если бы МОИА не исполнила эту оферту, пришлось бы объявить дефолт дочерней компании Московской области, а этого в подмосковном правительстве пока боялись.

Тем временем банкиры терпеливо ждали своих денег. Они звонили в «РИГрупп», размещавшую бумаги, спрашивали, когда им заплатят. Сбросить со своего баланса подозрительные активы собирались все держатели облигаций МОИА, так что обстановка установилась напряженная.

Оставшиеся в компании Жанны Буллок сотрудники уговаривали кредиторов потерпеть. В конце дня в «РИГрупп» сказали, что правительство области выполнит оферту завтра. Один день просрочки бывает – прощается, решили банкиры. Они согласились подождать, выставили свои заявки 16 декабря. Но было поздно – на сайте подмосковного правительства появился трогательный пресс-релиз.

В нем говорилось, что 15 декабря вице-губернатор Алексей Пантелеев провел совещание с областными министрами и работниками силовых ведомств. Участники «выразили благодарность сотрудникам правоохранительных органов, и прежде всего ГУВД по Московской области, за содействие и координацию усилий в деятельности по защите интересов регионального бюджета».

Банкиры также узнали, что в тот же день суд арестовал первые два выпуска облигаций МОИА, а третий был арестован еще 5 декабря (со времени наложения ареста как раз прошло десять дней, чтобы в момент оферты оно вступило в законную силу). Подмосковные чиновники говорили, что, разумеется, готовы исполнить свои обещания и заплатить банкирам, но не сейчас, ведь бумаги арестованы.

Директор инвестгруппы «Регион» Андрей Жуйков, также ожидавший выплаты оферты, был уверен, что чиновники знали, что делают. Организаторы выпуска облигаций, компетентные органы и суд молчали 15 декабря, а на следующий день получили благодарность от подмосковного правительства. Инвесторы было попробовали оспорить арест в суде, но ничего не вышло.

Этот случай действительно шокировал банковское сообщество. Все понимали, что в стране начался кризис, что многие чересчур закредитованные компании скоро пойдут ко дну. Но в тот момент не платили только заемщики второго и третьего сорта. «Когда не стала платить Московская область, было ощущение, что открывается какой-то ящик Пандоры, и после этого посыплется все подряд», – вспоминал Жуйков.

Ведь соблазн воспользоваться такой же схемой у должников достаточно велик. Стоит принести в депозитарий, где хранятся ценные бумаги, постановление какого-нибудь калмыцкого суда о том, что у бабушки украли одну облигацию, и из-за этого весь выпуск арестовывается – после этого можно никому ничего не платить.

Многие замечали, что представление ГУВД, по которому арестовали выпуск МОИА, было несколько абсурдным. С 2005 года область гордилась успехами своей ипотечной «дочки», которая рапортовала об увеличении темпов строительства, росте числа строящихся объектов. Под эти проекты привлекались все новые кредиты, а по логике следователей, ничего этого вообще не было – все деньги растащили «неустановленные лица».

Но деньги на счета строителей все же поступали, какие-то объекты возводились. Значит, говорить о том, что все 9,5 млрд рублей украдены аффилированными с «РИГрупп» людьми, – нарушение логики и здравого смысла. Впрочем, в тот момент людям, занимавшимся облигациями, было вовсе не до логических изысков и юридических тонкостей. Все и так очень запутанно. Подмосковные чиновники не знали, что делать, с оставшимся после Кузнецова наследством.

В доверительных беседах сотрудники МОИА сообщали банкирам, что деньги на оплату оферты были, но область почему-то не пошла на ее выкуп. В чем причина?

Возможно, дело в том, что тогда в правительстве возобладал несколько ретроградный подход. Чиновники, вероятно, решили, что они не ответственны за дела сбежавшего министра, поэтому и платить по счетам не стоит.

Когда Громова спросили о том, как он собирается вытаскивать область из долговой ямы, он как будто не понял вопроса и сказал, что проблем у области нет, только у некоторых ее дочерних структур. Иногда действительно трудно разобрать, когда подмосковные чиновники проявляют хитрость, а когда – наивность.

В декабре комиссия по финансовому оздоровлению региона с Алексеем Пантелеевым во главе предложила радикальный план по решению всех долговых проблем.

«Комиссия приняла решение рекомендовать ликвидировать ряд акционерных обществ, в частности, «Московскую областную трастовую корпорацию», а также региональные ипотечное агентство и ипотечную корпорацию в связи с тем, что в их деятельности были допущены серьезные финансово-экономические нарушения», – сообщало областное правительство.

Это было бы прекрасным выходом из ситуации, который можно охарактеризовать фразой «кому я должен, всем прощаю». Напомню, совокупный долг Московской области вместе с ее «дочками» превышал в то время 90% доходов ее бюджета. В обращении находились пять выпусков облигаций Московской области на 66 млрд рублей, ценные бумаги еще на 30,8 млрд рублей были у кредиторов подмосковных «дочек». По своим долгам регион продолжал платить, опасаясь банкротства, а вот обязательства дочерних компаний (без малого миллиард долларов) не грех и списать. Но не тут-то было.

Просто так отмахнуться от наследства «дочек» невозможно. Дело в том, что они работали не только с «банкирами-толстосумами», которых местные власти без особого ущерба для себя могли бы оставить с носом, но и с простыми жителями Подмосковья.

МОИТК, ИКМО и МОИА участвовали в финансировании строительства десятков жилых домов. Деньги на стройку также давали и дольщики, надеявшиеся вскоре переехать в новое жилье. Ликвидация дочерних компаний областного правительства стала бы для них крахом всех надежд. Тысячи обманутых дольщиков – это достаточно весомый аргумент, чтобы повременить с ликвидацией компаний.

Тем более что люди уже начали писать жалобы, куда только можно. В дом правительства Московской области потянулись вереницы просителей, надеявшихся на достройку своего жилья.

Дольщики дома ИКМО в Ступино, которых набралось 120 человек, тоже пытались ходить и жаловаться. «Доехать до правительства Московской области не проблема, – рассказывал мне один из жильцов. – Но дальше постового там не пропустят». Он занимался тем, что писал письма во все инстанции, верил, что достроить дом можно и нужно. Стоит продать оставшуюся часть квартир, и на вырученные деньги удастся завершить строительство, надеялся дольщик. Но сотрудники корпорации, с которыми он разговаривал, сетовали, что подмосковное правительство не велит им ничего продавать.

«Правительство – это серая масса, – сокрушался дольщик. – Они проводят совещание, принимают решение, абсолютно не обязательное ни для кого, потом присылают нам отписку: “мы провели совещание, ребята, мы будем помнить о вас вечно”». Основные претензии ступинские жители предъявляли именно областным чиновникам и губернатору. Районные власти были готовы дать ИКМО даже дополнительные стройплощадки, чтобы за счет реализации квартир там они смогли достроить этот злополучный дом. Но не было команды сверху, и дольщики продолжали писать письма и ходить по инстанциям.

И они не одиноки. В подмосковное правительство писали соинвесторы строительства дома в Долгопрудном. У них строительство было завершено еще в 2006 году, дом был даже сдан госкомиссии, но не подключен к инженерным сетям – судьба 441 квартиры зависла в воздухе.

«Мы крайне обеспокоены сообщением пресс-службы губернатора Московской области, согласно которому комиссия приняла решение о ликвидации МОИТК, 100% уставного капитала которого принадлежит Министерству имущественных отношений Московской области», – писали взволнованные дольщики Пантелееву.

Они напоминали ему слова премьера Путина о том, что, несмотря на кризис, действие государственных социальных программ не будет приостановлено.

Он придет и все исправит

Трудно сказать, то ли дольщикам удалось достучаться до чиновников, то ли кто-то другой сделал им строгое внушение. Но от идеи ликвидировать дочерние компании подмосковного правительства было решено отказаться. Пока.

Еще осенью 2008 года на должность директора МОИТК вместо находившегося в СИЗО Телепнева назначили опытного человека, Бориса Липкина. Некогда он был министром финансов Калмыкии, возглавлял долговой центр группы МДМ.

Он был настроен более оптимистично, чем подмосковные чиновники. Хотя поводов для радости у него имелось немного.

«Я пришел в МОИТК в октябре, – вспоминал он. – Ситуация была не печальная, а в какой-то мере даже смешная». У его компании было 74 млрд рублей коротких долгов, включая кредиты и облигационные займы, из которых примерно 40 млрд рублей нужно было заплатить до 31 декабря. Опытному финансисту понятно, что это нереально.

Он вместе с новым подмосковным министром финансов (Татьяной Крикуновой, которая при Кузнецове занималась «скучными» бюджетниками) ходил по банкирам и убеждал их подождать.

В случае банкротства компании кредиторы получают в среднем 18% от суммы долга. С МОИТК они рисковали вернуть еще меньше, так как большая часть ее активов – недостроенные дома культуры и стадионы.

С каждым кредитором пришлось садиться за стол переговоров, просчитывать план реструктуризации. У некоторых финансовое положение тоже было довольно шатким. Если не вернуть им хотя бы часть долга, они обанкротятся и потянут за собой МОИТК, потому как долги из нее начнет выбивать уже конкурсный управляющий.

Таким Липкин старался отдавать долги, других поставил в очередь. Правительство области было в курсе его отношений с кредиторами. «Контакты с чиновниками очень плотные, ничего не происходит без их ведома, – говорил он. – У них была идея банкротить все компании области. Технически это не так сложно. Но после этого все те, кто приходят ко мне сюда, пойдут туда, в Мякининскую пойму с теми же вопросами. Чиновникам это не надо».

Схема строительства разного рода объектов за счет заемных средств с последующей их передачей на баланс области работала, как часы, до 2008 года. Тогда МОИТК заложила множество социальных объектов. Теперь в распоряжении Липкина оказалось незавершенное строительство на 9 млрд рублей. Чтобы закончить эти объекты, нужно было вложить еще 10 млрд. Где их найти, непонятно.

«Объекты еще не закончены, банки кредиты не дают, у бюджета мы денег просить не можем, – жаловался Липкин. – Сейчас часть проектов заморожено, часть потихоньку достраивается, прежде всего жилье и объекты первостепенного значения». Он надеялся закончить объекты на высокой стадии готовности, в частности стадионы в Химках и Подольске.

Но у директора МОИТК имелась еще одна проблема. Основным подрядчиком его проектов была «РИГрупп», которая медленно, но верно шла ко дну и никаких долгов, похоже, возвращать не собиралась.

Второй этаж Дома металлургов на Славянской площади к тому времени опустел – ни белых занавесок с золотой бахромой, ни картин современных художников. У «РИГрупп» остались только долги. Причем МОИТК она должна была порядка 19 млрд рублей по разным инвестконтрактам и неисполненным договорам подряда.

Помимо этого шло расследование уголовного дела, связанного с деятельностью предыдущего директора МОИТК Телепнева. Липкина несколько раз вызывали на допросы в Следственный комитет, он давал разъяснения о деятельности компании, о ее долговой поли-

тике. «Строительство для нашей страны – традиционная тема», – говорил он. По его словам, в деле была масса эпизодов, связанных с хозяйственной деятельностью МОИТК. Липкин не очень понимал, куда клонят следователи, потому как их интересовало практически все.

Под управлением компании находилось около 150 проектов. Многие пришлось забирать у бывшего подрядчика «РИГрупп», не способного их реализовать. Большинство из этих объектов – социального значения. У МОИТК оставалось несколько недостроенных торговых и бизнес-центров, а также несколько проектов жилых микрорайонов в Серпухове, Долгопрудном, Щелково площадью по 200 000 квадратных метров. К счастью, большинство из них только на бумаге – гнев обманутых дольщиков строителям не грозил. «Те, которые уже на стадии площадки, мы стараемся заканчивать, там же люди, лучше не доводить их до греха», – говорил Липкин.

По его словам, изменить что-то в сложившейся системе взаимоотношений дочерних компаний, области, инвесторов и банков было уже очень трудно. Любое резкое движение кредиторы будут оспаривать в суде до последнего, надеясь получить с области хоть какие-то деньги.

Казалось, произошло то, чего так опасался губернатор: регион оказался в заложниках у банков.

Дефолт у ворот

Если на заре своей губернаторской карьеры Громов был вынужден разбираться с долгами «Гута-банку», которые были полуофициальными и выдавались под честное слово и хорошие отношения, то теперь у кредиторов на руках имелись заверенные всеми возможными финансовыми регуляторами публичные документы, вроде проспектов эмиссий облигаций дочерних компаний области.

В них прописывались не только объем выпуска и проценты, но также и обязанность предоставления публичной оферты на выкуп ценных бумаг со стороны Московской области. То есть в случае дефолта заплатить за все надо было из регионального бюджета.

Вероятно, именно поэтому три выпуска МОИА были так поспешно арестованы. Но из-за этой спешки банкирам было оставлено несколько лазеек, чтобы оспорить арест.

Держатели облигаций утверждали, что в день исполнения оферты 15 декабря милиция еще не успела арестовать их. Они нарочно совершили пару сделок, чтобы удостовериться. Если бы бумаги были арестованы, депозитарий эти сделки заблокировал бы.

То есть банкиры в тот день имели право получить деньги от подмосковного правительства, но так и не дождались их. По сути, произошел дефолт. Но чиновники не хотели признавать его – тогда банкиры пошли по судам.

В феврале на слушание кассационной жалобы в Мособлсуд, помимо адвокатов Демидова и Бездель, пришли и держатели облигаций МОИА.

Они просили признать недействительными постановления об аресте ценных бумаг. «Мы были добросовестными приобретателями этих облигаций, – говорил Жуйков из «Региона», – покупали их на рынке, не зная, что они являются объектом мошенничества». Суд оставил арест облигаций в силе, но репутации Московской области как честного кредитора был нанесен непоправимый ущерб.

Сразу после ареста выпусков облигаций МОИА рейтинговое агентство Standard&Poor's снизило долгосрочный кредитный рейтинг Московской области до уровня SD – это означает «выборочный дефолт». Его присваивают в том случае, когда участник долгового рынка не погасил долг по одному из выпусков своих облигаций, но при этом не отказывается выполнять остальные обязательства. Специалисты агентства не стали обращать внимания на заявления чиновников о том, что они все заплатят после снятия ареста, и расценили их действия как неспособность исполнить оферту по облигациям.

До кризиса многие регионы жили не по средствам. Больше всех занимало московское правительство. Бюджет главного города страны даже в лучшие времена оставался дефицитным.

Но финансовое положение столицы значительно лучше подмосковного, просто за счет того, что в нее стекались денежные потоки со всей России. Многие федеральные компании были зарегистрированы в Москве и платили тут налоги, поэтому город мог занимать миллиарды и тратить их на разные фантастические проекты, не опасаясь дефолта. У Подмосковья подобных возможностей нет.

Арест облигаций был неплохой возможностью не платить по счетам, но он не уберечь область от снижения кредитного рейтинга.

Газеты писали, что оно было связано не только с арестованным выпуском облигаций, но и с огромными кредитами дочерних компаний, выплату которых гарантировало подмосковное правительство.

Именно о них тогда вел переговоры Липкин. Он приходил в «Альфа-банк», «Банк Москвы» и «Уралсиб», просил банкиров еще немного подождать. Иногда они соглашались.

Что значило для Подмосковья снижение рейтинга до дефолтного? В первую очередь, что теперь мало кто захочет дать региону займы.

Чтобы избежать дальнейшего ухудшения своего рейтинга, подмосковные власти поступили просто – они перестали предоставлять рейтинговым агентствам какую-либо информацию о себе.

«В этом смысле подмосковные чиновники немного странноваты, – рассказывал мне сотрудник одного из рейтинговых агентств. – У них всегда была странная коммуникация, но не до такой степени». Весной, когда область должна была гасить долги по своим облигациям, чиновники из финансового крыла правительства перестали отвечать на его звонки и запросы.

Из-за недостатка информации, рейтинговые агентства приостановили кредитные рейтинги Подмосковья. Но это отнюдь не значило, что ситуация в регионе стала налаживаться.

Приближался срок выплаты купонного дохода по выпускам облигаций МОИТК на 3 млрд и 4 млрд рублей. Денег в компании на это не было.

Совместно с подмосковными чиновниками Липкин убедил банкиров обменять эти бумаги на обязательства Московской области. Не платить по ним область не могла. Если бы она это сделала, то стала бы первым в стране регионом-банкротом.

Это был бы позор, потому что даже самые бедные области с самыми экстравагантными руководителями во главе умудрялись жить по средствам. А тут один из самых перспективных и динамично развивающихся регионов с губернатором, который на хорошем счету и в Кремле, и Белом доме, вдруг стал банкротом.

Поскольку такого никогда не было в российской истории, то толком непонятно, что делать. В случае с компаниями обычно формируется комитет кредиторов, они выбирают конкурсного управляющего, который разбирается с оставшимися активами и пытается понять, что можно продать, чтобы покрыть долги.

Но как быть с регионом, главу которого назначает президент по определенному алгоритму?

В итоге деньги на погашение долгов МОИТК чиновники взяли у Минфина, который тоже был не заинтересован в банкротстве региона. То есть за спасение Московской области от долговой ямы заплатил каждый работающий россиянин.

Банки наносят ответный удар

В случае с рейтинговыми агентствами областные чиновники использовали свою излюбленную тактику: спрятали голову в песок и сделали вид, что все в порядке. Она сработала потому, что кредитный рейтинг – дело добровольное. Компании и регионы получают его, чтобы потом им было легче разговаривать с потенциальными кредиторами. Если у тебя хороший рейтинг от международного агентства, многие будут рады ссудить тебе денег. Но что делать, если рейтинг упал ниже плинтуса? Вообще от него отказаться.

Отмахнуться от кредиторов было сложнее. В арбитражном суде Москвы скопилась пара десятков исков от держателей облигаций МОИА, которые требовали вернуть им деньги.

Оказалось, что крупнейшим держателем этих ценных бумаг был Deutsche Bank (у него их было примерно на 3 млрд рублей). Часть из них он держал в интересах Goldman Sachs – это крупные международные финансовые структуры, располагающие связями в правительстве и Минфине.

«Сначала они пытались договариваться с Мособластью при помощи ВТБ, – рассказывал мне один знакомый банкир, – это ни к чему не привело, потому что у ВТБ там свой интерес. Потом они зашли в Минфин, на Ильинку, 9, поговорили с нужными людьми, объяснили, что если им не заплатят, то все будет очень нехорошо».

По его словам, у просителей было припасено несколько козырей в рукавах. Многие кредиты подмосковных «дочек» брались под реализацию нацпроектов, к примеру под строительство жилья для военных. Эти проекты курировали ключевые персонажи администрации президента и правительства. Так что у Минфина были веские основания, чтобы помочь области расплатиться и не допустить международного скандала с упоминанием известных фамилий.

«К нам действительно приходили иностранные банки, с которыми мы вместе обсуждали вопросы реструктуризации областного долга», – подтверждал замминистра финансов России Антон Силуанов. По его словам, это был один банк, у которого с правительством Московской области шел «давний диалог».

Этот банк предложил свой вариант реструктуризации ее долга, который для области показался тяжелым. «После того как к их переговорам подключились мы, удалось найти взаимоприемлемое решение, – говорил Силуанов. – Я не сомневаюсь, что они смогли бы договориться и без нашего участия, просто в тот момент мы случайно столкнулись и обсудили возможные варианты».

Когда в конфликт вмешался Минфин, подмосковные чиновники стали куда более сговорчивы. Они начали расплачиваться по долгам МОИА.

Схема была такая: на облигации третьего выпуска МОИА, по которому область предоставляла оферту, все еще был наложен арест, поэтому их держатели в индивидуальном порядке приходили в милицию и просили его снять со своих бумаг. Первым вернуть свои деньги удалось Deutsche Bank.

Откуда же они взялись у завязшего в долгах подмосковного правительства? Из федерального бюджета. Весной 2009 года область получила 6 млрд рублей бюджетного кредита, а также безвозмездную финансовую помощь. До кризиса ни один из регионов не мог рассчитывать на такое, но здесь, вероятно, в опасности оказалась репутация не только подмосковных чиновников – Минфину пришлось раскошелиться.

После истории с подмосковными дефолтами главное финансовое ведомство страны стало куда более осмотрительно. Теперь оно требует от регионов предоставлять консолидированный долговой срез, включая обязательства всех зависимых структур. По идее, это должно помочь не допустить повторения такой же ситуации впредь.

К концу лета 2009 года большую часть долгов подмосковных компаний удалось погасить или реструктуризировать. Суды принимали решения в пользу банков-кредиторов, а милиционеры, пусть и со скрипом, снимали арест с облигаций МОИА, принадлежащих «добросовестным приобретателям».

К тому моменту отношение чиновников к долговым обязательствам, оставленным бывшим министром финансов, изменилось. Если зимой они наотрез отказывались платить, то теперь начали разговаривать с инвесторами о реструктуризации долга.

Главный противник дочерних компаний Алексей Пантелеев летом 2009 года ушел в отставку. Ему подготовили приятную синекуру – место сенатора в Совете Федерации от Ненецкого автономного округа. Еще недавно его занимал основатель компании «Нортгаз» Фархад Ахмедов, но во время кризиса он решил вернуться к оперативному управлению своей газодобывающей компанией.

Глава МОИТК Липкин смотрел в будущее с оптимизмом. «Разветвленную систему дочерних компаний менять никто не собирается, – говорил он. – Это уже невозможно: слишком большие деньги прошли через нее, надо все это доосвоить».

Внезапное банкротство

Его офис тоже располагался неподалеку от Славянской площади, в Большом Черкасском переулке. В многоэтажном здании начала века сидело не меньше сотни сотрудников МОИТК. К кабинету Липкина пришлось по бесконечному лабиринту из коридоров и лестниц. На каждом этаже – десятки кабинетов. «Неужели эта трастовая компания действительно такая большая?» – думала я.

Накануне нашей встречи с директором МОИТК его помощница явно нервничала. Она все выпытывала, когда выйдет статья, говорила, что сейчас ничего еще не понятно и все может измениться в любой момент.

Если честно, я не очень понимала, к чему она клонит. Тогда уже было ясно, что кредиторы просто так не отступятся и что российский Минфин поможет области расплатиться с долгами. Мне казалось, что наладив отношения с банкирами и договорившись о реструктуризации долга, МОИТК сможет продолжать работать, потихоньку завершая многочисленные стройки.

«Надо будет закончить наши сто пятьдесят объектов по-любому, мы их никому передать не сможем, – подтверждал мои предположения Липкин. – С долгами их никто не захочет брать. Карфаген должен быть разрушен». Этот спокойный, но энергичный человек средних лет легко шел на контакт и был достаточно открыт в разговоре. Возможно, он представлял себя таким директором крупной американской корпорации в эпоху кризиса.

«Даже в Великую депрессию кризис был два года, – рассуждал он, – дальше что-то зашевелилось». И он прав – тогда в США со спонсируемого государством строительства дорог и социальных объектов начался экономический подъем. Тот факт, что в Подмосковье с этого же начался кризис, нисколько не смутил Липкина. Казалось, он искренне надеялся, что к 2012 году компания снова встанет на ноги и начнет занимать деньги.

Этим планам не суждено было сбыться. Через месяц после нашего жизнеутверждающего разговора я узнала о том, что МОИТК решили ликвидировать.

Дело было так. На заседании 12 августа правительство Московской области рассмотрело финансовое состояние трастовой компании и пришло к выводу, что ее целесообразно закрыть. На тот момент долги МОИТК составляли более 50 млрд рублей, из них 24 млрд она должна была банкам по кредитам, семь составляли облигационный займы и еще 19 – гарантии аффилированным компаниям. Исполнение обязательств компании по банковским кредитам, в свою очередь, гарантировало подмосковное правительство. Но ему удалось погасить только 1,5 млрд рублей: область с бюджетным дефицитом в 23 млрд рублей не могла справиться с таким бременем, несмотря на обещанную помощь Минфина.

Уже на следующий день чиновники создали ликвидационную комиссию во главе с замминистра финансов Алексеем Еремеевым, которая направила в суд заявление о банкротстве МОИТК. К чему такая поспешность? Быть может, чиновники испугались обещания Липкина «доосвоить» полученные трастовой компанией деньги?..

После начала ликвидации МОИТК испугались уже ее кредиторы, которые помнили, как подмосковные чиновники умеют отдавать долги. Через две недели после этой новости строительная компания «Октаэдр» тоже подала заявление на банкротство МОИТК, надеясь опередить подмосковное правительство и первой встать в очередь кредиторов.

Эта компания была генподрядчиком МОИТК при строительстве спорткомплекса и трехзвездочной гостиницы в Подмосковье. Изначально предполагалось, что проекты обойдутся подмосковной «дочке» в 300 млн рублей, но потом смета выросла до 1,5 млрд рублей. Причиной столь значительного роста стоимости работ строители называли высокие запросы заказчика. Они думали, что им предстоит построить спортзал и общежитие, а оказалось, что

речь идет об отеле и спорткомплексе мирового уровня. МОИТК платить отказывалась, ссылаясь на неправильно оформленные сметы.

Все же строителю удалось отсудить порядка 400 млн рублей. Правда, реальных денег он так и не дождался. Узнав о готовящейся ликвидации МОИТК, «Октаэдр» решил подать на ее банкротство еще одно заявление, но суд предоставил право закончить существование МОИТК тем, кто его начал.

Меньше чем через месяц, 29 сентября, суд признал МОИТК банкротом и назначил ей конкурсного управляющего. Кабинеты в здании на Большом Черкасском переулке заняли сотрудники управляющего, но в 2010 году они нашли себе помещение поскромнее и дом МОИТК опустел, как и офис «РИГрупп», а шансы получить деньги остались только у тех кредиторов МОИТК, которые давали ей в долг под гарантии подмосковного правительства.

Носов за решеткой

В тот момент казалось, что ответственность за всю эту долговую пирамиду с дочерними компаниями не понесет никто. Двух директоров, которых в 2008 году посадили в СИЗО, через полгода выпустили на свободу под подписку о невыезде. По слухам, Дмитрий Демидов вскоре вообще скрылся в неизвестном направлении.

Бывший министр Кузнецов, по сообщению СМИ, неплохо устроился за границей. В январе 2009 года он попал в светскую хронику. Журналисты застали его в Куршевеле: в шубе до пят он зашел в магазин Hermes, чтобы выбрать подарки. В то же время на французском горнолыжном курорте отдыхало немало федеральных и региональных чиновников. И никто не попытался задержать Кузнецова, которого к тому времени уже искали наши компетентные органы.

Говорят, после этого случая российским чиновникам настоятельно рекомендовали проводить новогодние каникулы где-нибудь на Красной Поляне, чтобы не компрометировать себя общением с таким неоднозначным персонажем.

Его бывший заместитель Валерий Носов, сообщением об аресте которого началось мое знакомство с подмосковными делами, работал над своим культурным проектом.

В 2008 году его никто трогать не стал. Новость о его задержании появилась в издании «Артхроника», которое конкурировало с его порталом Openspace. В то время о Носове ходили очень смешные слухи: в день ареста его «видели» одновременно в пяти местах – от приемной инвесткомпания «Ренессанс» до гламурного клуба и аэропорта «Шереметьево». Однако он никуда уезжать не собирался.

«Его не трогают, потому что он поет, как канарейка, – рассказывал мне знакомый банкир. – Удивительное дело, в старые времена его бы нашли на дне Клязьминского водохранилища, а сейчас берегут, как ценного свидетеля».

Носов чувствовал себя довольно свободно: летал за рубеж, участвовал в арт-тусовках. Но в начале весны 2010 года едва вернувшегося из Лондона мецената Носова задержала милиция.

Его вместе с Кузнецовым, Буллоком и директором «РИГрупп» Дмитрием Котляренко подозревали в мошенничестве, которое обошлось подмосковному бюджету в 25 млрд рублей.

В тот день он пришел на допрос в ОВД по другому делу. Его также подозревали в вымогательстве 80 млн рублей долга у владельца девелоперской фирмы «Энергоконсалт». Якобы Носов попросил пару знакомых чеченцев припугнуть должника.

Бывший замминистра ходил под подпиской о невыезде, думая, что и на этот раз все обойдется, но его внезапно арестовали. Уголовное дело связано с МОИТК.

Следственный комитет при Прокуратуре работал над ним уже год. Сначала он предъявил обвинение в хищении и отмывании более 3 млрд рублей бюджетных денег сначала экс-директору МОИТК Владиславу Телепневу. А в конце 2009 года заочно обвинил в этом Алексея Кузнецова. По версии следствия, МОИТК получало из подмосковного бюджета деньги на оплату этой задолженности по ЖКХ, но вместо этого они уходили на счета подставных фирм и в офшоры.

Бывшего министра финансов вместе с Буллоком, Носовым и Котляренко следователи также заподозрили еще и в том, что они выдавали бюджетные кредиты компаниям «РИГрупп» через МОИТК. В общей сложности они ссудили девелоперу 25 млрд рублей.

Деятельность трастовой компании контролировал министр финансов Алексей Кузнецов, а председателем совета директоров был его первый заместитель Валерий Носов.

По версии следствия, весной 2007 года они учредили от имени МОИТК компанию «Росвеб», куда передали часть активов «Мособлтрастинвеста». Еще через полгода новая компания провела допэмиссию акций, которую выкупила «РИГрупп». Она стала обладателем контрольного пакета акций «Росвеба», хотя фактически денег не платила.

Тогда Носов и Кузнецов, используя служебное положение, дали указание совету директоров МОИТК продать по номинальной стоимости наиболее ликвидные активы «Росвебу». Из-за этого МОИТК потеряла имущества на 2,6 млрд рублей. Следователи считали, что именно эти действия привели к банкротству трастовой компании в 2009 году.

Единственным доступным в России фигурантом этого дела оказался Носов. Буллок и Кузнецов – вне досягаемости российского правосудия. Дмитрия Котляренко удалось было задержать на Кипре, но местные власти не захотели его выдавать.

В отличие от них Носов не скрывался, а регулярно ходил на допросы и помогал разобраться в сложной структуре сделок между МОИТК и «РИГрупп». В какой-то момент следователи решили использовать информацию против него самого. Наверно, правоохранителям нужно было отчитаться об успехах – если они не смогли достать главных фигурантов из-за границы, то нужно посадить хотя бы второстепенного персонажа.

Вскоре на сайте Openspace перестали появляться новые статьи об актуальных тенденциях в современном искусстве – некому стало оплачивать труд колумнистов и обозревателей. Через несколько месяцев на сайте появилось объявление:

«Дорогие друзья, в последнее время, как вы не могли не заметить, режим работы нашего ресурса изменился – и не в лучшую сторону. Openspace.ru действительно испытывал в последние полгода серьезные трудности с финансированием. На их преодоление ушло довольно много времени и сил. Сегодня мы рады сообщить вам, что очень скоро наш сайт продолжит работу в прежнем ритме и объеме».

В сентябре этот сайт купил глава инвестгруппы «Открытие» Вадим Беляев, заплатил редакции долги по зарплате, и портал вновь стал наполняться статьями и обзорами.

Тем временем Валерий Носов продолжал находиться в СИЗО. Адвокат Борис Кузнецов, представлявший интересы бывшего министра финансов, заявлял, что все уголовные дела, по которым проходил и Носов, являются частью операции по захвату активов «РИГрупп». У компании Жанны Буллок некогда было 60 строительных проектов общей площадью более 2 млн кв. м, а объем ее инвестиций в Московскую область составлял около 1,5 млрд долларов, – говорил юрист.

По его мнению, за уголовным преследованием бывших подмосковных небожителей стояла группа ОРСИ. Одним из ее акционеров был спарринг-партнер Владимира Путина по дзюдо Аркадий Ротенберг.

Глава седьмая Ликвидаторы

Рядом с Подмосковьем

Наша статья о долговых проблемах Московской области вышла в августе 2009 года. Некоторые банкиры, знавшие ситуацию изнутри, текст хвалили и говорили, что там довольно точно все описано, но это была единственная реакция. Те, от которых зависит судьба региона, как и раньше, хранили молчание, делали вид, что все так и должно быть.

Я надеялась, что стоит привлечь внимание к проблеме, к тому, что Московская область оказалась в бедственном положении, а никто за это не ответил, как все придет в движение. Ну, по крайней мере, на этот факт обратят внимание. Но ничего не изменилось. И, похоже, это задевало не только меня.

Через пару недель после выхода статьи мне позвонили люди из группы ОРСИ. Во время подготовки статьи я пыталась связаться с ее директором Андреем Пашковским, но без толку – он не нашел времени, а скорее всего, просто не считал нужным общаться с журналистами. Встретиться с ним мне хотелось потому, что группа ОРСИ (Открытый рынок строительных инвестиций) играла достаточно важную роль в «разруливании» ситуации с подмосковными долгами.

Не знаю, как им это удалось, но в 2008 году именно они занялись реструктуризацией долгов «РИГрупп». Основная их часть приходилась на компании подмосковного правительства, так что группе приходилось постоянно поддерживать связи с обитателями здания на Славянской площади и «дома-громоотвода».

Я понимала, что эти люди знали ситуацию изнутри и могли рассказать, как подмосковные власти борются с дефолтом и пытаются преодолеть последствия деятельности сбежавшего министра финансов, но поговорить с ними до написания статьи у меня не получилось.

После ее выхода в свет ОРСИ сами вышли на связь. Мне позвонила одна из сотрудниц компании, сказала, что их очень заинтересовала наша заметка и что они много чего еще могут поведать нашим читателям.

Я была заинтригована и согласилась приехать в офис таинственной фирмы, чтобы узнать, что же такое они хотят рассказать.

Этот офис располагался в одном из самых престижных районов Москвы, на так называемой «золотой миле» – треугольнике между Пречистенкой и Остоженкой. Помню, теплым августовским вечером я долго плутала по тихим переулкам в поисках того самого здания. Я редко бываю в этом районе Москвы, поэтому для меня было удивительно, сколько новых зданий – от строгих офисов до роскошных апартаментов – умудрились построить тут девелоперы за последние десять лет.

ОРСИ квартировало в одном из таких зданий из стекла и бетона, неподалеку от набережной Москва-реки. После получасового поиска я наконец вошла в стеклянные двери этого дома. Сообщила охраннику, куда я иду, миновала прозрачный турникет, поднялась наверх на таком же прозрачном лифте, прошла по сияющему чистотой полу к стойке ресепшн и уселась ждать встречи за стеклянным журнальным столиком.

Вероятно, такая прозрачность призвана была показать, насколько открытой и ясной для всех является деятельность компании. Но это не совсем так.

ОРСИ была создана в октябре 2008 года. А уже в ноябре она стала заниматься подмосковными долгами. Формально учредителем компании стали структуры журнала «Человек и закон» – не стоит путать это юридическое издание с программой на Первом канале.

«Журнал издается с 1971 года и был внесен в книгу рекордов Гиннеса благодаря 11-миллионному тиражу», – сообщает сайт издания, который уже много лет находится на реконструкции. Времена его былой славы уже прошли. Зачем правовому изданию создавать группу по реструктуризации долгов строительных компаний, непонятно.

Впрочем, первую скрипку в этой компании играли два человека – Андрей Пашковский и Георгий Копыленко. Первый известен благодаря своей работе в структурах известного бизнесмена Виктора Вексельберга. До того как возглавить проект «Сколково», один из самых богатых людей страны был довольно активным игроком рынка слияний и поглощений. В начале 2000-х годов название его группы «Ренова» вызывало трепет у директоров заводов, сумевших усидеть на своих местах с советских времен.

Предприимчивые молодые юристы скупали акции этих самых заводов в интересах «Реновы», а потом пытались занять места в совете директоров. В те времена бывало всякое: и взятие заводской проходной штурмом с помощью автоматчиков, и внезапный арест руководителя предприятия по непонятному уголовному делу...

Пашковский был одним из таких «руководителей проектов». К примеру, он был назначен директором «Кулебакского метзавода» в Нижегородской области, единственного в стране производителя титановых кольцевых заготовок для аэрокосмической отрасли. В 2004 году совет директоров отстранил прежнего главу предприятия Николая Рябыкина и назначил на его место будущего главу ОРСИ. Считалось, что за сменой власти стоит миноритарный акционер предприятия – компания «Ренова». Но вскоре предыдущему руководству удалось признать решение о назначении Пашковского незаконным.

На несколько лет Пашковский ушел в тень, и о нем ничего не было известно, равно как о его компаньоне Георгии Копыленко.

Время захватов предприятий подошло к концу. Вместо предприимчивого юриста, умеющего что-то намутить с реестром акционеров, героем дня стал чиновник, управляющий бюджетными финансовыми потоками, а также девелопер, осваивающий госзаказ.

Но вскоре оказалось, что и Пашковскому есть место в новом мире.

Посланник Ротенберга

Хмурым ноябрьским утром 2008 года вице-премьер подмосковного правительства Алексей Пантелеев как обычно проводил совещание с силовыми ведомствами региона. К его заботам добавилась еще необходимость разобраться с делами сбежавшего министра финансов. Что с этим делать, он не знал. Денежные вопросы всегда находились вне его компетенции. Но тут выяснилось, что подмосковные компании должны кредиторам миллиарды рублей. По идее, на эти деньги они обещали построить тысячи квадратных метров жилья, стадионы, социальные объекты. Многие из проектов остались на бумаге, а немалая часть заемных средств ушла на кредиты компаниям жены Кузнецова, а потом и вовсе растворилась вслед за министром финансов.

Долг «РИГрупп» составлял, по разным оценкам, до 29,6 млрд рублей, из которых 22,86 млрд приходилось на структуры подмосковных властей – МОИТК, МОИА и ИКМО. В активах компании Буллок были в основном какие-то недостроенные объекты, продать которые в разгар кризиса за такие деньги было совершенно нереально. А что делать с долгами подмосковных компаний, которые вот-вот утянут за собой в долговую яму весь регион? Пантелеев не знал ответа на этот вопрос. Не знали его и собравшиеся на совещание силовики.

Но вот слово взял человек в дорогом костюме с благородной сединой и аккуратной эспаньолкой. Он представился – Андрей Пашковский, и сообщил, что его компания ОРСИ теперь занимается реструктуризацией долга «РИГрупп».

Вопроса, кто его к этому допустил, у присутствующих не возникло. Гость ссылался на свои многочисленные связи «на самом верху». Вскоре стало известно, что одним из учредителей его компании является банк «Северный морской путь» (СМП), принадлежащий Аркадию Ротенбергу.

Тогда название ОРСИ начало внушать священный трепет. Все знали, что Ротенберг дружил с Владимиром Путиным еще в школе – они вместе ходили в секцию по дзюдо. Да и теперь он не потерял связи с премьером: они сидят рядом на спортивных турнирах, изредка проводят совместные тренировки и спарринги, когда Путин бывает в Санкт-Петербурге.

Дела у дзюдоиста тоже последнее время шли в гору: его компания «Стройгазмонтаж» стала одним из крупнейших подрядчиков «Газпрома» при строительстве газопроводов. Даже тем, что раньше сомневался, стало ясно, что долги «РИГрупп» теперь в надежных руках.

Возможно, чиновники предполагали, что Ротенберг едва ли не лично рулит этим проектом, но это не совсем так. О могущественном акционере в офисе ОРСИ напоминала только подборка журналов о яхтах, учредителем которого, по слухам, также выступал спарринг-партнер Путина.

Весной 2010 года Аркадий Ротенберг дал свое единственное интервью «Коммерсанту», где рассказал о характере своих взаимоотношений с ОРСИ.

«Компания уже существовала, когда ее акционеры пришли к нам и рассказали, сколько мы заработаем, если капитализация компании вырастет, – говорил он. – СМП банк купил этот актив с целью дальнейшей продажи. Обычная банковская практика. Не более того. В управлении компании я не участвую».

Но в 2009 году ОРСИ подчеркивала родство с банком Ротенберга, чтобы повысить свой статус. У Пашковского было желание сделать свою компанию еще более представительной: он пытался убедить менеджеров госкорпорации «Ростехнологии» войти в состав учредителей. Но, по словам Ротенберга, те не захотели давать денег на такой необычный проект.

В чем суть? Пашковский всем объяснял, что во время кризиса многие строители, обремененные большими долгами, обанкротятся и оставят после себя лишь недостроенные проекты. ОРСИ могла бы стать интернет-площадкой, где продавались бы долги девелоперов.

Сотрудникам ОРСИ звонили держатели строительных долгов, приносили им в офис пакет документов, подтверждающих наличие обязательств. Компания вносила долги в свою закрытую базу данных, которую могли просматривать потенциальные покупатели. Здесь у них появлялась возможность приобрести эти долги со скидкой. Как правило, залогом по просроченным кредитам девелоперов выступали недостроенные здания. Коллекторским агентствам не особенно интересно выбивать долги из строителей, а потом пытаться сбить с рук стремительно дешевевшие площади. В то же время компании, давно присматривающиеся к девелоперскому рынку, могли забрать залог и достроить объект.

С виду неплохая схема, но у меня есть некоторые сомнения, что она может работать. И вот почему. «В открытом доступе вы не найдете информацию о продавцах и покупателях лотов, так как она является конфиденциальной, – говорилось на сайте ОРСИ. – В торгах участвуют крупные игроки строительного рынка, которые не заинтересованы раскрывать себя».

За все время своего существования компания не озвучила название ни одной фирмы, которая с ее помощью решила бы свои проблемы. О том, что какие-то долги проданы с помощью базы ОРСИ, не слышно ни среди банкиров, ни среди девелоперов. А такая информация все равно должна просочиться – это достаточно небольшой рынок, где все друг друга знают.

Самым громким проектом компании стали долги Подмосковья. По сути, только что созданная группа, с не слишком известными в банковских кругах людьми во главе, возглавила процесс распутывания одного из самых сложных долговых узлов кризиса 2008 года.

Тайные переговоры

В начале 2009 года МОИТК, ОРСИ и компания «Росвеб», в которой сосредоточились активы Буллок, подписали соглашение о реструктуризации задолженности.

Согласно ему ОРСИ должна была помочь подмосковной компании взыскать долг с «Росвеба» путем передачи его оставшихся активов МОИТК. В частности, речь шла про офисное здание в Мякининской пойме, акции «Мособлфильма» и «Подольского химико-металлургического завода», а также ряд офшоров, на которые записано имущество Буллок.

Предполагалось, что ОРСИ, которой доверили заниматься реструктуризацией долгов компании Буллок, вернет хотя бы часть занятых ею денег в МОИТК за счет активов, которые можно будет потом продать и улучшить состояние подмосковного бюджета.

Как же Пашковскому удалось стать распорядителем долгов «РИГрупп»? Ответ на этот вопрос стал известен только через полтора года после заключения соглашения с МОИТК.

Тогда в прессу попал меморандум Пашковского и Кузнецова (декабрь 2008 года).

Бывший министр финансов называется в нем «лицом, фактически контролирующим деятельность и активы ООО «Русская инвестиционная группа» и всех прямо и/или косвенно аффилированных с ООО «Русская инвестиционная группа» юридических лиц и их активов». Про Жанну Буллок, которая многие годы была лицом «РИГрупп», в документе не сказано ни слова. Вероятно, она, как и много лет назад во время скандала с выводом денег из «Инкомбанка», оставалась лишь секретарем и номинальным директором подконтрольных Кузнецову фирм.

Судя по этому документу, никаких русских «Бонни и Клайда» на самом деле не существовало. А была обычная семья: предприимчивый госслужащий, живущий на одну зарплату, и его состоятельная жена, которая руководит прибыльным бизнесом. Если посмотреть на декларации о доходах российских чиновников, то найдется немало таких семейных тандемов. Разница между ними и четой Кузнецова—Буллок, возможно, лишь в том, что они действовали более аккуратно и могли позволить себе оставаться в России, не опасаясь проблем с законом.

В меморандуме, заключенном между Пашковским и Кузнецовым, говорилось, что бывшие руководящие сотрудники «РИГрупп» допустили ряд нарушений, из-за которых компании могут быть предъявлены претензии, в то время как она и так испытывает трудности из-за финансового кризиса. Если верить этому документу, Пашковский согласился оказать «всемерное содействие» в реструктуризации бизнеса «РИГрупп» для поддержания ее текущей деятельности и обеспечения платежеспособности, а также выполнение ее обязательств, «в первую очередь по государственным и социальным программам».

Чтобы это лучше получалось, Кузнецов обещал предоставить Пашковскому информацию о подконтрольных ему компаниях, их активах и обязательствах. Так ОРСИ получило доступ ко всем сведениям о весьма запутанной системе дочерних компаний «РИГрупп».

По словам Пашковского, благословение Кузнецова на реструктуризацию долгов компании «РИГрупп» перед подмосковными «дочками» просто необходимо. «Директора офшоров, их бенефициары зависели от воли Кузнецова, – говорил он. – Над частью этих компаний он потерял контроль, над частью нет. Их было порядка семидесяти». Дав указание директорам офшоров сотрудничать с ОРСИ, бывший министр финансов помог и области, и себе, как уверял Пашковский.

Именно на офшорных фирмах, по словам директора ОРСИ, осели деньги подмосковного правительства, выделенные на социальные проекты, строительство жилья и инфраструктуры. За рубежом они конвертировались в отели, объекты недвижимости и искусства, а также яхту с дизайнерской отделкой.

Осенью и зимой 2008–2009 годов Пашковский неоднократно встречался с Кузнецовым в Европе. «Мы вели переговоры, чтобы забрать офшоры, иначе все было бы бессмысленно», – говорил он.

Мне трудно сказать, кто присоветовал Кузнецову Пашковского, почему он решил сотрудничать именно с ОРСИ. По одним данным, его привлек к проекту оставшийся в России бывший замминистра финансов области Валерий Носов. Почему остановил свой выбор именно на ОРСИ, ведь вокруг было так много банкиров, поднаторевших в расширении странных схем и выбивании долгов? Возможно, Пашковский в нужный момент козырнул своими высокими покровителями и связями в правительстве. А может, постоянно приходящему на допросы Носову «знающие люди» посоветовали вести дела именно с этим человеком.

Приезжая к Кузнецову, Пашковский якобы говорил, что является советником Шувалова, которому вот-вот дадут «корочки» в Белом доме. Будто бы «вышестоящие товарищи» назначили его ответственным за разруливание ситуации с долгами Подмосковья. Впрочем, сам Пашковский в разговорах с журналистами это всегда отрицал.

Неожиданное предложение

В любом случае ОРСИ выглядит неоднозначно. Над всей деятельностью фирмы витает некий дух авантюризма конца 1990-х, когда молодые юристы получали контроль над крупнейшими предприятиями.

Сейчас масштаб их деятельности был явно скромнее, но сотрудники компании, как и прежде, работали допоздна. Моя беседа с ними была назначена на 9 часов вечера. Встретившая меня девушка со вздохом призналась, что они не расходятся по домам раньше одиннадцати.

В тот августовский вечер, когда я пришла в офис ОРСИ, со мной разговаривали идейный вдохновитель группы Георгий Копыленко, несколько человек, которые отвечали за связи с прессой, а также сотрудница, ответственная за составление аналитических отчетов.

Говорил в основном Копыленко – мужчина слегка за сорок, в светло-розовой рубашке. Он сказал, что статья вышла хорошая, но в ней изложено далеко не все.

По его словам, большая часть кредитов, полученных дочерними компаниями Московской области, просто передавалась в «РИГрупп». Стадионов, больниц и детсадов практически не строилось – только крупные объекты, которые приезжал открывать губернатор. Остальные же «успехи» МОИТК и прочих дочерних компаний существовали только на бумаге.

Кроме того, в областных «дочках» процветало искусство приписок, и все сметы многократно завышались. В тот вечер Копыленко много смеялся, рассказывая мне о масштабах воровства в этих компаниях, о наглости Кузнецова и его жены, о твердолобости чиновников, не понимавших и до сих пор не понимающих, что произошло.

Именно они были основной проблемой Копыленко. Эти люди не желали ничего делать – просто сидели на месте и ждали, когда ситуация рассосется сама собой. Ему же нужно было хоть какое-то решение.

Собственно, поэтому он меня и пригласил. Публикации в СМИ, рассказывающие, что происходит с долгами Подмосковья, крайне на руку ОРСИ. Вероятно, с помощью статей в различных изданиях они надеялись заставить местных чиновников хоть немного шевелиться и принимать какие-то решения.

Копыленко и его коллеги заверили меня, что готовы предоставить любую имеющуюся у них информацию для публикации, лишь бы это скользкое дело сдвинулось с мертвой точки.

Что я могла им ответить? Любая информация, позволяющая разобраться в этом запутанном деле, была бы кстати, но статья-то уже вышла. Работнику ежемесячного журнала Forbes нужны веские основания, чтобы затрагивать одну и ту же тему дважды. Несмотря на всю уникальность подмосковной истории, писать о ней слишком часто было бы чересчур.

Кроме того, когда тебе обещают такого рода доступ к информации, никогда не понятно, что хотят получить взамен. Если впоследствии они хотят увидеть тенденциозную статью, основанную только на их мнении, то они явно ошиблись адресом. И дело тут вовсе не в моей упертости и принципиальности.

Любое уважающее себя деловое издание всегда стремится к объективности, а потому информацию, полученную из какого-либо источника, обязательно нужно перепроверять. Мало ли что захотят мне «слить» заинтересованные люди? Изготовить фальшивые копии документов и с их помощью очернить конкурентов или идеологических противников не так уж сложно. А потом и журналист, и издание будут отвечать в суде за клевету.

Зная это, я четко дала понять людям из ОРСИ, что любые поступившие от них сведения будут перепроверяться. Я в обязательном порядке попытаюсь узнать мнение о ситуации «второй стороны» или же подмосковных чиновников. Хотя, как правило, что-либо спраши-

вать у них бесполезно. Просьбы интервью или запросы об информации, посланные в «дом-громоотвод» – все равно что письма на деревню к бабушке. С тобой вежливо разговаривают сотрудники аппарата, но никакого ответа не дают, якобы Сам должен разобраться в этом вопросе, расписать кому-то поручение, вот уж тогда... В общем, бесполезная затея, но все равно нужно каждый раз давать им шанс – вдруг одумаются.

Обычно, услышав, что сливаемая информация будет проверяться, энтузиазм желающих ее предоставить заметно убавляется. Но люди из ОРСИ не возражали – они на все согласны, лишь бы про подмосковное дело, о котором с зимы уже начали забывать, продолжали писать СМИ.

На прощание Копыленко или кто-то из его сотрудников спросил меня, не могла бы я помогать им в составлении аналитических справок и отчетов для сайта. Девушка, которую они наняли, хорошо разбирается в экономике, только вот с литературой у нее не очень. Присутствовавшая на этой встрече составительница отчетов смущенно закивала. Они даже готовы оплачивать мои усилия по исправлению ее текстов.

Разумеется, я отказалась. Я не вправе выполнять никакую работу для компании, с которой сотрудничаю как репортер, в противном случае стану писать предвзято.

Существует расхожее мнение, что журналисты ничего не пишут просто так, что у любой статьи есть заказчик. Вынуждена разочаровать злопыхателей: сотрудники известных деловых изданий довольно трепетно относятся к своей репутации.

Хотя возможности злоупотребить своим положением всегда есть. Взятки предлагают не только чиновникам. Если у тебя есть какие-то возможности или полномочия, рано или поздно найдется человек, готовый заплатить тебе дополнительно, поверх зарплаты.

С журналистами деловых изданий такое случается довольно часто. Но не дай бог им согласиться. Иногда люди напрямую спрашивают, сколько стоит статья. И при этом искренне верят, что все за это платят. Иногда пытаются предложить какую-то дополнительную работу, подарки в обмен на лояльность.

Но как бы ни ругали «продажных журналистов», уважающий себя репортер приличного издания не согласится на подобного рода сделку. И вовсе не потому, что работники СМИ – кристально чистые люди с белоснежной и незапятнанной совестью.

Тут все несколько иначе: любой всплывший наружу факт принятия взятки может привести к тому, что журналиста ни в одно хорошее издание даже на порог не пустят. Журналистский мирок маленький, все друг друга знают – слухи расползаются молниеносно. Как только коллеги узнают, что репортер или редактор размещает статьи по таким-то расценкам, его тут же уволят с высокой должности. Он сможет идти на все четыре стороны – хоть в пиар, хоть в глянец, хоть в сельскую газету, но серьезную работу ему уже никто не доверит. Так работает эта система – она сама себя регулирует.

Жаль, что каста чиновников не устроена по тому же принципу. Берущий взятки человек не становится отверженным. Напротив, продолжает работать. Другие, видя, что такое положение нормально, тоже начинают брать взятки, «пилить» и подворовывать. Говорят, что от коррупции можно избавиться высокими зарплатами чиновникам. Думаю, нет. Вопреки расхожему мнению, репортеры ведущих деловых изданий получают не так много, но при этом находят в себе силы не брать деньги за статьи ни от кого, кроме родного издательства. Потому что риск потерять репутацию всегда выше. Во сколько можно оценить запрет на профессию? При всем своем опыте оценки чужих состояний я не могу назвать эту сумму. Беда в том, что для чиновника взятка вовсе не означает автоматического закрытия всех дверей, а потому она приемлема.

Как бы то ни было, с людьми из ОРСИ мы ни о чем не договорились. Писать снова про подмосковные дела, даже на основе тех документов, которые они обещали представить, для меня не было смысла. А вскоре в раскручивании этой истории отпала надобность и для них.

Подмосковные чиновники отважились, наконец, на решительный шаг и начали банкротство МОИТК. Лед тронулся.

Обманутые обманщики

Осенью 2009 года признаки активности начал проявлять и бывший министр финансов Алексей Кузнецов. Его действия были направлены на обличение той самой группы ОРСИ.

Он рассказал по скайпу корреспонденту газеты «Ведомости» о том, что вовсе не думал сбегать из страны. Принял решение задержаться за рубежом после того, как увидел множество публикаций в СМИ, обвиняющих его в шпионаже в пользу США и воровстве подмосковной земли на 20 млрд долларов. «Вся подмосковная земля столько не стоит, – возмущался беглый министр. – Для меня очевидно, что дело вовсе не во мне, некоторая группа людей решила просто завладеть имуществом “РИГрупп”, которое принадлежит моей жене».

Он подозревал в этом руководство группы ОРСИ. По его словам, совладельцы и топ-менеджеры группы Андрей Пашковский, Георгий Копыленко, Михаил Черкасов и Александр Тобак ранее работали в компаниях «Росбилдинг» и «Столица», прославившихся рейдерскими захватами предприятий.

Активы компаний «РИГрупп» после прихода к власти менеджеров ОРСИ резко начали таять. Зимой 2009 года гендиректор «РИГрупп» Александр Есин говорил, что активы компании составляют 9,5 млрд рублей, а уже через полгода они оценивались в 360 млн. «Где, спрашивается, все остальное?» – возмущался экс-министр.

Он действительно оказался в трудной ситуации. Влиятельные люди, которые раньше с ним общались, отвернулись от него, боясь уголовного преследования. К Кузнецову приходили подозрительные личности, утверждавшие, что готовы решить все его проблемы за миллиард долларов.

Приехать в Россию он не мог, данные обо всех офшорных компаниях «РИГрупп» были у ОРСИ (он ведь сам их передал). Финансовый гений Подмосковья мог лишь безучастно наблюдать, как реструктуризуются активы его бывшей империи, которых с каждым днем становится все меньше и меньше.

Он узнал, что некая группа «Оптима» объявила себя владельцем четырех электросбытовых компаний, принадлежавших компании «Коммунальные инвестиции и технологии» – одной из дочерних компаний «РИГрупп». «За активы менеджеры ОРСИ получили около 50 млн долларов. Куда же подевались эти деньги?», – возмущался Кузнецов. Подмосковные власти их так и не увидели.

По словам Кузнецова, ОРСИ также захватила компанию «Радионет», владеющую оптоволоконной сетью в Подмосковье. Проблема в том, что она, как и другие компании «РИГрупп», состояла из кучи маленьких фирмочек, на которые записаны кусочки активов. Эта система могла бы застраховать активы супруги министра финансов от проблем с правоохранительными органами (пока они разбираются в хитросплетениях всех этих «дочек»), можно было бы все вывести). Но после того как Кузнецов своими руками отдал ключи Пашковскому, система оказалась беззащитной. ОРСИ могла незаметно продавать фирмочки в обход кредиторов. Благо подмосковные чиновники смутно представляли себе, что такое «РИГрупп».

«Ситуация вышла из-под контроля, товарищами из ОРСИ захвачена не только “РИГрупп”, но и остальные компании», – негодовал бывший министр. Но он ничего не мог сделать.

Оказалось, все же мог. В интервью он упомянул, что в разговорах с партнерами менеджеры ОРСИ прикрываются «честным именем» Аркадия Ротенберга, владеющего акциями одной из компаний группы ОРСИ через банк СМП.

Это заявление дошло до ушей друга Путина и совсем его не порадовало. «У меня был жесткий разговор на эту тему с руководством ОРСИ, – сказал он в своем интервью. – Я даже

ездил в областное правительство, чтобы узнать реальное положение дел. Там меня заверили, что все нормально и проблем нет. Больше я этим никогда не занимался».

Вероятно, Ротенберг потерял интерес к компании – меньше чем через год после интервью Кузнецова он вышел из состава ее акционеров. Его примеру последовали и некоторые другие соучредители. В частности, управляющая компания «Развитие» тоже решила избавиться от своей доли в уставном капитале ОРСИ. Она объясняла это решение тем, что рынок долговых обязательств за два года после кризиса значительно сократился, а в других проектах ОРСИ, не связанных со строительными долгами и инвестициями, компания не заинтересована.

Группа стремительно теряла свой былой вес и статус. Откровения Кузнецова об уходе активов его жены в обход кредиторов также привлекли внимание правоохранительных органов – Пашковского стали регулярно вызывать на допросы. Там он рассказывал о структуре активов «РИГрупп», о том, как она выводила деньги из подмосковного бюджета за рубеж, кто этим занимался, как это работало.

Но летом 2010 года милиционеры заинтересовали и сам директор ОРСИ. Он тоже, как и Носов, выглядел идеальным виноватым. Только представьте. Белый рыцарь, вызвавшийся решить долговые проблемы Московской области, оказался волком в овечьей шкуре: он перевел остатки активов «РИГрупп» на свои компании, во второй раз оставив область в дураках. Думаю, о таком финале подмосковным властям можно было только мечтать, ведь в этом случае всю ответственность за дыру в бюджете можно было бы возложить на рейдеров.

Пришли за ОРСИ

В начале августа 2010 года, когда Москва задыхалась в дыму от пожаров на подмосковных торфяниках, у Пашковского имелись проблемы посерьезнее. Следователи начали проводить обыски не только в прозрачном офисе ОРСИ, но и у него дома – в элитном коттеджном поселке «Бенилюкс» на Новорижском шоссе.

Хозяина на месте не оказалось – якобы в тот день уехал к родственникам в Воронеж. Если бы не эта случайность, его бы, наверное, показательно доставили на допрос в машине с мигалками.

Георгию Копыленко и замдиректора ОРСИ Зое Галеевой повезло меньше. Они в тот день были в офисе компании в Бутиковском переулке. Около десяти утра к зданию подъехала белая «Газель», из нее выскочили спецназовцы в масках и быстро обезвредили офисную охрану. Вслед за ними в здание вошли следователи Следственного комитета при Прокуратуре и сотрудники Департамента экономической безопасности.

Через несколько часов они вынесли из офиса ОРСИ пару коробок с бумагами, а также увезли присутствовавших при обыске Галееву и Копыленко. Их допрашивали в СКП до позднего вечера.

Внимание следователей привлекли контакты Пашковского с беглым министром финансов. Их меморандум о сотрудничестве, подписанный еще в 2008 году, предполагал оказание помощи в урегулировании претензий к «РИГрупп».

Следователи также выяснили, что активы этой группы на сумму около 15 млрд рублей оказались в некоем ЗАО «Проект», учредителем которого была Зоя Галеева, а гендиректором – Георгий Копыленко.

Через день после визита следователей оправившиеся после допроса менеджеры ОРСИ собрали журналистов, чтобы заверить: ничего плохого они не замыслили.

Встреча проходила все в том же офисе на Бутиковском. В ожидании встречи собравшиеся журналисты всех деловых изданий обменивались способами борьбы с едким дымом, наполнившим Москву, делились адресами аптек, где еще остались марлевые повязки, и жаловались на непомерные цены за установку кондиционеров.

Руководство ОРСИ интересовалось совсем другим. Оно искренне недоумевало, почему следователи решили устроить показательное маски-шоу. Ведь до этого оно регулярно ходило на допросы и подробно рассказывало о структуре активов «РИГрупп». К примеру, то же ЗАО «Проект» создано не для увода активов, а для расчетов с банками-кредиторами «РИГрупп».

На встрече с журналистами присутствовало трое топ-менеджеров ОРСИ – Пашковский, Копыленко и Галеева.

Вернувшийся из Воронежа директор компании, не скрывая обиды и разочарования, повествовал, что с 2009 года ходил в Следственный комитет Московской области. Передавал все схемы, рассказывал, что директор «Росвеб-офиса» Артем Васильев, которого милиционеры обвиняли в том, что он украл миллиард рублей во время сделки по покупке ООО «Лэрен», ни при чем – он просто подписывал то, что ему давали старшие товарищи из «РИГрупп». В последний раз Дмитровский суд отказался продлевать его арест, и он исчез из поля зрения Пашковского.

В 2010 году, когда дело против Кузнецова и Носова начал уже Следственный комитет при прокуратуре, Пашковский также предоставил все необходимые для расследования документы.

«Все схемы с 2008 года находятся в СКП, – говорил он. – Мы на их основе работали, а не думали о том, чтобы что-то спереть». При обыске из офиса компании практически ничего не забрали – только пару жестких дисков.

«Ребята, которые пришли сюда, просто пили кофе, – рассказывал Копыленко. – Основной удар был на дом и кабинет Андрея, потом вышло сообщение, что он сбежал». Он думал, что все это неспроста.

Дело в том, что миссия ОРСИ близилась к завершению. Ей не удалось совершить чуда и вернуть Подмосковью все долги «РИГрупп». Но сотрудники компании составили четкий план уведенных активов. Копыленко подозревал, что именно это стало причиной проблем у ОРСИ.

«Мы приняли конструктор из активов, мы его сложили – это и не устроило Московскую область», – объяснял он. Активы должны были исчезнуть вместе с информацией о том, кто отдавал распоряжения о выдаче кредитов, принимал решение о строительстве тех или иных объектов, выделял участки земли.

По словам руководителя ОРСИ, подмосковные чиновники мечтали избавиться от этой информации. Для них было бы куда выгоднее, если бы информация исчезла вслед за Кузнецовым или же ее украли бы люди из ОРСИ. Тогда власти снимали бы с себя всякую ответственность.

«Активы содержат информацию о том, сколько потрачено, как они выводились, сколько они на самом деле стоят, почему идет перевод на офшорные счета, почему они были куплены втридорога, потом закредитованы в коммерческих структурах, – рассказывал Копыленко. – Чиновник не будет знать, что делать с этой информацией». На ОРСИ якобы даже выходили люди из подмосковного правительства и намекали: «Не надо их отдавать, попробуйте по-другому, избавьтесь как-нибудь от них».

И действительно: то, что предлагала забрать чиновникам ОРСИ, вызывало как минимум, удивление.

Остатки прежней роскоши

Зоя Галеева зачитывала, какие активы удалось передать Московской области, а я недоумевала. Среди них не значилось ничего стоящего.

В декабре 2009 года правительство Московской области получило странный подарок: компанию «Спецстрой-2», некогда входившую в «РИГрупп». Она набрала кредитов на 14 млрд рублей и теперь не могла их вернуть. Большая часть долгов, естественно, приходилась на структуры подмосковного правительства, в частности, МОИТК.

Поскольку трастовая компания находилась в стадии банкротства, активы в счет погашения долга решено было передать непосредственно местному правительству. В постановлении губернатора Бориса Громова от 11 ноября говорилось о том, что область получила компанию «в качестве дара». В чем же состояла его ценность?

Помимо собирания огромных долгов, в свое время компания «Спецстрой-2» занималась строительством: она была заказчиком знаменитых подмосковных спортивных объектов. Строила стадионы «Новатор» в Химках, «Метеор» в Жуковском и «Труд» в Подольске. В общей сложности возвела за бюджетный счет около 70 объектов. Многие из них находились на балансе компании.

Она же владела ОАО «Коммунальные инвестиции и технологии» (КИТ), которая распоряжалась 37 подмосковными котельными. Ее же «дочке» «Стройинвест» принадлежала недостроенная коробка бизнес-центра «Два капитана» напротив здания правительства области в Мякининской пойме. Как мы помним, на нее также претендовал застройщик объекта Strabag, так и не получивший вознаграждения за свою работу.

Передать эти активы области не так просто, как кажется. У «Спецстроя-2», помимо невыплаченных кредитов, были также облигации, по которым она допустила дефолт в начале 2009 года. Держатели этих обесценившихся бумаг вовсе не согласны с тем, что все активы компании перейдут к Подмосковью.

Но и областные власти не особенно радовались такому подарку: сметы на строительство стадионов и прочих социальных объектов были безбожно завышены. Да, на бумаге компания потратила пару десятков миллиардов на без малого сотню объектов, но те из них, которые были хотя бы на завершающей стадии строительства, можно было по пальцам пересчитать.

Многих объектов просто не существовало в природе, хотя кредиты на их строительство выделялись.

Получая в свое распоряжение кучу недостроенных объектов, правительство должно решить, что с ними делать. Выделить на достройку объектов еще немного своих денег область не могла – дефицит бюджета и так ужасный. Банки кредитов ей не давали. Можно было бы оставить все, как есть, но фактическая стоимость недостроенных коробок равна нулю. Признать, что область не получила от этой сделки практически ничего, очень обидно. Но еще обиднее, если бы эти недострои были переданы МОИТК. В этом случае они попали бы в конкурсную массу, возможно, их пришлось бы продать на торгах для оплаты долгов компании. Тогда свои стадионы подмосковное правительство увидело бы нескоро. Но часть активов «РИГрупп» трастовая компания все же получила.

По старому соглашению с МОИТК, ОРСИ передала областной «дочке» доли в нескольких компаниях, имеющих право аренды в другом деловом центре неподалеку от дома-грозмоотвода. Это так называемый бизнес-центр «Кубик» – здание соответствующей формы из стекла и бетона, которое строила «Объединенная строительная компания». Он практически готов принять арендаторов, но есть один нюанс: «Кубик» вот уже несколько лет не могут достроить.

По вечерам там горит свет, но только в подвале, где живут гастарбайтеры. Компания предполагала сдать этот центр еще в начале 2010 года, но настал ноябрь, а признаков жизни «Кубик» так и не подал.

ОРСИ также погасила долги группы «РИГрупп» перед областным Минфином на 2,3 млрд рублей, передав ему права требования на активы обанкротившегося «Московского залогового банка».

«Данная сумма имела решающую роль для получения контроля в комитете кредиторов при банкротстве банка», – не без гордости говорила Зоя Галеева.

ОРСИ еще хотела вернуть Мособласти 7,2 млрд рублей долга компании «Стройинвест», передав ей 40% акций «Росвеба». Но эти бумаги арестованы в рамках уголовного дела по расследованию деятельности «РИГрупп».

«РИГрупп» задолжала не только Подмосковью, но и нескольким крупным банкам – «Сбербанку», ВТБ, «Альфа-банку». Они не собирались довольствоваться малоликвидными стадионами.

Чтобы рассчитаться с ними, ОРСИ создала ЗАО «Проект». На него переведены земельные активы Буллок, которые можно использовать для расчетов с банкирами. Например, в счет оплаты кредита на 475 млн рублей «Альфа-банк» получил 80 га в Истринском районе. Банку «Алемар» достался рынок в счет кредита на 200 млн рублей.

Позже неназванные акционеры «РИГрупп» даже подали жалобу в прокуратуру на то, что ОРСИ через ЗАО «Проект» и другие компании пытается захватить ее активы.

Впрочем, сделать это было бы не так легко: многие из них были арестованы в качестве обеспечения судебных исков. Требуя возврата 500 млн рублей через суд, «Сбербанк» добился ареста активов компании «Росвеб-офис». Речь шла о коммерческой недвижимости в центре Москвы, в том числе о площадях в Доме металлургов, где некогда располагался офис «РИГрупп».

«Сейчас там арест на аресте, кредиторы разбираются между собой», – сетовала Зоя Галеева.

В ОРСИ признавали: часть кредитов подмосковных компаний ушла за рубеж и там превратилась в отели, яхты и апартаменты, записанные за офшоры Кузнецова и Буллок – вернуть эти деньги не представлялось возможным.

Выходило, что усилиями ОРСИ подмосковное правительство вернуло себе вместо «живых» денег какие-то малоинтересные активы. Многие из них еще предстояло достроить. На некоторые претендовали другие компании, которым успела задолжать «РИГрупп».

Где растворились те 29 млрд рублей кредита, непонятно. ОРСИ настаивала, что эти деньги выведены беглым министром и его супругой. Те в свою очередь из-за границы обзывали ОРСИ рейдерами, переписавшими на свое имя их семейное достояние.

Но ясно одно: Подмосковье своих денег обратно не получит.

Неудивительно, что местные чиновники так неохотно принимали дарственные от ОРСИ. Принять подарок означало признать свое поражение, а также взять на себя ответственность за то, что бюджетные деньги безвозвратно утрачены.

Вероятно, поэтому летом 2010 года сотрудники областного правительства начали заявлять, что вообще никаких соглашений по возврату долга с ОРСИ не заключали. Их можно понять: в августе над Мякининской поймой, как и над всей Москвой, висел такой плотный слой дыма, что можно было легко потерять память и забыть, что меньше года назад губернатор лично принимал «дар» от ОРСИ в виде недостроенных стадионов.

«Между правительством Московской области и группой компаний ОРСИ не заключалось соглашений о реструктуризации задолженности», – сообщала пресс-служба губернатора. Споры нет: соглашение заключалось с «дочкой» области МОИТК, которая летом 2010 года занималась исключительно собственным банкротством.

Подмосковные чиновники также заявляли, что ОРСИ уклоняется от передачи структурам правительства Мособласти «наиболее ликвидных активов, в числе которых земельные участки, достроенные объекты недвижимости и социальной инфраструктуры, телекоммуникационные и другие компании, ценные бумаги».

По их словам, передачи активов «Стройинвеста», «Спецстроя-2» и «КИТа», по сути, не было, потому что деньги и имущество этих компаний куда-то выведено.

Директор «Спецстроя-2» Сергей Смородин рассказывал, что ОРСИ довела компанию до предбанкротного состояния: вся строительная техника, транспорт и участок в Чеховском районе куда-то выведены, а за свои услуги ОРСИ списала со счетов компании еще 20 млн рублей.

Как ни странно, все эти заявления подмосковных чиновников так и остались сотрясанием воздуха. Никаких претензий к ОРСИ никто предъявлять не стал.

Возможно, кто-то просто побоялся лишней раз вытаскивать грязное подмосковное белье на всеобщее обозрение.

В конце октября 2010 года ОРСИ перестала заниматься реструктуризацией долгов «РИГрупп». Все оставшиеся активы Буллок (а как мы помним, в России у нее в основном остались только долги и недострой) компания передала в ХК «Росвеб-Телеком». С управляющими МОИТК компания заключила дополнительное соглашение о выходе из проекта в связи с «невозможностью исполнить взятые на себя обязательства» из-за изменившихся обстоятельств.

Через неделю холдинговая компания «Росвеб-Телеком» и МОИТК заключили мировое соглашение. По нему обанкротившаяся «дочка» области в счет погашения задолженности 4,15 млрд рублей получает почти 3 млрд рублей «живых» денег и еще активы на оставшиеся 1,5 млрд рублей.

За бортом сделки остались полдюжины банков, также кредитовавших компании «РИГрупп». Они продолжали добиваться возврата долгов через суд.

После заключения этого мирового соглашения ОРСИ совсем исчезла из виду. Еще летом ее директор Андрей Пашковский признавал, что проект «покатился не в ту сторону». Вместо посредничества между должниками-строителями и потенциальными покупателями их активов компания влезла в малоприятную историю с долгами Московской области, из которой он надеется поскорее выбраться.

ОРСИ это удалось. Вероятно, не без прибыли для себя. По причине крайней непрозрачности структуры активов «РИГрупп» невозможно точно сказать, выводились из нее деньги или нет, и сколько там в конце концов осталось.

Даже те схемы, которые рисовали для журналистов сотрудники ОРСИ, оставляли много неясностей. На них стрелочками показывалось, как кредиты дочерних компаний Московской области переходили в «РИГрупп», та отдавала деньги в какие-то офшоры, затем, в свою очередь, покупались квартиры в Нью-Йорке. Но тот факт, что «РИГрупп» получала и тратила деньги, мало о чем говорит. Кто знает, может, Жанна Буллок приобретала зарубежную недвижимость за счет денег из других источников?

Ясно одно: Подмосковье и его дочерние компании потеряли десятки миллиардов рублей, которые теперь надо как-то возмещать. Следы этих денег за два года расследования и реструктуризации долгов, казалось, совсем исчезли в зыбучих песках десятков мелких компаний, на которые «РИГрупп» записывала свои активы.

Их обнаружение представлялось совсем уж невыполнимой задачей – при том, что много денег все-таки потрачено на строительные проекты разной степени готовности. Но тут российские сотрудники департамента экономической безопасности МВД совершили чудо, равное которому описывается разве что в Библии. В активах компании, оцененной в миллиард рублей, они нашли аж 25 миллиардов. Как им это удалось?

Глава восьмая Неутешительные итоги

Разоблачение банды

Репортаж программы «Вести» государственного телеканала «Россия» о долгах Подмосковья может считаться эталоном телевизионной пропаганды. Без слез на это смотреть было невозможно. Вот оперативники кувалдой разбивают лежащий на улице сейф. После нескольких ударов железная стенка поддается, и заинтригованный зритель может наконец увидеть, ради чего так старались милиционеры. Из сейфа извлекают какие-то мелкие бумажки и коричневое портмоне.

«В Департаменте экономической безопасности говорят, что это тот редкий случай, когда украденное удастся вернуть государству, – комментирует бесстрастный голос ведущего, но тут же уточняет: – Здесь не “живые” бумажные деньги, здесь активы на 25 миллиардов рублей».

В кадре тем временем пересчитывают какие-то папки-скоросшиватели, руки неизвестного следователя показывают нам бумагу с надписью «простой вексель».

Вот справедливость, смотрите, она торжествует! Акции, векселя, земельные участки с загородными домами, гаражами и бассейнами, учредительная документация, долговые обязательства – все это возвращается государству по мировому соглашению, утвержденному арбитражным судом Московской области, комментатор не скрывает радости.

В кадре на мгновение мелькнул тот самый розовый дом с пихтами на лужайке – очень похожий на тот, где еще пару лет назад беззаботно прогуливалась Жанна Буллок, не скрывая своего баснословного состояния. Вот еще бассейн, винный погреб. «Различные фирмы сами признали незаконность владения этим имуществом», – говорит голос за кадром.

Но к чему же тогда цирк с разбиванием сейфа кувалдой? Телевизионщики вместе со следователями, должно быть, и правда считают зрителей глупыми людьми, неспособными самостоятельно сопоставить слова «мировое соглашение» с тем, что увидели на экране.

Но чего не сделаешь ради красивой картинки, призванной проиллюстрировать полную и безоговорочную победу оперативников ДЭБа над сбежавшими за границу Кузнецовым и Буллок.

Но хеппи-энд какой-то неоднозначный. Дело в том, что brave милиционеры не имели никакого отношения к возврату «украденных активов». МОИТК получила активы «РИГрупп» в тишине зала арбитражного суда.

Но надо же правоохранительным органам показать, что они стоят на страже интересов бюджета. Ведь они довольно давно расследовали уголовные дела по подозрению мошенничестве в отношении Буллок, Кузнецова и Носова, а также их подчиненных. При этом кроме посаженного в СИЗО бывшего замминистра финансов Подмосковья, им, в общем-то, нечем похвастаться. А тут такой повод.

Оставалась одна загадка: откуда взялась цифра в 25 млрд рублей? Во столько департамент экономической безопасности МВД оценил те активы, которые достались обанкротившейся МОИТК от компании «Росвеб-Телеком». Именно на ее балансе находились остатки активов «РИГрупп». С помощью этой сделки «Росвеб» должен был компенсировать полтора миллиардный долг подмосковной «дочке». Но после перехода активов к подмосковной компании оперативники внезапно обнаружили, что они стоят в 20 раз дороже, чем ранее предполагали управляющие из ОРСИ.

По странному стечению обстоятельств, именно в такую сумму Следственный комитет при Прокуратуре оценивал ущерб бюджету, нанесенный деятельностью Кузнецова, Носова и иже с ними. В ДЭБ говорили, что проводили оперативные мероприятия по просьбе СКП. Возможно, и сумму ущерба они взяли прямо из уголовного дела, не сопоставляя реально переданные активы с тем, что написано на бумаге.

Даже у беглого министра финансов Кузнецова куда более скромные оценки состояния его жены. В интервью он говорил, что до прихода ОРСИ активы «РИГрупп» в России стоили примерно 10 млрд рублей. При этом у компании остались также долги нескольким банкам в размере около 5 млрд рублей. И банки все еще надеялись вернуть их через суд.

Как же получилось так высоко оценить руины компании Буллок? Чтобы понять это, надо заглянуть в мировое соглашение с «Росвобом».

По нему компания возвращала МОИТК 2,7 млрд рублей деньгами, а остальные 1,5 млрд – активами. Далее следует список богатств, оставшихся от «РИГрупп», на 20 страницах. Он может поразить воображение человека, не знающего, что произошло с компанией.

Основу передаваемого имущества составляют разного рода облигации, векселя и права требования на взыскание долгов с «дочек» «РИГрупп», которые не подают признаков жизни.

Посмотрев на этот длинный перечень долгов, я, кажется, поняла, каким образом можно насчитать 25 млрд возмещенного ущерба, чтобы у следователей сошелся дебет с кредитом. Надо просто оценить все долги мертвых компаний по номинальной стоимости, как будто это идеальные заемщики, аккуратно возвращающие все кредиты. Притянуто за уши?

Но это очень характерная модель поведения для наших правоохранительных органов. Однажды я писала материал про добычу изумрудов на единственном в стране месторождении в Свердловской области. Помимо легальной добычи там с советских времен процветала нелегальная: в отвалах горной породы люди искали и находили неплохие зеленые камушки.

Но из-за того что самовольная добыча драгоценных камней незаконна, их часто ловили милиционеры. Сотрудники правопорядка также не давали спокойной жизни местным любителям самоцветов. Люди в погонах регулярно приходили в музеи камня, чтобы улучшить статистику раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных камней.

Помимо статистики им нужен был масштаб – чтобы в газетах про них написали. Эффект достигался просто. Изымали они, допустим, у коллекционера изумруд. Сам камушек был маленький, но находился в куске горной породы. Чтобы оценить нанесенный государству ущерб, милиционеры клали на весы этот булыжник с изумрудиком, потом умножали его общий вес на рыночную стоимость самых дорогих ограненных камней. Вот и получался миллиардный улов.

В случае с наследством Буллок и Кузнецова ДЭБ, вероятно, действовал также. МОИТК передали 1 097 177 облигаций первой компании «Спецстрой-2», по которым компания допустила дефолт еще в 2009 году – оперативники могли оценить их по номиналу в 1000 рублей за штуку. Получилось бы немало. Но с таким же успехом можно написать на бумажке слово «миллиард», положить ее себе в карман и на этом основании считать себя миллиардером. Это действительно поднимает самооценку, вот только богаче от этого никак не стать.

МОИТК также достались доли в компаниях «РИГрупп». У них было немало земельных участков в разных районах Подмосковья, ряд инвестиционных договоров на строительство объектов, сроки которых уже истекали. На компанию «Мособлфильм» были записаны кинотеатры. На саму «РИГрупп» – несколько десятков земельных участков, промышленные помещения и права требования долгов с ее «дочек». На «Трансавто» – несколько отечественных авто и трактор, а также десять новых квартир во Фрязино. На компанию «С-Клуб» – злополучные участки в районе Яхромы. Некоторые из них относились к охраняемым территориям.

У большинства этих активов имеется существенный недостаток – наложенный арест. Их арестовали в рамках расследования уголовных дел в отношении бывших руководителей области и МОИТК. Это означало, что продать их для оплаты долгов МОИТК сейчас нельзя. Квартиры во Фрязино принадлежали компании по предварительному договору долевого строительства от 2009 года. Сейчас дом уже достроен, и жилье в нем стоит вчетверо дороже. Возможно, право на квартиры также придется доказывать в суде.

По мировому соглашению МОИТК также достались пятнадцать иномарок 2007 года, самой представительной из которых можно считать черный Infinity M35 Elite. Но весь этот автопарк все равно не тянул на миллиарды.

Главный должник России

А ведь МОИТК, равно как и области, нужны были не победные реляции силовиков, а «живые» деньги, которые она могла бы пустить на оплату долгов. В декабре 2010 года федеральный Минфин составил рейтинг финансового положения регионов России и качества управления их финансами.

Стоит ли говорить, что Московская область плелась в конце? Основная проблема региона – беспрецедентный уровень долговой нагрузки. В 2009 году на платежи по кредитам уходило 74% от доходов бюджета. Самый высокий показатель в стране. Обычно эта цифра колеблется в районе 20%. Что это значит? А то, что вместо социальных программ, поддержки малоимущих область раздавала долги.

Все, что она могла собрать в виде налогов с местных предпринимателей, построивших торговые центры вокруг МКАДа, со своих жителей, работающих преимущественно в более богатой Москве, уходило на оплату ошибок чиновников.

По данным на 1 января 2011 года государственный долг области составлял 147 млрд рублей. Впрочем, за год он сократился почти на 20 млрд рублей – область в основном гасила кредиты банкам, в том числе и иностранным, отдавала долги по облигациям и гарантиям, предоставленным регионом по чужим долговым обязательствам.

Зато объем бюджетных кредитов в 2010 году только рос. За год область привлекла еще около 22 млрд рублей из бюджетов разных уровней, увеличив общий объем до 50 млрд рублей. В основном речь шла о вливаниях из федерального бюджета.

Минфин понимал, что не стоит загонять область в долговую яму. Невыплаченные иностранным банкам кредиты могут негативно отразиться не только на репутации региона, но и страны в целом. Несмотря на то что в кризис перестала пускать на порог представителей мировых рейтинговых агентств, ситуация с долгами в ней могла повлиять на кредитные рейтинги.

Западные финансисты, некогда вкладывавшие деньги в подмосковные долговые бумаги, обладают немалым весом на мировой арене. Стоит рассказать им о том, что Центральный российский регион не платит по счетам, как планы превратить Россию в международный финансовый центр станут совсем уже трудновыполнимыми.

В 2009 году Минфину стало понятно, что области придется помогать, и много. Уже тогда она получила около 10 млрд рублей финансовых вливаний. Речь шла не только о бюджетных кредитах, но и о безвозмездной финансовой помощи. До кризиса о такой форме поддержки даже речи не заходило.

Замминистра финансов Антон Силуанов тогда признавал: область могла бы и сама исполнить свои обязательства, «правда, с большим опережением по расходам». Говоря простым языком, она бы стала заложником кредиторов на много лет.

Случилось бы то, чего так опасался губернатор Громов в начале своей подмосковной карьеры.

И не без его участия.

Нельзя обвинять во всем только экс-министра финансов Кузнецова. Напомню, что на документе о создании дочерних компаний Московской области стояла подпись губернатора. Решения о предоставлении публичной оферты по облигациям МОИА принимала Мособлдума, ее же депутаты своими постановлениями выкупали у строителей многочисленные дворцы спорта. А ведь без всего этого область могла обойтись.

Подмосковные власти подвело желание показать размах своих свершений. Губернатор Громов, много лет не разговаривавший со своим московским коллегой Юрием Лужковым, вероятно, надеялся утереть ему нос, построив в области множество уникальных объектов.

Кое-что сделать удалось. Горнолыжная траса с искусственным снегом есть в богатых нефтью Арабских Эмиратах, а посреди колхозного поля близ подмосковной деревни Парамово стоит санно-бобслейная.

Но помимо уникальных объектов, области достались и уникальные долги. В начале своей работы в регионе Громов и его команда потратила немало сил, чтобы развязаться с долгами предшественника. Напомню, они составляли всего около 12 млрд рублей. Должно быть, теперь подмосковному Минфину эта сумма покажется чем-то смешным и незначительным.

Масштаб долгового бедствия в 2010 году в десять раз больше. Единственная надежда подмосковных чиновников – Белый дом. «Во время пиков выплаты долгов Минфин подставит области свое финансовое плечо», – обещал Силуанов.

И действительно: денег на оплату долгов у области хватило. Ей удалось не стать банкротом, не пошатнуть доверие иностранных инвесторов к долговому рынку России в целом. Но какова цена?

С начала кризиса подмосковный бюджет ушел в режим жесткой экономии. Подмосковные финансисты не останавливались не перед чем, чтобы заплатить долги.

Финансы после Кузнецова

В конце 2010 года Счетная палата России обнародовала доклад об особенностях межбюджетных отношений в Московской области и некоторых ее районах. Мне довелось читать немало отчетов этого ведомства, но то, что они написали про Подмосковье, можно смело отнести к жанру финансового триллера. В том смысле, что от его прочтения просто дух захватывает.

Аудиторы Счетной палаты, как правило, довольно сдержаны в оценках. Но, видимо, объект для изучения попался такой, что написать по-другому они просто не сумели.

Они выяснили, что дефицит консолидированного областного бюджета, включающего в себя бюджеты всех муниципальных образований в 2009 году составил почти 13 млрд рублей. После кризиса подмосковные предприниматели стали меньше зарабатывать, соответственно, поступления от налога на прибыль упали по 28%.

Но основная проблема даже не в этом. Помимо задекларированного, у Московской области образовался скрытый дефицит. Это значило, что область обещала заплатить, но не смогла из-за отсутствия средств. В 2008 году он составил 8,9 млрд рублей, в 2009 – 6,4 млрд.

При этом федеральный центр, как и обещал, снабжал область деньгами. По данным Счетной палаты, в 2009 году область получила 54 млрд рублей трансфертов. И все равно денег не хватало. Помимо оплаты долгов, область должна помогать районам, которым постоянно не хватало денег на исполнение социальных программ.

К концу 2009 года кредиторская задолженность региона составляла 12 млрд рублей, из которых 5 млрд были уже просрочены.

Государственный долг области рос как на дрожжах. Если в начале 2008 года он составлял 62,5% к ее собственным доходам, то через год вырос до 84,6%, а еще через год – до 93,2%, что составляет 175 млрд рублей. Это абсолютный рекорд для всех регионов России. Даже самые депрессивные территории и беспокойные южные республики не показывали таких цифр.

Что к этому привело? Аудиторы указывали, что виной всему предоставление в 2008 и 2009 годах гарантий дочерним компаниям в нарушение Бюджетного кодекса. Предоставление этих гарантий происходило без анализа финансового состояния их получателей. При этом в договорах не прописывалась возможность предъявления регрессных требований в случае, если Московской области придется платить по гарантиям. Кроме того, аудиторы обращали внимание, что у бюджета и так достаточно неурегулированных гарантийных обязательств перед кредиторами ее разорившихся «дочек». Всего в 2009 году область должна была выплатить по ним 25 млрд рублей, в том числе 1,5 млрд – по свежим гарантиям, подписанным уже после бегства Кузнецова.

Только по долгам МОИТК область заплатила банкирам почти 33 млрд рублей. При этом выставлять регрессные требования к подмосковной корпорации, то есть подавать на нее в суд иск о компенсации этих убытков, область не торопилась.

В 2009 году Подмосковье также расплачивалось по долгам ИКМО, областных предприятий «Мострансавто» и «Наследие». Первым долгое время руководил министр транспорта региона Петр Кацев, второе участвовало в строительстве «дома-громоотвода».

Почему же Подмосковье исполняло обязательства своих «дочек», даже в обход Бюджетного кодекса? Дело в том, что в кредиторах у них числились «Сбербанк», «Банк Москвы», «Уралсиб» и «Альфа-банк». Это влиятельные коммерческие учреждения, которые умеют добиваться своего. Если в начале 2000-х главной проблемой области был не самый заметный на рынке «Гута-банк», к которому можно было и милицию послать, то теперь она была должником таких людей, которые сами могут устроить кому угодно большие непри-

ятности. К примеру, сотрудники «Альфа-банка» славятся своей любовью к судебным процессам.

Один из основателей этой финансовой группы Михаил Фридман говорил, что для эффективной работы с партнером или контрагентом нужно с ним судиться. Его банк одним из первых стал подавать иски против должников во время обвала рынков в 2008 году. По его искам арестовали часть имущества «РИГрупп». Думаю, если бы Громов дал Фридману повод, тот и на Московскую область подал бы в суд иск о банкротстве.

В марте 2009 года, когда пошли дефолты у областных «дочек» Подмосковье в нарушение Бюджетного кодекса выдало поручительство на кредит в 1,2 млрд рублей, выданный «Сбербанком» МОИТК. Уже тогда корпорация была должна областному бюджету более 800 млн рублей. На ней также висели невыплаченные гарантии других областных кредиторов на 20 млрд рублей.

В итоге расходы области на исполнение гарантий из-за неплатежеспособности должников в 2009 году составили почти 45 млрд рублей, то есть четверть от всех доходов бюджета.

«Фактическое устранение Минфина области от контроля за целевым расходованием бюджетных ресурсов, в обеспечение которых были предоставлены гарантии, создало условия для дополнительных расходов областного бюджета», – писал аудитор Сергей Рябухин в своем отчете.

По его мнению, местные чиновники были неосмотрительны и при выделении бюджетных кредитов. Они выдавались без высоколиквидного обеспечения и без оценки финансового состояния должника. В итоге разного рода юрлица должны были области еще 3 млрд рублей.

Счетная палата сочла сам факт создания МОИТК нарушением Бюджетного кодекса, так как корпорация по сути была наделена полномочиями органа исполнительной власти: она предоставляла финансовую помощь районам области, которые были должны энергетикам, финансировала за свой счет строительство социальных объектов, хотя это совершенно не дело коммерческой компании.

«Для выполнения социально-экономических и финансовых задач по развитию области была создана коммерческая структура, на формирование уставного капитала которой были израсходованы значительные бюджетные средства», – говорилось в отчете. Область продолжала выделять их и в дальнейшем, уже после отставки Кузнецова.

В апреле 2009 года область перечислила корпорации 10 млрд рублей на оплату дополнительного выпуска акций МОИТК. Выпуск не состоялся. Почти 8 млрд рублей вернулись в областной бюджет, а еще 2 млрд – растворились в недрах корпорации.

Сотрудники подмосковного Минфина не торопились требовать деньги назад. Впрочем, по данным отчетности МОИТК за второй квартал 2009 года на ее счетах оставалось всего 7 млн рублей. «Начатая в августе 2009 года процедура банкротства МОИТК сделала возврат средств маловероятным», – признала Счетная палата.

Впрочем, ее исследование не ограничивалось исключительно деятельностью МОИТК. Она выяснила, что подмосковные депутаты являются всего лишь «квартирантами».

В 2000-х годах решено было переселить Мособлдуму из тесного здания на Старой площади, которое она делила с областными министерствами, на проспект Мира. Подходящее помещение нашлось у компании «ЦЭРИТ-Инвест». Дом номер 72 планировался как бизнес-центр, потом в нем долгое время работало варьете. По иронии судьбы этот дом оказался подмосковным чиновникам подходящим местом работы для депутатов. Естественно, нужно было его отремонтировать, превратить сцену в зал заседаний, а гримерки – в кабинеты народных избранников.

Заняться этим могла бы МОИТК. Она и выкупила здание у «ЦЭРИТ-Инвеста». Но не сами площади, а две дочерние фирмы, которые держали их на балансе, – «ЦЭРИТ-Эстейт» и «ЦЭРИТ-Строй». Денег на все не хватило, поэтому МОИТК осталась должна «ЦЭРИТ-Инвесту» за «ЦЭРИТ-Строй» примерно 120 млн рублей.

После завершения реконструкции Мособлдума переехала в новое здание. Правда, оно почему-то не перешло в собственность области, а так и осталось висеть на балансах двух ЦЭРИТов. Чтобы оправдать работу депутатов в чужом здании, область взяла его в аренду. И это не единственное арендуемое помещение.

По данным Счетной палаты, общие расходы подмосковного бюджета на оплату недвижимости в 2009 году составили более 300 млн рублей. Договор с «ЦЭРИТ-Строем» область заключила всего на четыре месяца, с начала сентября и до конца года, тут же заплатив ей за 3000 квадратных метров 25 млн рублей арендной платы.

Со своей «дочкой» «ЦЭРИТ-Эстейт» область сотрудничала на протяжении трех лет. За одиннадцать месяцев 2010 года компания получила 42,5 млн рублей за 14 000 квадратных метров площади (по 3,8 млн рублей в месяц).

Но это еще что! В 2007–2009 годах арендные ставки были намного выше – раз в шесть. Во время кризиса областное правительство снимало часть отреставрированного МОИТК здания по ставке 650 долларов за квадратный метр в год, тогда как шикарный офис в центре Москвы можно было снять вдвое, а то и втрое дешевле. Согласно отчету Счетной палаты, оценку рыночной величины арендной ставки чиновники не проводили – все определял договор с их же дочерней компанией.

Если верить отчету Счетной палаты, за три года область перечислила за аренду около 500 млн рублей.

В принципе такая схема довольно распространена в бизнесе. Компании выводят за баланс часть своего имущества и потом его арендуют у подконтрольных им же компаний. Владельцам все равно: они, по сути, перекадывают деньги из кармана в карман. Но сумма налога на прибыль при этом уменьшается из-за увеличения затрат на аренду. Правда, налоговая полиция давно уже научилась отлавливать подобного рода умельцев.

Регион налогов не платит, ему, казалось бы, незачем куда-то выводить часть своих денег, но в бюджете каждая копейка на счету. В любой момент может прийти аудитор Счетной палаты, посмотреть документы и отправить представление в прокуратуру.

А за деятельностью небольших фирмочек, следят куда менее строго. Чем еще занимались «ЦЭРИТы», помимо сдачи в аренду жилья и кредитования подмосковных «дочек» – непонятно. Несмотря на то что все они являлись открытыми акционерными обществами, их отчетности нигде не видно. Может, она тоже издавалась ограниченным тиражом районной газеты – кто знает.

Кстати, вначале 2010 года «ЦЭРИТ-Эстейт» была ликвидирована. По некоторым данным, ее часть Мособлдумы наконец-то перешла на баланс области.

При этом договор об аренде на 2010 год с «ЦЭРИТ-Эстейт», делами которой с января занималась ликвидационная комиссия, не был ни отменен, ни перезаклучен. Область почти год арендовала площади у компании, которая перестала работать.

С «ЦЭРИТ-Строем» все оказалось еще сложнее. МОИТК так и не отдал 120 млн рублей долга компании «ЦЭРИТ-Инвест».

Поручителем по этому кредиту была компания «ЦЭРИТ-Строй», владеющая 3000 квадратными метрами здания Мособлдумы. Сначала «ЦЭРИТ-Инвест» пыталась добиться возврата долга у трастовой компании. Но та уже находилась в стадии банкротства, и получить деньги представлялось затруднительным.

Тогда юристы «ЦЭРИТ-Инвест» подали иск к поручителю – компании «ЦЭРИТ-Строй». Возвратить долг она тоже не смогла. И тогда кредитор решил ее обанкротить. По

сведениям юристов, на балансе компании находится только шестая часть здания Мособлдумы. Что с ними будет, пока непонятно. Думаю, область все же не допустит, чтобы их продали с молотка. Чтобы этого избежать ей, вероятно, придется гасить еще и этот долг.

И это не единственная проблема с областной недвижимостью, на которую обратила внимание Счетная палата. Тот же «дом-громоотвод» был полностью готов в 2007 году. Стоимость строительства по документам составляла около 9 млрд рублей. Здание возводило ГУП «Наследие» на деньги МОИТК, которые она брала в кредит. Потом корпорации компенсировали затраты из областного бюджета, включая проценты по займу, что вообще-то не согласуется с правилами бюджетной экономии.

Вдобавок в 2007–2009 годах «Наследие» получило от областного минимущества еще 2 млрд рублей за строительство уже, казалось бы, построенного здания.

На поддержку венчурных проектов малых предприятий в научно-технической сфере область с 2005 года потратила намного меньше – всего 142 млн рублей. Но как! По договору с Минэкономразвития она создала областной фонд развития венчурных инвестиций, которые тогда как раз входили в моду. Два года эти деньги провалялись без дела на депозитном счете фонда. В 2007 году за них взялась управляющая компания «Тройка-Диалог». В то время она выступала соорганизатором размещения подмосковных облигационных займов, ее сотрудники писали для инвесторов отчеты о блестящем будущем региона. «Тройка» внесла деньги области в закрытый паевой фонд, который профинансировал две инновационные компании – «Инспектор» и «Терасенс». Последняя получила 54 млн рублей на разработку камеры на основе микрочипа, которая «видит», что находится внутри стены, грунта или тела человека.

За два года фонд заработал около 5 млн рублей «“Тройка-диалог” не обеспечила выгодного вложения средств, так как доходы на 2008 год составили всего 1,8%, а в 2009 году – 1,9% общего объема вложенных средств», – писали аудиторы.

Дурной пример

Видя, как распоряжаются деньгами областные чиновники, районные власти следовали их примеру. Так, руководство города Клин потратило на премии местным милиционерам и сотрудникам областного управления федеральной службы по исполнению наказаний, а также на ремонт центра занятости около 4 млн рублей из областного бюджета. Все бы хорошо, но деньги на это должны выделяться из бюджетов других уровней, так как работа указанных ведомств не относится к компетенции городских властей.

Еще 200 млн рублей администрация Клинского района потратила на покупку у «РИГрупп» площадей в построенном компанией Жанны Буллок бизнес-центре. Для этого из бюджета района она перечислила деньги одному из своих МУПов, якобы на «финансирование кассовых расходов». В тот же день эти деньги перевели на счет «РИГрупп». Хотя район не давал МУПу полномочий покупать недвижимость.

Кроме того, местные власти, заключавшие инвестконтракты на строительство двух домов, после их сдачи забыли забрать долю города в них. Из-за этого район не получил 840 квадратных метров жилья на сумму около 420 млн рублей, указывала Счетная палата.

По ее данным, администрация Каширского района в 2010 году заключила 385 договоров на право аренды более двух тысяч гектаров местной земли по итогам приема заявлений от желающих. Объявления о сдаче в аренду публиковались в местной газете, и как ни удивительно, на них откликались только люди, которые впоследствии их снимали – «обращений от других заинтересованных лиц не поступало».

По идее, земля должна была бы распределяться на конкурсной основе, но в 2009 году район заключил только 22 договора по итогам аукциона.

Весной 2009 года губернатор Громов вместе с руководителем администрации президента Сергеем Нарышкиным приехали в Рузу. Они должны были открыть там очередной огромный спорткомплекс. «Русское чудо» – так писала о нем областная пресс-служба. Спорткомплекс с тремя бассейнами, тренажерным залом, рингом и батутом был для небольшого подмосковного городка чем-то невиданным.

Строительство его началось в 2006 году. Как выяснила Счетная палата, местный МУП, который занимался его возведением, начал работы без утвержденной сметы и разрешения на строительство.

Спорткомплекс строился на кредиты МОИТК. Для их погашения в 2009 году область выделила району 922 млн рублей. Еще 100 млн пришлось вернуть банку «Возрождение», который также кредитовал стройку. Еще около 700 млн ушли обратно в Минфин на погашение бюджетного кредита. Всего на возведение комплекса, аналогов которому нет в России, ушло 1,8 млрд рублей областных денег. Почему строительство такого рода объектов брала на себя область, у которой в 2009 году бюджет уже трещал по швам? Быть может, понты, как обычно, оказались дороже денег?..

Впрочем, и в деньгах некоторые районные чиновники себя не ограничивали. Счетная палата обнаружила, что в том же тяжелом для области 2009 году глава подмосковного города Луховицы, а также руководитель местного совета депутатов выписали себе дополнительные бонусы к зарплате на общую сумму в полмиллиона рублей.

Да, по сравнению с потерями области от долговой пирамиды это сущие копейки. Но пример районных властей показывает, что дело не только в сбежавшем за границу министре финансов. Вся система органов власти региона, от самых высоких чинов до самых низших, имеет изъяны. После смены руководства финансового блока подмосковного правительства значительных перемен не произошло. Построенная Кузнецовым система дочерних компа-

ний обладала колоссальной инерционной силой. Такой, что даже без него продолжала работать, высасывая деньги из бюджета области.

Все незавершенные проекты надо достроить, все кредиты вернуть. Денег на это нет. Квалифицированных специалистов тоже упорно не хватает. Судя по отчету Счетной палаты, некоторые дела просто спустили на тормозах, потеряв на этом еще немного бюджетных денег или имущества.

В последний год на Московскую область как-то очень некстати обрушились и другие несчастья, которые невозможно было предугадать. На устранении их последствий подмосковные чиновники могли показать себя во всей «красе».

Все в дыму

Лето 2010 года выдалось невероятно жарким и засушливым. В начале сезона москвичи еще радовались ясной солнечной погоде, которая вопреки установившейся традиции не прерывалась дождями уже месяц, но жители южных районов Подмосковья уже предчувствовали беду.

«Скоро Шатура задымится, – с тревогой говорили они, – долго тушить будут». Их опасения вскоре оправдались. Осушенные много лет назад подмосковные торфяные болота через полтора месяца засухи начали активно тлеть.

Сначала казалось, что ничего страшного не происходит: подумаешь, где-то горят леса и торфяники. Такое случается каждый год, но масштаб бедствия все увеличивался и увеличивался.

Сначала дымом заволочло Шатурский район, потом – Коломенский. В столице только и разговоров было о видах защитных масок и о том, куда же смотрит мэр города Юрий Лужков.

Подмосковного губернатора Громова, на территории которого и происходили пожары, никто особо в расчет не принимал. Злые языки отправляли его в отставку вот уже несколько лет. А он все сидел на своем посту. Все понимали, что бывший боевой генерал сейчас мало что может сделать. И дело не только в том, что бороться со стихией и аномальной жарой ему было не под силу.

Вот ведь парадокс, когда дело касалось дорогостоящих имиджевых проектов, вроде строительства спорткомплекса за областной счет, регион всегда был в первых рядах. Но стоило случиться чему-то непредвиденному, как руководство Подмосковья, да и все его жители, начинали уповать на федеральные власти.

В августе за тушение пожаров в центральной России взялся самый проверенный человек. Владимир Путин с борта самолета-амфибии сбросил несколько тонн воды на горящие торфяники в соседнем с Подмосковьем регионом, где тоже полыхали леса.

Льстецы тут же заговорили о том, что на месте сброса той самой воды расцвели цветы и зазеленели деревья. В это время Громов предложил бороться с проблемой радикально – дать ему еще немного денег. На этот раз – на обводнение торфяников.

То, что давно заброшенные торфяные месторождения являются источником постоянной пожарной опасности, знают все, но профилактикой пожаров подмосковные власти не особо занимались. Причина банальна – в бюджете нет денег. После того, как федеральный центр согласился помочь, в главном финансовом документе региона появилась специальная целевая подпрограмма по обеспечению пожарной безопасности населения области. На нее в 2011 году потратят 250 млн рублей.

Об окончательной победе над огнем Громов объявил лишь в ноябре. «Эпопея с их тушением продолжалась четыре месяца», – говорил он. Губернатор рассказал, что этим летом в Подмосковье произошло более 2500 пожаров на 5500 гектарах в 30 районах области.

От огня пострадало 10 многоквартирных домов, 70 частных строений, а деревня Моховое Луховицкого района сгорела полностью.

«Мы сейчас практически должны заново создать мощную и мобильную систему для действий, а еще точнее – для противодействия ударам стихии», – по-военному рассуждал губернатор.

В чем же состоит его гениальный план? Создать в Мякининской пойме «центр по управлению в кризисных ситуациях». Он должен бороться с любыми стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями.

По сути, предлагается направить усилия на создание командного пункта, который будет за всем следить. Что же касается причины пожаров – бесхозных торфяников, то план

их обводнения, на которое Путин выделил 300 млн рублей, за несколько месяцев еще не составлен. В конце концов приближалась зима, и он стал не так актуален.

Стоит добавить, что локальные возгорания в подмосковных лесах продолжали возникать вплоть до середины декабря, вопреки словам губернатора.

В темноте

Казалось бы, опасность миновала, и областным властям можно расслабиться. Федеральный бюджет помогает им с долгами, оплачивает обводнение торфяников. Вроде никаких больше проблем возникнуть не должно. Но Подмосковью отчаянно не везет. Не успели догореть местные торфяники, как на регион обрушился редкий для наших широт ледяной дождь.

В морозную погоду капли дождя практически мгновенно застывали, превращаясь в толстую ледяную корку на ветках деревьев и линий электропередач.

Старые провода и опоры не выдержали ледяного груза и начали обрываться. Ситуацию усугубили и падающие на провода обледенелые деревья: о просеках вокруг линий электропередач почему-то в последние годы забыли. В итоге целые районы области погрузились во тьму.

В канун праздника 31 декабря 2010 года губернатору Громову было не до веселья. Его, а также министра энергетики Сергея Шматко вызвал к себе на ковер Владимир Путин.

За несколько дней до этого Громов докладывал, что все районы к свету подключены, но реальность упорно не желала соответствовать его словам.

Надо понимать, что в подмосковном частном секторе в темноте сидели отнюдь не деревенские старушки, которые еще помнят, как жить при свете лучины. Без электричества остались коттеджи уважаемых людей, собиравшихся провести там новогодние праздники в кругу семьи.

Тысячи простых жителей Подмосковья молчать не собирались. Их реакцию на происходящее можно было наблюдать на тематическом интернет-форуме «Энерговопрос.ру»:

«Нет отопления и освещения, за водой надо идти в ближайший водоем. Мобильные телефоны разряжены (звонки местным функционерам и энергетикам начаты с момента аварии). Начальник кубинских электросетей г. Шляпкин Виктор Николаевич заявки принимать отказывается и на фоне бодрящей музыки спокойно говорит о том, что восстановлением ему некогда заниматься и не его это дело. Власти! Придите же наконец на помощь! Или жизнь народа это тоже не ваше дело?»

И таких обращений были десятки и сотни. «По телевизору врут про 20 000 человек и уже празднуют новый год, – негодовал один из участников форума. – Пир во время чумы! Ау, люди! Вернитесь к реальности!»

Вероятно, голос этих людей был услышан «где надо». Путин строго отчитал губернатора и энергетиков за недостаточную расторопность, а в наказание посоветовал им встретить Новый год в темных подмосковных деревнях. Ослушаться премьера никто не осмелился.

Новый 2011 год губернатор Громов встретил по пути из деревни Курово, где к тому времени уже включили свет, в деревню Акатово.

Он извинялся перед жителями, обещал помочь всем, но ему не верили.

«По телевизору трюндят, что на 1 января везде включили электричество, Громов отпартовал, – писали на интернет-форуме. – Вранье! Уличное освещение есть, а в домах – нет, кто как может, тот так и выживает».

Пользователи Интернета также рассказывали, что в окрестностях деревни Курово, где на Новый год к приезду губернатора дали свет, через несколько часов вновь его отключили.

Поток жалоб не прекращался все праздничные дни, люди рассказывали, как растапливают снег, чтобы умыться, как мерзнут дети.

Второго января губернатор решил ввести режим чрезвычайной ситуации в 18 из 36 районов области, а также в четырех городских округах. На полувоенном положении в празд-

ники оказались жители Шатуры, Раменского, Реутова, Домодедова, Химок и других городов и поселков.

Ремонтные бригады приезжали даже из других городов. Восстановить электроснабжение большинства населенных пунктов удалось только через три недели после ледяного дождя.

Примечательно, что полностью отремонтировать энергосети власти обещали только к следующей осени.

«Надеюсь, что горький опыт, который мы приобрели, даст возможность в том числе и законодательно поправить некоторые пробелы для того, чтобы впредь у нас так происшествий не было», – отметил давний соратник и однофамилец губернатора Василий Громов. Подмосковные чиновники признавали: к сложившейся в Подмосковье ситуации привели не только недостаточно широкие просеки, но и изношенность линий электропередач, которые длительное время никто не менял. Области также не хватало высокопроходимой спецтехники. В итоге информагентства рассказывали, как энергетики уже которые сутки не могут добраться до труднодоступных районов обрыва проводов. И это происходило в нескольких десятках километров от Кремля, а не в глухой тайге.

Проблемой улучшения качества электросетей подмосковные власти пытались заниматься давно, но не слишком успешно. Вообще, в Европе вероятность подобного блэкаута была бы ниже, потому что там от висящих в воздухе линий электропередач давно отказались. Европейцы прокладывают кабель в земле – это дороже, но намного надежнее. В наших условиях это могло бы уберечь сети не только от обрыва ледяным дождем, но и от вандалов, которые зимой воруют провода на металлолом.

Однако область решила сосредоточить свои усилия на строительстве новых энергоподстанций.

Надо сказать, что из-за активного развития региона в прошедшие десять лет в области наблюдается постоянный дефицит мощностей. И это неудивительно: Подмосковье было вторым после Москвы регионом по энергопотреблению. При этом новых подстанций практически не появлялось. Решением этой проблемы должна была заниматься «дочка» МОИТК «Энергоцентр».

Эту компанию создали в 2005 году по постановлению подмосковного правительства. Борис Громов по предложению Алексея Кузнецова решил это сделать «в целях повышения надежности и устойчивости электроснабжения Московской области». Учредителями выступали МОИТК и федеральная сетевая компания «Единые энергетические системы» (позже – «Московская областная электросетевая компания»). В уставный капитал новой компании «Мособлтрастинвест» внес миллиард рублей.

Ее задача состояла в строительстве энергоподстанций на территории области. Впоследствии они, как и другие социально значимые объекты в схемах Кузнецова, должны были передаваться на баланс тем, кто ими занимается, в частности, МОЭСК. Областные власти не отвечают за энергоснабжение региона – это область деятельности сетевых компаний типа МОЭСКа. Им и должен продавать построенные объекты «Энергоцентр».

Предполагалось, что «Энергоцентр» построит 14 энергоподстанций, способных обеспечивать электричеством жителей Жуковского, Фрязина, Железнодорожного, Коломны, Каширы, Лобни, Подольска и других городов и районов области.

На проект планировалось потратить почти 12 млрд рублей. Впоследствии энергетики планировали компенсировать эти деньги, взимая плату за присоединение к новым подстанциям.

Не секрет, что из-за нехватки мощности подключить электричество в любом здании – огромная проблема.

Люди годами ждут решения энергетиков, платят немалые деньги, чтобы только иметь возможность включить дома свет. «Энергоцентр» мог сократить время ожидания и решить многие проблемы.

Для этого нужно было сначала где-то найти деньги на строительство. Невозможно заставить потребителей платить за подключение к несуществующей станции.

Министр финансов Московской области решил эту проблему, как всегда, за счет привлечения заемных средств. «Энергоцентр» разместил облигации на 3 млрд рублей в 2007 году и начал строительство. К 2008 году удалось достроить только две подстанции – в Мякининской пойме и Коломне. Остальные предполагалось закончить через год.

Но этим планам не суждено было сбыться. В начале 2009 года компания «Энергоцентр», как и другие «дочки» и «внучки» областного правительства, допустила дефолт по облигациям: она не смогла выплатить очередной купон.

Гарантом по ним выступала МОИТК, у которой и без того имелось много проблем. Деятельность «Энергоцентра» начала затухать, стройки остановились. В августе 2010 года один из кредиторов, банк «Петрокоммерц», подал заявление о его банкротстве.

Ни о каких новых подстанциях уже не могло идти речи. Но все же региону нужны дополнительные мощности, а также компания, которая возьмется их возвести.

Место «Энергоцентра» в стратегии развития энергетического хозяйства региона в 2009 году заняла компания «Синтез Групп». Не надо путать ее с группой «Синтез», которой владеет сенатор Леонид Лебедев. В отличие от той крупной корпорации, владеющей нефтяными, газовыми и энергетическими компаниями, эта скромная фирма зарегистрирована в подмосковном поселке Красково (его жители тоже сидели без света в Новый год). Ничем, кроме строительства подстанций для нужд области, она не занимается.

До 2014 года компания планирует возвести 15 или даже 17 подстанций в разных районах за счет собственных и кредитных средств.

Откуда деньги? Возможно, их даст один из учредителей британской компании Richfield Asset Management, которая до этого занималась газификацией деревень в Восточной Европе, а также управляла сетью передвижных аптек в столице. Но пока ни об одном завершенном проекте энергоподстанции в Подмосковье «Синтез Групп» не докладывала.

Падение «Сатурна»

На фоне небывалых пожаров и перебоев с электричеством плачевное финансовое состояние подмосковных спортивных команд казалось не такой уж страшной трагедией, но только не для болельщиков.

В январе 2010 года поклонники подмосковного футбольного клуба «Сатурн» устроили пикет. К стадиону в Раменском пришли около 80 человек с флагами клуба. Они требовали не закрывать команду. Ведь это гордость Подмосковья. Они растянули флаги клуба, начали выкрикивать речевки, но дежурившие неподалеку сотрудники милиции тут же пресекли митинг: около половины его участников отправилось в отделение.

А ведь все так красиво начиналось. В 1998 году команда, основанная через год после Великой Отечественной, – в советское время она называлась «Снайпер», – пробилась в высший дивизион чемпионата России по футболу. Клуб любили не только болельщики, но и руководство области, пытавшееся создать ей все условия для успеха. Еще до прихода Громова у нее появилась шикарная тренировочная база в Раменском.

В 2000-х годах команда также включилась в процесс получения кредитных денег. Финансовые вливания явно положительно сказывались на уровне игры: в 2007 году «Сатурн» занял пятое место на чемпионате страны. Довольно большой скачок для команды, которая еще десять лет назад была явлением районного масштаба.

Но именно кредит на 803,7 млн рублей от МОИТК оказался для клуба роковым. Корпорация выкупила его у компании «АФ Медиа Холдинг» миллиардера Алишера Усманова по требованию правительства области. И команда действительно была щедра с футболистами.

Вратарь Антонин Кински получал более миллиона долларов за сезон и почти по миллиону рублей за каждое очко, набранное командой. Игрок Андрей Каряка – около 70 млн рублей за год. А капитан команды Алексей Игонин – 1 млн долларов и бонус в 144 000 рублей за каждый выход на поле. При этом выплаты футбольным агентам иногда достигали почти 100% от суммы контракта игрока.

После кризиса у клуба потребовали вернуть кредит. Но оказалось, что в его активе – только несколько спортивных тренажеров, служебных машин, оргтехника да громкое имя. Даже тренировочная база принадлежала не ему, а одноименному муниципальному предприятию. Вскоре начали задерживать зарплату игрокам, хотя область выделила 755 млн рублей только в 2009 году.

В декабре 2010 года футбольный клуб вынужден был отказаться от участия в чемпионате страны. Через полтора месяца суд постановил вернуть 803,7 млн рублей МОИТК – перспектива банкротства команды стала более чем реальной.

Спасти клуб пытались многие. Болельщики хотели найти инвестора, который бы выкупил клуб у Московской области. На прием к губернатору и региональным спортивным функционерам ходили многие влиятельные люди и просили помочь. Болельщики даже записали видеообращение к губернатору, прося его защитить их и выполнить слово офицера, но он ничего не ответил.

Казалось, команду согласен купить литовский банкир российского происхождения Владимир Романов, уже имевший дело с футбольными командами в Литве, Белоруссии и Шотландии. Но и ему не удалось совладать с подмосковными чиновниками. Говорят, спасение команды он расценивал как гарантию поддержки его бизнеса в регионе, а также получения футбольных объектов недвижимости в Раменском. Но ему были готовы продать только гордое имя команды и ее долги. Переговоры зашли в тупик. Тем временем место в высшей лиге заняла команда «Краснодар», принадлежащая владельцу сети магазинов «Магнит» Сергею Галицкому. Футболисты стали искать себе другие места работы.

Но «Сатурн» – отнюдь не уникальное для области явление. Помимо этого футбольного клуба, Московская область владеет еще дюжиной профессиональных спортивных команд. На их содержание в 2009 году она потратила более 3 млрд рублей. Именно им областное правительство отдавало приоритет в финансировании. Так, на поддержку детских спортивных школ пошло только 468 млн рублей – 8% от всех спортивных расходов области за год.

Большая часть бюджетных денег, выделяемых профессиональным командам, идет на оплату труда их участников и тренеров. К примеру, в случае с «Сатурном» на зарплату уходило 99% средств, футбольный клуб «Химки» тратил на это немного меньше – 98,5%, баскетбольный клуб «Видное» – 92,6%, а Профессиональный волейбольный клуб Московской области – 96,2%.

Все это бюджетные субсидии, основное условие которых – софинансирование содержания клубов. Но сами клубы, по данным Счетной палаты, вкладывали в свое развитие куда меньше, чем обещали.

Хоккейный клуб «Химки» пустил на оплату труда всего 4% своих денег, остальное компенсировалось за счет субсидий. При этом зарплаты хоккеистов, как и в «Сатурне», были немаленькие. Тренер получал оклад в 913 000 рублей. По итогам 2009 года особо отличившиеся хоккеисты получили премию до 15 млн рублей. Опять же из бюджета.

Если в других регионах местные власти часто пытаются подыскать спонсоров для профессиональных команд, чтобы те не висели камнем на бюджете, то Подмосковье явно хотело справиться со всем своими силами.

Заключение

Справиться своими силами подмосковным чиновникам не удалось. Равно как и совладать с огромным долговым комом, в создании которого они сами приняли деятельное участие.

Чтобы ни говорили про «мошенника» Кузнецова, обманувшего областное правительство вместе с депутатами Мособлдумы, он не смог бы справиться один. Да, у нас принято во всем искать виноватого. В случае с Московской областью таковой давно уже перебрался за границу и стал недосыгаем.

Остальные сотрудники подмосковного правительства вместе с его главой как бы ни при чем. Но оценка финансового состояния региона говорит об обратном: без Кузнецова его дело живет. Уже после его бегства область продолжала выдавать гарантии по ничем не обеспеченным кредитам, лавировать между банкирами и федеральным Минфином.

Да, она не угодила в число банкротов, но это вовсе не заслуга местных властей, а скорее милость федеральных. У меня есть подозрение, что именно умение договариваться с вышестоящими людьми является самым надежным активом подмосковных чиновников.

Именно благодаря ему у дома в Мякининской пойме так долго не меняется хозяин. Вот уже отправлен в отставку некогда могущественный Юрий Лужков. Порядки в Москве стремительно меняются, увольняют людей, чье положение еще недавно казалось незыблемым.

А в Подмосковье не происходит ничего. Если не считать природных катаклизмов, бюджетного кризиса длиной в три года и странных сделок с недвижимостью.

Но пример бывшего московского градоначальника показал, что не бывает несменяемых глав регионов. Просто у каждого свой срок. Однажды критическая масса подмосковных проблем перевесит «наверху» симпатии к областному правительству, и его не станет.

Вероятнее всего, людям, покидающим «дом-громоотвод», вручат награды за заслуги, найдут почетные должности. Так всегда происходит, если засидевшийся на своем посту региональный лидер не оказывает сопротивления во время отставки. А Громов все же не Лужков и вряд ли станет противостоять собственному смещению. Народная молва отправляет его в отставку уже столько лет, что ему впору свыкнуться с мыслью о своем скором уходе.

Труднее всего будет найти человека, который бы взялся за расчистку авгиевых конюшен, выросших на территории Подмосковья за последние десять лет.

Перед ним встанет действительно нетривиальная задача привлечения инвестиций в регион, на который все уже махнули рукой. Но ведь область-то сама по себе действительно привлекательная. И если создать на ее территории хорошие условия для жизни и бизнеса, прозрачные правила игры, то, я уверена, она зацветет безо всяких долговых пирамид.

Может, необходимость залезть в опасные для региона долги как раз и возникла потому, что вложить деньги на общих условиях оказалось нелегко. То есть вложить-то ты можешь, но не факт, что завтра к тебе не придут чиновники, которые начнут диктовать условия, не прописанные ни в одном законе. Глава российского представительства ИКЕА эту ситуацию очень наглядно описал.

Сейчас все то и дело говорят о развитии международного финансового центра в Москве, о строительстве нашего аналога Силиконовой долины в подмосковном Сколково. Но кто этому верит? Иностранцы лишь скептически качают головами в ответ на рассказы о светлом будущем нашей страны.

Они помнят, как один из основателей компании Google Сергей Брин призывал их не вкладывать деньги в свою родину, потому что это «заснеженная Нигерия». Здесь де не работают законы, и все решается «по понятиям».

История Подмосковья с передачей кредитов областных компаний жене министра местных финансов это подтверждает. Местные чиновники говорили, что построят регион-сад, а получился какой-то театр абсурда, и на некончающемся представлении зритель не успевает удивляться масштабу нарушений и разрушений.

Возможно, потому, что регион существовал в режиме «ручного управления». Когда человеческие слабости преобладают над законом, получается ерунда.

Надеюсь, что на смену Громову придет человек, который сможет учесть все допущенные предшественником ошибки. Оказавшись во главе региона, легко поддаваться соблазну и стать местным князьком, окружить себя свитой, влезть в разного рода интриги и дрызги, не устояв перед соблазном обеспечить себя и своих внуков до старости. Так поступали многие губернаторы и градоначальники.

Гораздо труднее исполнять прямые обязанности: соблюдая закон, делать жизнь на вверенной тебе территории лучше. Создавать для всех равные возможности, развивать регион, а не тянуть его на дно.

Да, это абстрактные слова, благие пожелания. В реальной жизни любому человеку, а уж тем более большому начальнику, приходится делать выбор. Иногда начинания, которые должны бы принести хорошие плоды, оказываются истоком многих бед. Мало кто может это разглядеть и вовремя предотвратить трагедию.

Что делать? Если бы все было так просто, то кто угодно мог бы стать мудрым правителем. Ими становятся единицы. А России вообще катастрофически не везет с «топ-менеджментом».

Но я думаю, надо продолжать надеяться. По крайней мере у Подмосковья, да и у нас всех есть некий шанс на перемены к лучшему.

Хотя бы потому, что все уже достаточно плохо, чтобы стать еще хуже.

Иллюстрации

Новый дом правительства Московской области в Мякининской пойме построен в 2007 году. За необычную по форме башню-губернатора с вертолетной площадкой на крыше его в народе прозвали «дом-громоотвод».

В марте 2008 года только что избранный президент России Дмитрий Медведев приехал в деревню Парамонино, чтобы открыть единственную в стране санно-бобслейную трассу. Спуститься с горы протяженностью 1600 метров он так и не рискнул.

Президент уехал, а посреди поля близ деревни Парамово осталось стоять странное сооружение, похожее на огромный белый шланг. Его строительство обошлось подмосковному бюджету в \$45 млн.

Летом 2010 года Подмосковье задыхалось в дыму от горящих торфяников. Премьер-министр Владимир Путин и глава МЧС Сергей Шойгу прилетели оценить масштаб бедствия в Коломну. Губернатор Громов попросил их выделить на обводнение торфяников 25 млрд рублей, но в итоге получил почти в сто раз меньше.

Когда дело касалось дорогостоящих имиджевых проектов, Подмосковье всегда было в первых рядах. Но стоило случиться чему-то непредвиденному, как руководство региона, да и все его жители, начинали уповать на федеральные власти

Десятки тысяч жителей области встретили 2011 год в темноте из-за ледяного дождя, ставшего причиной обрыва проводов, хотя незадолго до праздника губернатор Громов рапортовал о полной ликвидации последствий стихии. За это ему пришлось держать ответ перед Путиным.

Бывший министр финансов Подмосковья Алексей Кузнецов за несколько лет построил целую долговую империю, но наслаждаться плодами своих трудов ему пришлось недолго: летом 2008 года он уехал за границу, чтобы избежать уголовного преследования.

Дочерние компании Московской области не смогли расплатиться с кредиторами и обанкротились. В конкурсной массе банкротов оказалась и часть здания Мособлдумы на Проспекте Мира в Москве. Она тоже может пойти с молотка.